

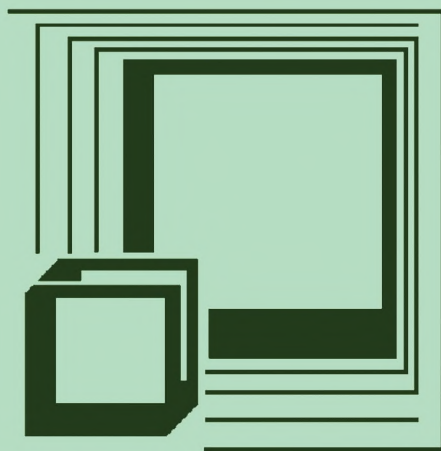
- ❖ Светлана Шенбрунн. Короткие рассказы
- ❖ Владимир Авербух. Избранные переводы Р-М Рильке
- ❖ Степан Левин. Воспоминание о будущем
- ❖ Галина Шестакова. Райкин шоколад и другие рассказы
- ❖ О. Мельникова, А. Мельников. Тяпи, Зося, як пришлось

26-27

СТУДИЯ

Berlin * Москва

STUDIO

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
UNABHÄNGIGE RUSSISCH-DEUTSCHE LITERATURZEITSCHRIFT

СТУДИЯ

STUDIO

26-27

Berlin * Москва

2018

Редактор журнала
Александр ЛАЙКО

Редакционная коллегия:
Марина НАУЙОКС, Ильзе ЧЁРТНЕР,
Вадим ФАДИН, Иосиф МАЛКИЕЛЬ

Художник Маргарита РЁШ

Redakteuren:
Alexander Laiko

Redaktion:
Marina Naujoks, Ilse Tschörtner,
Vadim Fadin, Josif Malkiel

Design:
Margarite Rösch

©STUDIO - ZEITSCHRIFT BERLIN

ISBN: 3-938902-30-2

Расположение журнала в интернете:
до 2014 г. в архиве Журнального зала.
С 2014 г. на сайте «Вторая литература,
журнал «Студия» или
<http://www.vtoraya-literatura.com/>

Приём прозы и поэзии от авторов:
studiozeitschrift@yahoo.de
studio.berlin@mail.ru

Содержание:

	стр.
<i>ПРОЗА – PROSA</i>	
Алексей Дурново. Курильщик. Рассказ	4
Галина Шестакова. Райкин шоколад, Американские горки, Не случилось, Кармен. Рассказы	26
Аркадий Маргулис. Испанский гранд, Дилижанс для сумасшедших	100
Константин Июльский. Последний фельетон, Самый быстрый мышь Мексики. Рассказы	64
Светлана Шенбрунн. Короткие рассказы	92
Ольга Кравчук. Психоз. Рассказ	120
<i>ПОЭЗИЯ – LYRIK</i>	
Александр Кузнецов	96
Наталья Розенберг	22
Михаил Вайман	128
Анатолий Самбур	147
Михаил Карецкий	60
<i>НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ – NEUE ÜBERSETZUNGEN</i>	
Михаил Горелик Памяти Владимира Авербуха	80
Владимир Авербух Избранные переводы Р.-М. Рильке	82
<i>ВЧЕРА И СЕГОДНЯ – GESTERN UND HEUTE</i>	
Леонид Немировский. Наш дирижёр	111
Александр Лайко. Елабуга	113
<i>ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ – SCHRIFTSTELLER UND SEINE ZEIT</i>	
Исай Кузнецов. Das war dein Kind. Рассказ	131
<i>НА ПОВОРОТАХ ИСТОРИИ – AN WENDEPUNKTEN DER GESCHICHTE</i>	
Степан Левин. Воспоминания о будущем	151
Ольга Мельникова, Алексей Мельников. Тярпи, Зося, як пришлось ...	181
<i>КОРОТКО ОБ АВТОРАХ – KURZ ÜBER DIE AUTOREN</i>	196
<i>На 3 и 4 стр. обложки – стихи и гравюра Владимира Ковенацкого.</i>	

Алексей Дурново

ЖИЗНЬ КУРИЛЬЩИКА В 2088 ГОДУ

Проспер Боримиров плюхнулся в кресло, откинул голову на подушку и глубоко выдохнул. Чтобы хоть на минуту забыться, он даже закрыл глаза, но отрешиться не получилось. Руки сами собой нашли управляющую панель аэромобиля «Шолль-137», производства Корпорации «Аэромоторс». Безумный день. Венец непрерывной и кропотливой работы, длиной в полтора года. Если быть более точным, 17 месяцев и 22 дня. 17 месяцев и 22 дня стрессов, нервов, споров, конфликтов и рисков, которые едва не пошли псу под хвост. Новый продукт Корпорации «Ван Тиллен» – бургер с лесными ягодами – был презентован совету акционеров в полном соответствии с высочайшими стандартами. Боримиров полтора часа распинался о его преимуществах, а акционеры улыбались и кивали до тех пор, пока один из них, молодой, белобрысый, с физиономией обнаглевшего кретина, не задал убийственный по своей тупости вопрос: «Что такое лесные ягоды?» Его не интересовали потенциальный коммерческий успех или оздоровительная составляющая нового бургера. Он не выяснял, как долго шли испытания, его не волновало, что семь фокус-групп остались в полном восторге и никого не стошнило. Он спросил про лесные ягоды. Проспер объяснил.

– Я и так знаю, что такое ежевика и малина, – отчеканил белобрысый. – Что означает слово «лес»? Клиенту оно может быть непонятно.

Проспер, как мог коротко, сформулировал ответ. Лес – это скопление деревьев, некогда неотъемлемая часть планеты, ныне – ее история.

– Так, ягоды создавались в лесу? – не унимался белобрысый.

– Ягоды были созданы в лаборатории, в специальных условиях, в точности воспроизводящих лесные, – теряя терпение, ответил Боримиров.

Ему пришлось потратить еще десять минут, чтобы разъяснить подробности. Уникальный эксперимент, полностью воссозданная экосистема

леса, колоссальные инвестиции, в итоге получен натуральный продукт, а вовсе не репликат, как можно было бы подумать. Этот факт будет отражен и в лицензии, и на упаковке.

– Ясно, – белобрысый изобразил очень противную улыбку, – не лучше ли будет изменить название? Скажем, новый бургер «Ван Тиллен» с ягодами из натуральных экосистем. Слово «лес» непонятно и может отпугнуть людей. Клиент вправе знать, что именно он ест.

Проспер готов был взорваться, но Лана Боргерсен, его начальник и друг, вмешалась с гениальным предложением:

– Несомненно, над названием нужно еще подумать, чтобы точнее передать идею нового продукта. Есть ли у вас претензии по качеству и концепции?

Претензий не оказалось. Собрание решило, что идея удачна, но название нужно сменить. Какое же название может точнее передать идею бургера с лесными ягодами, как не бургер с лесными ягодами? Впрочем, это не был провал. Неудачу с названием Лана ему простит.

– Шелли, – упавшим голосом обратился Проспер к аэромобилю, – заводи.

Управляющая панель издала приятный звук, слегка напоминавший шуршание, и засияла нежно-голубым цветом.

– Добрый день, Проспер, – вежливо поздоровалась Шелли. – Желаете взять штурвал?

– Ни за что. Действуй сама.

– Вы желаете отправиться домой?

– Да.

– Коротким путем или обзорным?

– Давай коротким, хочу побыть один до того, как жена обрушится на меня со своими проблемами.

Кресло приняло наиболее безопасное положение, а шесть страховочных ремней крепко обхватили Проспера со всех сторон, почти лишив его возможности двигаться, но увеличив его шансы выжить в случае лобового столкновения с тяжелогрузом на скорости 450 километров в час и на высоте больше 20 метров. Аэромобиль, детище Корпорации «Аэромоторс», слегка качнулся из стороны в сторону и стал медленно набирать высоту. Проспер всегда ненавидел этот момент, ибо чувствовал себя очень глупо, будучи вжатым в кресло и обхваченным ремнями. «Шолль-137» немного сдал назад и резко взмыл на высокоскоростную трассу «Третий поток», на линии выше 20 метров.

– Хотите кофе, сон или музыку? – спросила Шелли.

– Нет, – покачал головой Проспер.

- Новости.
- А там есть что-то интересное?
- Предупреждение о похитителях новых управляющих колец.
- Каким же кретином нужно быть, чтобы дать украсть у себя управляющее кольцо? – Проспер слегка улыбнулся. – Знаешь, Шелли, дай-ка мне лучше панорамный вид.

Экран передней панели загорелся и открыл Боримирову шикар­ный вид на вечерний Тилленофис – крупнейший город Земли после Новой Москвы и Рободрома. Проспер любил его, хотя многие находили этот город мрачным и неприветливым. Но как было не любить столицу Корпорации, которой ты отдал сорок с лишним лет жизни.

Родители переехали сюда из Софии в тот самый момент, когда стало окончательно ясно, что будущее за Корпорациями, а не за государствами. Просперу только исполнилось девять, они с Тилленофисом были ровесниками. За следующие сорок лет они вместе добились многого. Проспер учился в Университете менеджмента и играл в лазербол в студенческой лиге. Надо сказать, играл плохо, но он же не собирался становиться профессионалом. Потом он пришел в Корпорацию. Начинал клерком в отделе новых продуктов, носил кофе, пел гимн, участвовал в тренингах и, когда было нужно, играл за отдел в лазербол. Теперь он топ, от него зависит судьба инвестиций, новых продуктов и отчасти – Проспер гордился этим – будущее всей Корпорации. Он успешен настолько, что позволил себе забыть фамилию своего первого босса, того самого, которому носил кофе. И все же он не столь успешен, как Тилленофис. Тилленофис за эти сорок лет увеличил свою площадь в двадцать семь раз. Он поглотил девять старых городов и оброс семью кольцами сверхскоростных трасс. Он стал великим мегаполисом, от одного вида которого захватывало дух. Мегаполисом, дававшим жизнь огромной Корпорации и миллионам ее сотрудников. Его центр украсили величественные небоскребы самых разных форм. «Винт», «ДНК», «Макаронина», «Гирлянда», «Мальш» – длинной чуть меньше километра, – а рядом с ним «Детина» – Проспер помнил, как все они строились. Но главным из всех был и будет «Двуглавый Пик» – столп Корпорации, высотой в километр четыреста семь метров, с самыми скоростными лифтами в мире. Может ли человек забыть момент, когда он впервые оказался в таком лифте. Тыходишь в него, намереваясь отправиться на свой 97-й этаж, и думаешь, что у тебя в запасе есть как минимум пять минут. И лифт взмывает вверх со скоростью ракеты, а ты сжимаешься от страха, ибо думаешь, что пол уходит у тебя из-под ног. Но пол на месте, просто ты не чувствуешь его. Ты думаешь о смерти, но слышишь лишь приятный голос, который сообщает, что ты прибыл на 97-й этаж

всего за пару секунд. «Двуглавый Пик» тоже строился на глазах Проспера, и Проспер гордился тем, что его успехи, в числе успехов многих других сотрудников, позволили Корпорации высвободить средства для возведения своего столпа. «В этой громадине, есть частичка меня», – говорил себе Боримиров всякий раз, когда смотрел на «Двуглавый Пик». Но не только в столпе Корпорации была его частичка. При желании он мог найти ее везде. И в самом большом в мире искусственном парке, и в семярусных кварталах, и во внешнем оборонительном контуре, который позволил закрыть город от бесконечного потока мигрантов из тех районов Земли, где население еще не осознало всех преимуществ Нового режима. «Свое место в великом городе нужно заслужить, – думал Проспер, глядя сверху на Тилленофис. – Ты должен быть кем-то, чтобы беззаботно снова по его улицам, чтобы быть крошечным трудолюбивым муравьем в великом муравейнике. Потому что именно такие муравьи делают свой муравейник великим, ибо в нем есть частичка каждого из них. Как и моя частичка есть в тебе, великий город, а твоя – во мне». И, конечно, частичка Проспера была в «Колоссе» – 135-тысячной лазербольной арене, над которой, как раз проносился «Шолль-137». Огни «Колосса» не горели, арена была погружена во мрак в ожидании следующей игры, когда фанаты забьют ее под завязку и тысячи глоток радостно запоют песни в поддержку «Лосей», а трибуны загудят так, что весь «Колосс» заходит ходуном, будто в бешеной пляске.

– Шелли, – попросил Боримиров, – дай аналитику на ближайший матч.

– «Лоси» – «Черные демоны». Суббота 19.00. Аналитики сходятся во мнении, что «Лосям» будет крайне трудно победить одного из лидеров лиги без своей главной звезды – пасующего ДиДжеймса Паркса, а также молодого разгоняющего Олега Страхова, набравшего семь очков в трех последних играх. «Черные демоны» продолжают серию из пяти побед. Вратарь Оливье Ком пропустил всего двенадцать голов, а левый атакующий Фасио лидирует в лиге по показателю полезности в третьем отрезке игры и...

– Хватит! – Проспер вновь начал терять самообладание. – Кажется, мои внуки умрут раньше, чем увидят «Лосей» в плей-офф.

Панель внезапно погасла, а на руке Боримирова завибрировало управляющее кольцо, производства Корпорации «Эйби».

– Дьявол, – пробормотал Проспер и повернул кольцо.

Перед ним высветился основной экран. Двадцать пять сообщений, страница в SN не проверялась более двенадцать часов, а также два пропущенных видеозвонка и третий, входящий.

– Да, любимая жена, – натянуто улыбнувшись, сказал Проспер, принимая звонок.

Перед ним появилось трехмерное лицо Лидди. Боримиров с первого взгляда понял, что сегодня жена делала сглаживание, что свидетельствовало о крайнем ее раздражении. Словом, стоило либо сбросить вызов, сославшись на сбой, либо приготовиться к очень неприятному разговору.

– Ты где? – сухо спросила Лидди.

– Ты не видишь? – Боримиров кивнул сначала направо, потом налево. – Я в машине, лечу домой.

– Как всегда тебя нет, когда ты нужен! Знаешь, что у нас тут произошло?

– Очевидно, сейчас узнаю.

– Кора – вот что у нас произошло! Твоя дочь сбежала на Флостон с клерком из твоего отдела!

– Наша дочь, Лидди, наша.

– Когда она сбегает – она твоя. Ты должен его уволить!

– Я не могу уволить человека за то, что он спит с моей дочерью. Это грубейшее нарушение корпоративного права. К тому же у меня в отделе работает полмиллиона человек, и как минимум с тремя из них наша дочь уже сбежала.

– Его имя Эдуардо Кальваро. Ты должен что-то с этим сделать. Я устаю смотреть на то, как ты позволяешь всем подряд увозить нашу дочь на Флостон!

– Наша дочь совершеннолетняя. Она вправе сама распоряжаться своей жизнью. Я не могу уволить этого Эдуардо. Я не могу даже забрать ее с Флостона.

– Это потому, что ты тряпка! Да-да, ты тряпка, Проспер. Это дурацкое корпоративное право для тебя важнее семьи. Важнее меня! Важнее Коры. Она сбежала на территорию «Параисо», мерзкой, поганой Корпорации, где разрешено все то, что запрещено в остальных Корпорациях и даже то, что запрещено у старорежимников. Знаешь, ведь отец-старорежимник уже давно нашел бы способ пробраться на Флостон и набить морду этому Эдуардо! А дочь, дочь бы он бы высек по первое число и запер бы дома...

– Дорогая, – резко перебил ее Проспер, – пока ты не начала воспевать Старый режим, что может обернуться для нас большими проблемами, я напомню тебе, что мы не можем нарушать закон, даже когда нам это нужно. Корпоративное право...

– Не желаю больше слышать про корпоративное право! Флостон – это кислоты, проститутки всех полов, танцы, беспорядочные половые связи, алкоголь и чертово море. А если она утонет, а если ее убьют, а если этот Эдуардо втянет ее в какую-нибудь темную историю с кислотами?!

– Не болтай ерунды. Ты видела, какие там защитные системы? Худшее, что может случиться – это арест. Полиция задержит ее и передаст нам, как

бывало раньше. И вообще ты плохо думаешь о Коре, она ни разу не баловалась кислотами.

– А сейчас может и побаловаться!

– Чего ты от меня хочешь, Лидди? Мы хорошо воспитали дочь. И этот Эдуардо не был бы клерком, если бы не знал, как себя вести. Они взрослые и не обязаны сообщать нам о своих планах.

– Я хочу, чтобы ты принял меры.

– А что же ты сама их не приняла?! Узнав о том, что твоя дочь сбежала на Флостон, ты что сделала первым делом? Ты отправилась делать сглаживание, а потом позвонила мне и устроила скандал! Знаешь, Лидди, если тебе так хочется держать нашу дочь взаперти, то займись этим сама. Рвани на Флостон, набей морду этому Эдуардо и увези Кору домой. Но только не думай, что я буду оплачивать услуги юристов, когда тебя арестуют за вмешательство в частную жизнь, нарушение корпоративной этики и рукоприкладство.

– Я так и сделаю, Проспер, так и сделаю! Потому что ты тряпка, а не мужчина! Потому что ты ленивый слюнтяй! Потому что тебе плевать на будущее дочери и нервы жены...

– Потому что мне хочется от вас отдохнуть! – взревел Боримиров и резко повернул кольцо, сбросив вызов.

Экран и разгневанная Лидди исчезли.

– Семья. Обуза моего существования, – покачал головой Боримиров. – Если бы я не рассчитывал повысить свой рейтинг за счет прихода детей в Корпорацию, я бы не стал затеваться с этой авантюрой.

Кольцо Корпорации «Эйби» вновь завибрировало, причем так сильно, что палец заходил из стороны в сторону. Кажется, кольцу передавалась ярость Лидди. Проспер поспешно снял его с пальца и убрал в карман.

– Шелли, – устало проворчал он, – я хочу покурить.

– Проспер, вы не курили три недели, стоит ли...

– Стоит, давай сюда мои сигареты.

Шелли ответила шуршанием, а затем огорошила Проспера неожиданным ответом.

– Сигарет нет.

– Что значит – нет? Три недели назад у меня их было три.

– Вы установили разрешение на уничтожение в том случае, если не будете использовать их в течение двадцати дней. Вчера в 16.07 я их уничтожила. Могу показать протокол.

– Нет, не надо, Шелли. Ты же не можешь лгать. Так, лети в ближайшую точку продажи сигарет. Живо. Я не вернусь домой к этой безумной мегере, пока не покурю.

Ближайшая точка продажи сигарет оказалась в тринадцати километрах. Шелли пришлось уйти с «Третьего потока» на менее скоростной второй, а оттуда снизиться на городскую высоту, где они провели сорок минут без движения в бесконечной пробке. У этого, конечно, были свои плюсы. Число страховочных ремней сократилось с шести до двух, а Проспер получил возможность свободно двигать руками. Не ахти какое преимущество, если учесть, что все сорок минут он нервничал, бранился и проклинал тот день и час, когда женился, а также тот день и час, когда Корпорация «Параисо» открыла Флостон и объявила о том, что в интересах клиентов действие корпоративного права будет там ограничено. Боримиров хорошо помнил судебный процесс по делу Флостона. Восемь Корпораций судились с «Параисо», а разбирательство показывал «Главный канал Справедливости» Корпорации «Медиэйшн». Обычно «Главный канал Справедливости» показывает разбирательства по убийствам и изнасилованиям, а также бракоразводные процессы знаменитостей. Но тут весь прайм-тайм был занят судом по Флостону, а миллионы зрителей засыпали руководство Корпорации гневными сообщениями. В итоге «Параисо» выиграл дело, но последние эпизоды показывали уже по «Третьему каналу Справедливости», ибо как раз тогда начался развод звезды лазербола Марио Дайса и порноактрисы Гетеры. Кажется, Дайс не только бросил ее, но еще и основательно поколотил. На процессе звучали слова: «приложил доской», «запер в холодильнике» и «возил по столу». Иногда Проспер думал, что и сам был близок к тому, чтобы поступить также с Лидди, но тогда он точно проиграл бы процесс и, скорее всего, лишился бы работы.

Точка по продаже табачных изделий представляла собой убогую металлическую клетушку на задворках гигамаркета Корпорации «Джелзо». Двери клетушки украшали все пятнадцать предупредительных знаков, а также жуткие картинки, предсказывающие мучительную смерть всякому, кто еще не бросил курить.

Внутри Проспера горячо приветствовала Ара-7 – новейший робот-продавец, производства Корпорации «Робо».

– Добрый вечер, уважаемый клиент, – нараспев заговорила Ара-7, с виду напоминая девушку из группы поддержки.

Она была одета в короткий топик, розовые туфельки и такого же цвета юбку, искусственные волосы завивались в два хвостика. Внешне Ара-7 была неотличима от человека. Ее принадлежность к продукции Корпорации «Робо» выдавали лишь надпись «Ара-7» и копирайт «Робо», нанесенные на оголенный живот.

– Пять сигарет «Блю Эппл», – отчеканил Проспер, который мысленно уже готовился к долгому диалогу.

Ара-7 тут же перестала улыбаться.

– Уважаемый клиент знает, что курение наносит непоправимый вред его здоровью?

– Да.

– Уважаемому клиенту известно о том, что табачный дым наносит вред не только ему, но и окружающим?

– Да.

– Уважаемому клиенту известно, что курение полностью запрещено на территории шести Корпораций, а на территориях остальных курение разрешено лишь в специально отведенных местах?

– Уважаемому клиенту это известно, – ответил Боримиров, который начал терять терпение.

– Возможно, уважаемый клиент хочет приобрести один из препаратов, который навсегда избавит его от этой вредной привычки?

– Нет, уважаемый клиент хочет приобрести пять сигарет «Блю Эппл».

– В продаже имеются также другие средства, позволяющие преодолеть зависимость от курения.

– Нет, спасибо, я хочу купить пять сигарет «Блю Эппл».

– Вы также можете настроить свой генератор снов от Корпорации «Эйби» на специальную программу, которая убедит вас полностью отказаться от курения меньше, чем за неделю.

Просперу очень хотелось перебить Ару-7, но он знал, что это бесполезно. Робот договорил бы даже в том случае, если бы Боримиров начал дубасить его по голове.

– Мне это известно, – пытаюсь сохранить самообладание, ответил Проспер, – но я хотел бы все равно купить у вас пять сигарет «Блю Эппл».

Ара-7 тупо кивнула, так что искусственные хвостики встряхнулись, отъехала к автомату и открыла торговую панель.

– В целях сохранности вашего здоровья табак в сигаретах будет заменен репликатом для уменьшения вреда. С вас #5400.

– Сколько? – У Проспера чуть челюсть не отвисла.

– Табачные изделия не защищены действием положения 71 Конвенции о торговле, регулирующей отпускные цены.

– Но месяц назад пять сигарет стоили #4500? Почему они так стремительно подорожали?

– Табачные изделия не защищены действием положения 71, а значит, отпускные цены на них увеличиваются свободно.

– Твою мать, – выцедил Проспер.

– Прошу вас воздержаться от подобных выражений на территории нашего гигамаркета, – бесцеремонно отозвалась Ара-7.

Боримиров достал кольцо и, всячески демонстрируя свое неудовольствие, перевел гигамаркету #5400, после чего автомат выдал ему пять сигарет «Блю Эппл». Каждая была завернута в специальную защитную упаковку квадратной формы, чтобы никто из тех, кто мог бы случайно наткнуться на такую упаковку, не подумал бы, что внутри находится сигарета.

– От лица Корпораций «Джелзо» и «Робо» я желаю вам поскорее избавиться от этой вредной и губительной привычки, – сочувственно сказала вслед Просперу Ара-7, когда тот выходил из клетушки.

– Шелли, – Проспер вернулся в кресло аэромобиля, – поехали к ближайшему куполу.

Кротчайший путь до ближайшего курительного купола составил еще двенадцать километров. Шелли пришлось несколько раз менять потоки, так что Проспера все время трясло, а ремни, количество которых постоянно менялось, под конец дороги так сильно врезались в кожу, что он чуть не взывал от раздражения и боли. Последние два километра нужно было пройти по городской полосе, где они с Шелли опять встряли в пробку, отнявшую у них еще сорок пять минут.

К тому моменту, как Проспер вошел в купол, он был раздражен до такой крайности, что ему хотелось кого-то убить. Шелли, заметив, что он берет с собой две сигареты, попыталась провести с ним санитарно-просветительную беседу в духе Ары-7.

– Заткнись, железка, – грубо бросил Боримров и выскочил на улицу.

Возле купола ему на глаза попала пара целующихся молодых людей. Высокий парень с тремя татуированными полосами на лбу и девушка с зеленым чубом. Оба слегка подрагивали.

– Поганый город! – шепотом пробормотал Боримиров. – Вещества здесь купить проще, чем сигареты!

Едва он вошел в купол, как его окружил опрыскиватель, производства Корпорации «Эйби». Он распылил по одежде Проспера защитный спрей, отталкивающий запах табака, и, оставив Боримирова на прежнем месте, унесся ввысь также быстро, как спустился.

– Вы у нас в первый раз? – спросил Проспера строгого вида служащий департамента здоровья.

– Я не помню, бывал ли я в этом куполе раньше.

– В таком случае мы должны это проверить. Назовите ваше имя, фамилию и должность.

– Проспер Боримров. Третий топ-менеджер отдела новых продуктов управления новых продуктов Корпорации «Ван Тиллен».

– Нет, вы у нас еще не были, – сказал служащий. – Хотите завести карту?

– Я хочу покурить и уехать домой.

– Карта позволит вам в дальнейшем избежать наценок за повторное использование купола.

Боримиров посмотрел на служащего точно так же, как смотрел на белобрысого акционера, спрашивавшего у него, что такое лес. Это взгляд должен был размазать служащего по стенке, но тот явно не заметил реакции Проспера.

– В таком случае сообщаю, что минута пользования куполом стоит #10. Вы также можете заплатить #150 и пользоваться им неограниченное время.

Проспер не стал отвечать. Он достал кольцо, чтобы перевести куполу деньги. Кольцо от Корпорации «Эйби» заметно потяжелело, что говорило о большом числе накопившихся сообщений и звонков.

– Не желаете ли заполнить анкету? – спросил служащий, когда деньги были переведены на счет купола. – Мы проводим большее социологическое исследование, которое поможет выяснить, какие люди наиболее расположены к курению.

– Что значит какие? – спросил Проспер и тут же пожалел о своем вопросе.

– В данном случае мы анализируем множество факторов, – оживился служащий. – Место рождения, длительность пребывания в зонах Нового режима, социальный статус и даже черты характера. Вы могли бы очень помочь нам, поучаствовав в опросе. Каждому прошедшему тест подарок – банка «Берти-колы».

– Пошел к черту, – сказал Проспер так тихо, чтобы служащий не мог услышать его, и, не обращая на него больше внимания, прошел дальше в купол.

Здесь было людно. В куполе собралось около двухсот человек, достаточно смелых, решительных и стойких, чтобы выдержать все испытания, выпавшие на долю того, кто еще отваживался курить. Сигаретный дым огромными клубами поднимался к вершине купола, где его стремительно засасывали беспрерывно тарахтящие фильтры от Корпорации «Эйби». Приятный женский голос, шедший откуда-то сверху, нежно и неторопливо осыпал курильщиков интересными фактами и устрашающими картинками.

– Если бы каждый из пятидесяти миллиардов человек, населяющих нашу планету, закурил бы сигарету, то суммарный вред, нанесенный экологии Земли табачным дымом, превысил бы ущерб от взрыва нескольких ядерных зарядов.

Проспер молча прошел к своей кабинке у продолговатой пепельницы, достал сигарету, нервно растерзал упаковку и закурил. Кажется, это

был лучший момент за последние несколько часов. Жаль только, что длина сигареты составляет лишь тридцать процентов от длины фильтра. Пять-шесть затяжек, и сигарета автоматические погаснет. Он блаженно выдохнул дым и прислонился к стене купола. Кажется, этот чертов опрыскиватель так усердно распылил на него средство, что слегка попортил пиджак. Новый пиджак от Корпорации «Сантино и Дзоли». Он надел его всего лишь в третий раз. Проспер почему-то совсем не злился. Надо было бы, наверное, подать жалобу, а еще надо подумать, как усмирить Лидди, если та еще не на Флостоне, да и о новом названии для бургера с лесными ягодами тоже нужно подумать. Но только не сейчас. Успеется.

– Задумайтесь о том, что от болезней, вызванных курением, уже умерло больше людей, чем от всех войн, которые вело человечество в двенадцатом веке.

Проспер докурил и положил сигарету в пепельницу, которая немедленно распылила ее. Он полез в карман за новой, но наткнулся на кольцо. С последнего раза оно потяжелело еще больше.

Боримиров зажал сигарету губами, думая закурить, но в последний момент передумал. Лучше сначала проверить кольцо. Нехотя он вынул его и включил основной экран. Семнадцать звонков от Лидди и пять видеосообщений.

– Пропади оно пропадом, – пробормотал он. – Прослушать подряд.

Экран засветился ярко-золотой краской.

– Уведомление о том, что вы курили, отправлено в офис. Это третий раз за месяц. Вам будет назначена лекция о вреде курения, – сказал строгий механический голос.

Ярко-золотую краску на экране сменила трехмерная голова Кору. Мокрые темные волосы, на заднем плане песчаный пляж, залитый солнцем.

– Папа, прости, – Кора широко улыбнулась в знак того, что осознает свою вину. – Мама опять как с цепи сорвалась. Я не планировала уезжать. Я сделала это ей назло. И со мной не Эдуардо, а Люси и Нара. Мы вернемся через пару дней, когда мама остынет. И, прости, я списала у тебя #5000 на билет.

Кора исчезла, а ее место заняла Лана Боргерсен, одетая в строгий костюм, на заднем плане были видны окна ее рабочего кабинета.

– Просп, привет, – сказала она, – твои предложения по названию нужны мне сегодня к девяти вечера. Завтра в 7.30 у меня совещание. «Тесто» и «Лорд-фуд» выпускают новые продукты в начале сентября, мы не можем отстать от них.

«Так-так, – прикинул Боримров, – я буду дома не раньше половины десятого. Пришлю предложения к полуночи и, скорее всего, буду на со-

вещании только в 7.40. Впрочем, задержку и маленькое опоздание, Лана наверняка мне простит».

– Тебе не уйти от разговора! – заорала голова Лидди, едва появившись на экране. – Деньги она взяла у тебя. Ты ее отправил на Флостон! Ты это мне назло?! Я этого так не оставлю! Деньги ушли с семейного счета, которым ты распоряжаешься, а по корпоративному праву все расходы этого счета должны согласовываться со мной. Имей в виду, если ты не примешь мер, я подам заявление в банк и официальную жалобу...

– А как будто ты согласовываешь со мной расходы на твои бесконечные омолаживающие процедуры! – закричал Проспер, даже не осознавая, что Лидди не может ответить ему.

Пятое сообщение было от банка. За день потрачено #10550, больше, чем за всю неделю. Хотите составить бланк-кошелек, чтобы лучше отслеживать свои расходы и экономить?

Проспер покачал головой.

– Ух ты, – услышал он за спиной, – у вас управляющее кольцо С8?

– Оно самое, – бросил Проспер и обернулся.

Перед ним стоял грузный мужчина с обвисшими щеками и взъерошенной рыжей шевелюрой. На вид он был старше Проспера лет на восемь. Одет в костюм от Корпорации «Джанфранко» – видимо, жизнь у него не сложилась. Вполне вероятно, он из тех, кто не смог построить карьеру в Корпорации и был отправлен в благотворительный фонд. Сейчас будет клянчить деньги для старорежимников.

– Простите, я забыл представиться, меня зовут Рейнард. Рейнард Туль. Я из отдела соответствия санитарным нормам.

Отдел соответствия санитарным нормам – скопище неудачников. Неудачники там бывают двух типов. Те, кто начинал там, но не смог подняться, и те, кого скинули туда из более серьезных отделов за какой-нибудь неописуемый провал. Проспер брезгливо пожал Тулю руку и назвал сам.

– Ух ты, отдел новых продуктов! – Туль громко расхохотался. – Ну, бывает же такое, представляете, лет десять-пятнадцать назад я там всем заправлял.

Проспер остановился как вкопанный. Лет десять-пятнадцать назад он уже работал в отделе новых продуктов...

– Как вы сказали, вас зовут.

– Рейнард Туль.

– Ничего себе, – Проспер даже слегка улыбнулся. – Да я вас помню. Я же вам таскал кофе. Я же выполнял все ваши мелкие и бессмысленные поручения.

– Вот оно что, – Туль вновь расхохотался. – А теперь, видимо, вы сами

там всем заправяете. Костюм от «Сантино и Дзоли», С8. Очевидно, вы добились больших успехов, чем я. Берегите свое местечко, Проспер. А то свалитесь к санитарным нормам и будете драить столы за ленивыми роботами. Если бы вы только знали, сколько головной боли они мне добавили. На официанта-человека еще можно было как следует наорать, корпоративным правом не возбраняется. И тогда он хотя бы на пару дней брал себя в руки. А эти чертовы роботы Белл-5... Впрочем, мне грех жаловаться, до них были Белл-4, а они были еще хуже.

– Послушайте, Рейнард, – Проспер не проникся рассказом собеседника, но живо заинтересовался его прошлым, – что с вами тогда случилось?

– Позлорадствовать хотите? – лицо Рейнарда стало мрачным. – Поднялись на мое место, а теперь будете на меня свысока смотреть?

– Ни в коем случае, мне просто интересно. И я не на вашем месте. Отделом руководит Лана Боргерсен. Я один из ее заместителей.

– Ах, Лана, – Рейнард блаженно улыбнулся, – сладкая Лана. Знаете, если вам надо будет ее подсидеть, сообщите начальству, что она спала со мной за повышение. Прямо в том кабинете, где она сейчас сидит. Если бы в моем управляющем кольце был бы Мемори-чип, я бы даже мог представить доказательства этого невероятно горячего преступления.

Проспера передернуло. Лана была его начальником и другом, образцом корпоративной этики и преданности идеалам «Ван Тиллен», для которой интересы Корпорации всегда стояли выше ее собственных. А этот Туль – явный карьерист по своей психологии. Правильно его вышвырнули. Хорошо, что Корпорации стали избавляться от таких беспринципных людей.

– Вас за это отправили в отдел санитарных норм?

– Ну что вы, – снова расхохотался отвратительный Туль, – что вы. Тогда со мною отправилась бы и Лана. Лана Пылающие Сиськи. Я так ее называл про себя. Она всегда приходила ко мне такой разогретой. Нет, за это мне ничего бы не было. Хуже то, что я стал зарываться и пренебрегать принципами корпоративной этики. В них, знаете, какая закавыка? Можно нарушить один раз. Можно даже сделать иначе. Выбрать какой-то один принцип и нарушать его систематически. Опаздывать на работу, грубить начальству, готовить плохие презентации. На это будут закрывать глаза, потому что все мы несовершенны, хотя и стремимся к идеалу, и если увольнять за единичные нарушения, то Корпорация останется без сотрудников. Так что на секс с Ланой в рабочем кабинете все закрывали глаза. Да и, кроме Ланы, были еще другие. Но, знаете, в жизни каждого сотрудника настает такой момент, когда все начинает его бесить. В том числе и корпоративное право. Это сначала мы его боготворим и слепо ему повинемся. Но когда ты несколько раз нарушил правила, ты сразу начинаешь понимать, что без

корпоративного права жизнь тоже прекрасна. Даже не так. Она особенно прекрасна, когда ты знаешь, что можешь свободно нарушать правила. И тогда тебе будет хотеться расширить границы прекрасного. Узнать, настолько ли ты крут, чтобы нарушать сразу несколько положений. И, трахая будущую главу отдела новых продуктов, я часто об этом задумывался. И тогда я подумал, что, может быть, могу позволить себе больше.

– Вы захотели переспать с кем-то, кто старше вас по должности?

– Нет, я не настолько обнаглел. Я по старинке наваял одному наглому пареньку, который собирался удрать с моей дочерью в один из «настоящих раев» Корпорации «Параисо».

Проспер на мгновение потерял дар речи.

– День был ни к черту. Акционеры завалили нам новый продукт. Мы над ним больше года кряхтели. Потом жена устроила истерику. В общем, я всыпал этому парню по первое число, а когда мне предъявили обвинения, ляпнул что-то про то, что при Старом режиме было не так и плохо, потому что некоторые вопросы решались не через суд. И после этого моя карьера пошла вниз. Потом был отдел проверок, и вот там я уже попался с подчиненной. Затем отдел распределения, где я обхамил старшего. Таковую, знаете, плотную, толстомордую суку с пучком крашенных волос на голове. Вот так я и докатился до отдела санитарных норм.

– Правда? – ошеломленно пробормотал Проспер.

– А что, у вас случилось что-то похожее? Ах-ха-ха. По лицу вижу, что угадал. Это знаете почему, потому что все наши корпоративные истории похожи одна на другую. Мы живем гладкой, размеренной жизнью, но, когда что-то срывается, мы не можем совладать с собой. К тому же все срывается одновременно. Тупые акционеры, злая жена, дочь-оторва, а у меня еще любовница чего-то хотела. Слушайте, вы только не делайте так, как сделал я. Плюньте. Все пройдет, и все наладится. Помните, что, работая в отделе санитарных норм, вы не сможете оплачивать С8 от Корпорации «Эйби». Вам придется пользоваться поддержанными моделями типа А11 и носить костюмы от «Джанфранко». Вы даже представить себе не можете, насколько это унижительно. Как больно мы падаем, когда срываемся с корпоративной лестницы. Санитарные нормы – это же полнейшее дно. Хотя нет, отдел санитарных норм – это еще не дно. Дно – это учет запчастей для роботов, или утилизация мусора, или сбыт просроченной продукции. Это когда ты едешь с вагоном тухлых, вонючих бургеров в одну из этих старорежимных клоак, чтобы раздать нуждающимся. Я каждую ночь думаю, что могу там оказаться. Что еще одно нарушение, и меня отправят туда.

Туль бессильно опустил на корточки, его начинало трясти. Проспер вдруг проникся сочувствием к этому человеку, который еще несколько

минут назад внушал ему отвращение. Боримиров утешительно похлопал Туля по плечу, в тайне надеясь, что этим все кончится.

– Во что я превратил свою жизнь! – заревел Туль. – Я же сам себя закопал. Костюмы от «Джанфранко», комнатенка в пригороде, пять каналов, я даже за судебные шоу заплатить не могу, мне приходится ездить в общественном транспорте две недели в месяц, чтобы экономить на овелиуме, будь он неладен. А вы представляете себе, что такое А11? Это же обычный телефон. Кольцо-телефон, мать его. Нет экрана, голосовые сообщения без видео, карта памяти такая маленькая, что ее постоянно приходится чистить. И знаете, как я получил его? Эта хрень надоела сыну служанки моего босса. У нас целая очередь была за старыми бесплатными моделями из его закров. Вы только представьте себе, семь месяцев ожидания. Очередь за игрушкой сына горничной!

Боримиров еще раз похлопал собеседника по плечу, подумывая о том, что нужно, наверное, позвать служащего, чтобы тот оказал Тулю психологическую поддержку.

– Вы могли бы хотя бы рассказать мне о С8? – жалобно попросил Туль. – Я уже смирился с тем, что у меня его никогда не будет, но просто расскажите мне о нем. Пожалуйста.

– Это последняя модель, – нехотя заговорил Боримиров. – Подключены управляющий модуль дома, аэромобиль, функции связи, контроля за счетами. Может проверять здоровье, оценивать продолжительность жизни, давать советы и консультации по моде и корпоративной этике. Хорошо анализирует будущее на два-три дня вперед. Мемори-чип позволяет хранить там хоть все воспоминания твоей жизни. И генератор снов.

– Он существует? Я думал, это шутка, – прокряхтел Туль.

– Существует. Крайне удобная штука.

– Верю. – Туль обхватил голову руками. – Если бы вы знали, как бы он мне пригодился. Каждую ночь я сплю и вижу все то, что я потерял. Я стал директором. Я управляю «Двуглавым Пиком», я просыпаюсь счастливым, а потом вижу потолок своей комнатюхи и хочу повеситься. Я бы и повесился, если бы неудачные попытки самоубийства не карались смертью.

– Не надо так расстраиваться, может быть, получится, – лишь договорив, Проспер сообразил, что это так себе утешение.

– У меня не получится. У меня с тех пор вообще ничего не получается! Послушайте, можно мне, пожалуйста, поддержать ваше кольцо. Просто потрогать С8. Пожалуйста.

Боримиров поморщился. Он не любил давать посторонним свои вещи. Ладно бы еще друзьям, но первому встречному... Впрочем, Туль был так жалок и потерян, так подавлен и огорчен, что Проспер решил проявить

сострадание. В конце концов, ведь он и сам может оказаться в таком положении. Сорваться с вершины корпоративной лестницы и вместо вождя кресла директора-управителя «Двуглавого Пика» получить работу в отделе санитарных норм. И как знать, не будет ли лет через десять он, Проспер, умолять показать ему кольцо модели Е4, того самого парня, который сейчас приносит ему кофе.

Боримиров протянул Тулю кольцо, которое тот схватил с невероятной жадностью и проворством. Проспер повернулся к пепельнице и закурил наконец вторую сигарету.

– Деньги, которые вы тратите на табачные изделия, могли бы помочь тем, кто живет по правилам Старого режима. Если вы откажитесь от курения и переведете эти деньги в благотворительные фонды, то поможете сделать человечество лучше, – сказал увещевающий женский голос.

Боримиров глубоко затянулся сигаретой. Может быть, он и правда делает человечество лучше, если изучит историю этого Туля. Негоже, чтобы человек так пропадал. Ведь ясно же, что он осознал тяжесть содеянного и раскаивается. Нехорошо будет просто пройти мимо него, откупившись от проблем общества тем, что позволил несчастному человеку подержать в руках кольцо С8.

– Послушайте, Рейнард, – сказал Проспер, не оборачиваясь, – давайте я займусь вашим делом. Быть может, мне удастся поднять вас на пару ступеней выше. Проконсультируемся у юриста, посмотрим, можно ли отменить решения и аннулировать пятна в вашей репутации. Что скажете?

Ответа не было. Боримиров обернулся. Туль исчез, а вместе с ним исчезло и кольцо С8.

– Ах же ты, сукин сын! – Накопленная злость вдруг проснулась и разом нахлынула на него.

Проспер выбежал вперед к середине купола, все еще сжимая в руках сигарету. Слава богу, он вовремя спохватился, и Туль не успел еще уйти далеко. Он как раз выбежал из купола на улицу.

– Хватай его, – громко крикнул Проспер и рванул за ним.

Он хорошо и быстро бегал. Ежедневные тренировки не пропали даром. Тучный Туль не мог похвастаться таким проворством, так что Боримиров почти мгновенно сократил расстояние до выхода, еще немного, и он догонит его, но тут путь Просперу перекрыл служащий.

– Что вы делаете, уважаемый клиент, – попытался он вразумить Боримирова, – на улицу с сигаретой никак нельзя.

– Отвали, сволочь, – огрызнулся Проспер, ответив на увещание ударом ногой в живот.

Служащий скрючился и откатился в сторону, а Боримиров выскочил

на улицу. Туль бежал медленно. Их разделяло каких-то двадцать-тридцать шагов. Минута-другая — и Проспер его поймает. Он помчался, как разгоняющий «Лосей» Олег Страхов, когда тот не был травмирован. Кровь стучала у него в висках. Сейчас он схватит этого вероломного Туля за лацканы его дешевого пиджака и навалит ему точно так же, как тот в свое время навалил парню своей дочери. Проспер отбросил сигарету, чтобы бежать быстрее. Вспышка яркого света вдруг ослепила его, а резкий удар отшвырнул в сторону, прижав спиной к стене купола. Когда глаза немного привыкли к свету, а боль от удара стала чуть более терпимой, он сумел различить силуэт полицейского автомобиля, зависшего в полуметре над землей. Осязаемый свет прижал его к стене купола, а из бампера автомобиля на него были направлены две пушки, производства Корпорации «Воентех».

– Уважаемый сотрудник, – сказал голос из автомобиля, – поднимите руки вверх и стойте неподвижно. Вы задержаны.

– Задержан, – заревел Проспер, преодолевая боль в боку, – этот тип украл мое управляющее кольцо! Его ловите, мать вашу, полицейские хреновы! Его, а не меня!

– Воздержитесь от резких выражений, уважаемый сотрудник, – сказал голос из автомобиля, – это может ужесточить наказание.

Свет погас, отчего Проспер почувствовал себя легче. Он мельком глянул вправо и понял, что упустил Туля. Пока он свыклся с этой мыслью, двое полицейских взяли его под руки.

– Да что же вы делаете? – завопил Проспер, отчего бок вновь заболел. – Не я вор, а он. Он украл мое управляющее кольцо, а вы, вместо того, чтобы поймать его, помогли ему уйти!

Полицейские усадили его на заднее сиденье автомобиля.

– Хотите сделать заявление? – спросил один из них, оказавшийся при ближайшем рассмотрении весьма миловидной девушкой.

– Меня ограбили.

– Кто?

– Его имя Рейнард Туль, так, по крайней мере, он назвался. Сотрудник отдела санитарных норм. Подлейшим образом похитил мое управляющее кольцо С8, воспользовавшись моей доверчивостью.

– Одну минуту, – ответила девушка, склонившись над управляющей панелью. – Так, возьмем в отделение.

– Что значит в отделение? Зачем? Почему?

– Вы выбежали на улицу с сигаретой и бросили окурков на землю.

– У меня была уважительная причина, я стал жертвой ограбления. Вы обязаны задержать вора.

– Нет, – отрезала девушка. – Вы совершили более тяжкое преступление.

Действуя по инструкции, мы сначала доставим вас в отделение и только потом объявим в розыск того, кто украл ваше кольцо.

– Да он же успеет сбросить следы! Это кольцо стоило #11080. Сволочи, да вы с ним в сговоре! А я просто бросил окурочок..

– Вы ударили и унизили служащего департамента здравоохранения, – отрезала девушка. – Кроме того, бросив окурочек, вы нанесли ущерб экосистеме Тилленофиса на сумму не менее той, которую потратили на управляющее кольцо.

Проспер больше не мог контролировать себя. Белобрысый акционер, угрожающая жена, дочь, стащившая деньги, испорченный пиджак, наконец, этот проклятый Туль. Боримиров резким рывком высвободил руку из захвата и, что было сил, схватил девушку-полицейского за волосы.

– Поганые твари! – Он не помнил себя от ярости. – При Старом режиме я бы уже сам вернул себе кольцо, без вашей помощи! Я бы уже сам разобрался с воров! Вы не имеете права упускать преступника! Вы..

Новый удар в бок заставил его замолчать. Дыхание перехватило, и Проспер бессильно сполз на пол аэромобиля. Девушка и два других полицейских успели включить фонари, и лучи осязаемого света разом ударили Проспера в плечо, живот и колено. Он скорчился от боли, сиюсья закричать, но не мог набрать в легкие воздуха. Один из полицейских застегнул браслеты, и руки Проспера скрутило и дернуло вверх.

– Слоновью дозу успокаивающего ему! – скомандовала девушка. – И запишите за ним сопротивление полиции, рукоприкладство, нарушение правил курения, загрязнение экосистемы и попытку самоуправства. Кстати, он там, кажется, говорил что-то в духе восхваления Старого режима.

– Не помню, – пробурчал тот полицейский, что возился с браслетами.

– Мы проверим твои воспоминания, когда доберемся до отделения, – бросила девушка.

Аэромобиль резко набирал высоту. Проспер сидел на последнем сиденье, умильно рыдая от передозировки успокаивающего. Глотая одну слезу за другой, он силился вспомнить, говорил ли он что-то про Старый режим. Это было так важно, что он забыл обо всем остальном. О лесных ягодах, разъяренной Лидди, обманувшей всех Коре, испорченном пиджаке и даже об утраченном кольце С8 стоимостью #11000. Все это ерунда по сравнению с тем, что случится, если выяснится, что он, пусть и в припадке ярости, похвалил Старый режим. Потому что сопротивление полицейским, рукоприкладство и даже брошенный окурочек – это мелочи на фоне восхваления Старого режима. И Лана, наверное, ему бы их простила.

Наталья Розенберг

СЕРЬГИ С КАМУШКОМ

Так захотелось радости, что я
в комиссионке приглядела серьги
и, словно ошибаться побоясь,
купила почему-то без примерки,
спустившись в царство хлама и зеркал.
...Увидела, как платица качались,
превозмогая женское отчаянье,
которое никто не замечал,
лишь ветерок услужливый летал,
закиший дух туда-сюда качая,
двух продавщиц усталых выручая,
преображая призрачный подвал.
И я пошла, зажавши в кулаке
пакетик нежности, изящества и неги,
пускай пришлось по лестницам побегать,
по берегам кисельным в молоке.

Д.С.

Войду туда,
где места нет.
Сползает на
ухо берет.
Сквозняк, вино,
да старики.
Мне не с ноги
и не с руки
среди таких.

Мужское братство.
Пегий пёс.
Скамья, знакомая
до слёз.
А дом надёжно
в землю врос.
Прислужник хром,
то ли раскос,
бубнит под нос.
Зато на всём
спокойный свет,
хоть окон нет.
И уж давно
нет дверей
для заплутавших
дочерей.

* * *

Бог уничтожил
всех кавалергардов –
не надо было
в Пушкина стрелять.
И полегла блистательная рать
без Шамаханской девы и парадов.
Торжественно помедлив,
ливень хлынул
на белый лоб поэта Михаила.
Настало время
камни собирать,
сверкающие залы заселять
шагами и дыханьем милых,
цветами засыпать
пустующие
могилы.

* * *

Насущные
откроются пути,
полынные, заросшие за теми,
кому березами и соснами стоять
подобно белому былинному, навеки,
на трех путях оставленному камню.
Промытому,
облизанному ветром,
чи письма не каждому доступны,
но заблудившимся седым богатырям.
Сразившимся, сраженным и бессмертным,
рассеянными по свету
там и сям.

КАРТИНКА

Ангел по лесенке с неба сошел,
крылья сложил и спокойно стоит.
Горками желтый
песочек лежит.
Местность, конечно,
не сказочный Крит,
отнюдь не китайский шелк.
Крылья из планочек легких висят,
детскую спину его берегут.
В красные туфельки
ангел обут.
Значит, он здесь.
Тут.
Берег над речкой
не в меру крут,
облачка тут и сям.
Вот бы на лесенке
той посидеть,
к облакам прислонясь.

Чтобы не думать
уже ни о чем,
просто с ангелом
быть вдвоем.
Смыть в бурной речке
не пот, но грязь.
Стать, как овечка,
орёл, медведь.

ВСЯКИЙ ДОЖДИК

Пригодится
дождик всякий
упорядочивать слякоть.
Сочиняю непонятное,
непричесанное, мягкое,
издеваясь над людьми.
На полях
петляет трактор,
настоящий птеродактиль.
Горожан не прокормить.
Как тут быть?
Огорчается редактор.
Не печенье, а мученье.
И холодный
дождь леченье
для горячей
русской речи -
хирургическая нить.
Не заштопать,
не прошить.
Будет в горлышке першить.
Человеку человечье
полагается наречье
даже если он молчит.

Галина Шестакова

РАЙКИН ШОКОЛАД

Глава 1

Райка была блядью. И не забивала себе голову всякой ерундой. Она не стеснялась своего статуса и пыталась получить от жизни все, что могла, с помощью своих пряных женских прелестей. Мужикам нравился ее запах, ее упругое, крепкое тело, и отсутствие стеснительности во время секса. Она кричала, корчилась и извивалась, как кошка. Помойная. Но кому-то и приятная.

Райка понимала, что можно выйти замуж и с помощью замужества поднять своей статус, и даже добиться кое-какого положения в городе, но когда она, только из интереса, смотрела на жен своих любовников, все желание выйти замуж улетучивалось вместе с папиросным дымом. Придется стать такой же чопорной и унылой, напялить на себя унылые шмотки и культурно выражаться. Ее от этого тошнило.

Правда один раз, после особенно гнусного дня на работе и вечернего нытья матери о том, что пора подумать о себе и о Петьке, который растет беспризорником при живой-то матери, и после скандала с одной из этих унылых жен, Райка села и задумалась. А не выйти ли замуж, вот за этого самого мужика, за которого так билась в истерике снулая жена. Просто из принципа. Решатся сразу многие проблемы. Бытовые. Появится квартира. Возможно, даже помощница по хозяйству. На этом Райкино воображение спасовало. Что она делать-то будет с этой помощницей? Будь Райка на месте помощницы, она непременно б перемерила всю одежду хозяйки. И украшения. Да еще, может быть и прихватила бы себе чего то, особенно понравившееся. Нет, никакой помощницы. Что бы какая-то проשמандовка копалась в ее вещах и трусах! Это и решило вопрос с замужеством.

– Да ну, нахер, – ответила Райка на материны приставания.

Да и в постели он так себе. Раз в неделю еще пережить можно, но что бы все время... да ну, нахер. Решила Райка и отказала кандидату от тела.

Он ходил с подарками и ныл еще целую неделю, добиваясь неземных райкиных ласк. Но Райка была непреклонна. Подарки, правда, брала, не пропадать же добру. И потом мужиков, хоть и мало их после войны осталось, Райке хватало. Даже с избытком.

Райка с матерью Верой и сыном жили в десятиметровой комнатухе в деревянном домике на улице Красноармейской. И когда Райка принимала у себя очередного любовника, мать с Петькой уходили спать на пол, к соседке.

Вера хоть и ворчала и называла Райку блядью, произнося это похабное слово с французским прононсом, но деликатесы из Райкиного блядского пайка – ела, хоть и кривилась.

А когда злилась на Райку, кричала ей, что надо было вытравить это блядское семя, то есть Райку, ещё в утробе.

Райка отца не знала. Мать не могла даже вспомнить лиц тех красноармейцев, которые снасильничали её, юную барышню с бисерной сумочкой и в меховой пелеринке, возвращавшуюся с репетиции рождественского спектакля от Побединских. Её сопровождал Коленька Побединский, студент университета.

Власть в городе менялась чуть ли не каждый день, но университет держался незыблемо. Преподаватели и студенты служили науке, а не властям.

Ещё утром в университете перед новогодними праздниками развесили приказ «Об усилении борьбы с контрреволюцией», в котором объявили в Перми военное положение и расстрел за все, в том числе за слухи, панику и пьянство. За пьянство – расстрел на месте, без суда.

Красноармеец Дурнев, робея в университетских стенах, стесняясь своих снятых с убитого буржуя ботинок, которые для тепла и чтобы не сваливались, были дополнены портянками, перемотанными бечевкой, принёс пачку приказов, расклеил их по коридорам и согнал профессоров и студентов в самую большую и холодную аудиторию для разъяснительной работы. Лицо у Дурнева было странное, плоское и скуластое одновременно. Невыразительное лицо. Такого лица не бывает у революционных героев. Красноармеец Дурнев страдал от этого и брал другим. Презрительно глядя исподлобья, он по слогам прочитал приказ и, отложив бумажку, пояснил:

– За пьянство будем расстреливать на месте, – стараясь чеканить каждое слово, произнёс он и выдохнул в морозный воздух тяжелое, ртутное облачко вчерашнего перегара.

Кто-то из самых смелых студентов выкрикнул с задних рядов:

– А вдову Клико можно?

Дурнев вздохнул, не понявши вопроса, но пояснил ещё раз:

– Всех. Расстреливать будем всех. Кликуш, сплетников и пьяниц. Это

есть товарищи ... кхм... – он запнулся, не зная, как правильно обращаться к этой вяло-враждебной толпе, – это будет непримиримая борьба с контр-революцией! Мы уничтожим всех врагов революции! Всех! Бывших благородных господ, сынков буржуазии и вас, – он дёрнул щекой, – студентов и гимназистов. Всех, кто против рабочих и крестьян, – он произнёс последние слова, кривя узкие, потрескавшиеся губы, показывая максимальное презрение к ним, не воспринимающих его всерьёз. – Даже за глоток вина! – выкрикнул он зло в молчаливую аудиторию, пытаясь добиться от них хоть какой-то реакции. – Лично. Я лично буду расстреливать!

Для того, чтобы эти, эти, он никак не мог подобрать слова, чтобы они поняли всю серьёзность своего положения, он положил руку на кобуру, подкрепляя жестом, свои намерения.

На задних рядах стали шушукаться, не обращая на него внимания. Профессора делали вид, что не слышат и не видят неповиновения власти. Студенты пересмеивались и приглашали друг друга громким шёпотом в гости к какой-то вдове.

Это дико злило Дурнева, им плевать на него, на приказы и на революционную власть и расстрелы. На выходе из аудитории он сорвался, наорав на молоденького красноармейца. Разозлился на себя за слабость и ударил его в скулу. Почувствовав боль в костяшках и увидев кровь на руке, он снова дёрнул щекой и, стараясь не бежать, покинул университет.

Коленька Побединский провожал Веру домой. Всем было давно уже ясно, что они влюблены друг в друга.

И Верочка перед сном, в мечтах, примеряла на себя фамилию Побединская. Это звучало красиво. Вера Побединская. Звучало почти как у какой-нибудь известной актрисы немого кино.

Она репетировала перед зеркалом трагический, не достижимый для обычных простушек, взгляд и шептала "Вера Побединская".

Утаскивала с кухни малюсенький кусочек свеклы, если матери удавалось выменять или купить на рынке, делала кровавые губы и трагический взгляд. Понимающий, прощающий и недостижимо трагичный одновременно. Вера поддерживала сползающий с плеча шелковый халатик, ещё не проданный на рынке, чтобы выручить хоть какие-то деньги и купить на них плебейской картошки или уже спитого, вновь высушенного чая. Она прощала добродушно и высокомерно, прощала всех своих мучителей.

Представления о мучителях были туманны, и не понятно было, чем они мучили тонкую и нежную натуру Веры. Хотелось трагической судьбы и высоких чувств. Любви. Разбивания сердец и в конце – счастья.

Все это витало в воздухе, трагедии и перемены судеб. Когда жизнь человека менялась просто одним щелчком. Но все это пока еще как-то проходило мимо Верочки.

У неё до сих пор все было просто и предсказуемо. После праздников Коленька, наверняка, уже решится сделать предложение. Она, чтобы подтолкнуть его к этому шагу, изучила некоторые уловки, безобидные, но действенные, как заверила её более опытная подруга. Верочка особенно спрашивала, действительно ли уловки безобидны, она хотела не принуждения к браку, а лишь единения сердец и свободной воли каждого.

Они обвенчаются к весне, после поста. Обвенчаются и будут жить. Николай и Вера Побединские. Друзья будут говорить про них "а поедемте сегодня к Побединским, они принимают". Коленька доучится и будет ходить на службу.

Дальнейшее Вера представить не могла. Особенно её смущала часть семейной жизни, относящаяся к появлению детей и самим детям. С ними надо будет что-то делать. Возиться, воспитывать и учить. На этом в воображении возникала маменька, только со сморщившимся лицом самой Верочки, и начинала её учить, как быть с младенцами без прислуги. И взгляд у Верочки тут же становился трагическим и понимающим, но лицо было морщинистое. Но кто же полюбит такое уродище? Верочка мотала головой, отгоняя страшное.

Коленька, поддерживая Веру под руку и близко наклоняясь к ней, рассказывал пресмешной случай, который случился в университете.

Он видел розовую от мороза маленькую и трогательную мочку Верочкиного ушка. Мочка была беззащитная и с дырочкой, сережки давно проданы, понял Коля. Проданы сережки, конечно, на рынке, спекулянтам, и давно уже проедены. Русый локон выбился из-под потертой беличьей шапочки. И вся эта картина вызывала у Коленьки щекотание в носу и нежность. Он поклялся, глядя на розовое ушко Верочки, что непременно в подарок на свадьбу достанет красивые сережки для Веры и ни за что не позволит сменять их на еду. Он будет служить, когда закончит университет. Инженеры нужны всегда – и при новой власти, и при старой. Коленька вздохнул, подумав о новой власти, с ее лозунгами и обещаниями расстрелять всех их, студентов и гимназистов, не важно, на кого они учатся, на инженеров, докторов или учителей, и продолжил:

– Представители новой власти, – он снисходительно хмыкнул, и облачко пара, вырвавшись изо рта, на секунду скрыло розовую мочку Верочки.

Где-то внизу живота все сжалось от любви и нежности.

– Собрали нас, представь, и профессоров, и студентов. Выбрали, как нарочно, самую большую и холодную аудиторию. И их представитель, –

Коленька поморщился, вспомнив грязные портянки, торчащие из господских, бывших, как говорят эти представители, ботинок. Он отогнал это видение, чтобы не думать о том, с кого сняты эти ботинки и жив ли этот бывший, – представитель этот, с совершенно дурацкой фамилией то ли Дураков, то ли Дуралеев, нет, не помню! Представь, по слогам читал нам приказ! Нам! словно мы несмышленные дети и букв не разумеем!

– Что ждать от этой власти! – Верочка дернула плечиком, – коли они даже начатую при старой власти канализацию достроить не могут! Живем в грязи, как в темные века! Канализация важнее для города всех этих лозунгов и приказов!

– Без инженеров, Верочка, все равно не обойтись! – сказал Коленька. – А приказ, как обычно, всех и за все расстрелять.

– За что ж на этот раз? – улыбнулась Вера, и быстро и смело взглянув в глаза Коленьке, как учила подруга, потом, будто опомнившись, опустила длинные ресницы и засмушалась.

– На этот раз? – реакция Коленьки была как по нотам.

Он сбился с мысли и покраснел.

– Расстрелять? – помогла ему Верочка и решила проверить еще один трюк.

Такой же быстрый взгляд, в самые зрачки, в глубину, в душу посмотреть, опять опустить ресницы, словно испугавшись своей смелости, улыбнуться, извиняясь, и прикоснуться случайно к открытой коже. Но прикасаться было не к чему, открытой кожи на морозе только лицо, остальное все упрятано в пальто и грубые рукавицы. Но Верочка, рассмеявшись глупости этих советов, просто смахнула снежинки с воротника Коленьки.

Коля разволновался, снял свои грубые варежки и поймал Верочкину руку, прижал к себе и жарко зашептал:

– Верочка, я понимаю, все не так, – он постарался отогнать видение локона и ушка, – все не так должно происходить. Но Верочка, окажешь ли ты мне честь...

Вера заворожено смотрела на заикающегося Коленьку, и про себя шептала "ну, ну же!". Вот сейчас, сейчас сбудется то, о чем мечталось! И она от волнения, не замечая, сильно сжимала руку Коленьки.

– Ага, голубы!

Признание Коленьки перебил грубый прокуренный голос. Из-за поворота вышло трое красноармейцев.

– Милуются, – презрительно посмотрел на Коленьку один, видимо старший, и сплюнул себе под ноги желтую табачную слюну.

– Дурнев! – вспомнил, наконец, Коленька дурацкую фамилию.

Красноармеец дернулся и внимательно посмотрел на Колю.

– Вспомнил фамилию вашу! – улыбнулся Коленька. – Вы приходили давеча к нам в университет.

– Университет, – повторил эхом красноармеец, цыкнул слюной в дырку от переднего зуба и снова плюнул уже под ноги Верочке. – Студент, значит, – прищурился Дурнев. – Утром только я этим контрам объяснял, что будет за нарушение военного положения, – он обвел тяжелым взглядом своих товарищей.

Один, совсем молоденький красноармеец, «видимо тоже, давешний, с разбитой скулой» – подумал Коленька и отвел взгляд. А второй, чувствуя, что назревает веселье, улыбнулся выжидающе.

– Вы, Дурнев, – начал Коленька, чувствуя, как сохнет во рту от волнения, и колени начинают подгибаться под тяжелым взглядом красноармейца, – обижаете таким своим поведением барышню. Нехорошо плевать людям под ноги.

Вера, не переставая сжимать руку Коленьки, стала шептать ему:

– Молчи, молчи, ради Бога!

– Правильно, говорит, молчи, контра! – Дурнев снова сплюнул, попав Верочке на юбку.

Коля выпустил руки Верочки и развернулся лицом к Дурневу.

– Вы, Дурнев, представляете сейчас власть в нашем городе, – изо всех сил старался говорить Коленька спокойно, – а ведете себя недостойно. Извольте принести даме извинения!

Верочка схватила Колю за холодную руку и стала тянуть. «Бежать, надо бежать» – крутилось у нее в голове, – «как можно дальше от этих страшных людей».

Дурнев нехорошо улыбнулся, расстегнул кобуру и положил руку на рукоять нагана.

Коля, понимая, что он обречен уже на этот самый расстрел всех и за все, сжал кулаки и продолжил:

– Дурнев, я настаиваю, что бы вы, – понимая, как бесит он этим «вы» Дурнева, повторил еще раз, – ВЫ принесли извинения даме.

Дурнев не отвечая, подошел вплотную к Коленьке, и дыша перегаром ему в лицо, вынул наган и, не отрывая взгляда от глаз Коленьки, выстрелил ему в грудь. Он, не мигая, продолжал смотреть в глаза Коле, и в тот момент, когда Коленька почувствовал, как Дурнев ткнул его наганом в грудь, и в глазах Коли колыхнулся страх, и как он загнал этот страх внутрь, Коля тоже сузил глаза и стал зло и вызывающе смотреть на Дурнева. Смотрел, как пуля, разрывала пальто, кожу и мышцы. В глазах Коли появилось удивление и обида маленького ребенка, что его так подло обманули, и жизнь,

которая только началась, уже рвется на части. Смотрел, когда уже падал, когда в изнеможении от боли закрыл глаза.

Молоденький красноармеец с разбитой скулой отводил глаза и плакал, кусая губы.

Второй с жадным любопытством смотрел на Колю, Веру и кровь. Кровь брызгами разлетелась на снег, на Верину беличью шапочку, на лицо и на розовую мочку.

Вера от дикого испуга, что все это происходит с ней, сейчас, весь этот ужас, кричала на одной высокой ноте. Не то, не то должно быть! «А поедьте сегодня к Подебинским», – проносилось у нее в голове, как испорченная грампластинка. Почему вместо того, чтобы дать свое согласие на предложение Коленки, она видит, как он умирает?

Коля упал на снег, а Вера стояла, не выпуская его руки из своей. И не понимала, как ей теперь жить дальше, она кричала уже сорванным до хрипоты голосом.

– Заткнись, сука, – спокойно сказал ей Дурнев и несильно ударил Веру в лицо. И пошел дальше по своим делам, словно и не останавливался, и не убивал Колю, и не ударил только что Веру.

Вера выпустила руку Коленки и ударила проходящего мимо Дурнева. Просто хлопнула его по лицу, не в силах сдерживать свою боль и ужас.

Дурнев развернулся и ударил Веру в живот. Она упала на спину, неуклюже вывернув одну ногу. Юбки задрались, и она никак не могла встать. Барахталась в снегу и выла от бессилия. Дурнев посмотрел на нее, хмыкнул, подошел и поднял как куклу, за воротник пальто.

– Вали отсюда! – грубо приказал он.

Верочка посмотрела в глаза Дурнева и вновь увидела умирающего Коленку, взвыла и вцепилась ногтями Дурневу в лицо. Она рвала его плоское и скуластое лицо, лицо, которое теперь ненавидела больше всего на свете. Визжала и рвала до крови.

Товарищи Дурнева пытались оттащить Веру, но она вертелась, извивалась и вырывалась и вновь рвала Дурнева до тех пор, пока он не вывернулся и не ударил ее, не жалея, под дых. Она задохнулась, хватая ртом воздух, и упала вновь на снег. Дурнев навалился на нее и стал рвать одежду, беззвучно крича:

– Убью сука! Убью.

Больше Вера ничего не помнила. Иногда, потом возникало лицо Дурнева, искаженное в сладострастной ненависти, потом второго красноармейца. От него пахло чесноком и чем-то мерзко кислым. А молоденький, со сбитой скулой, выл у забора и блевал от ужаса.

Год после этого Вера жила, раздираемая двумя желаниями – выскоблить

из себя эту грязь, а потом покончить с собой. Она продумывала разные способы смерти. Долго и придирчиво рассматривала ножи на кухне, где ее ловила мать. Отбирала ножи, и прятала их. Пропускала сквозь пальцы шелковые шнуры, выбирая скользкость и нежность удавки. Потом, вдруг очнувшись, валялась под иконами и вымаливала прощение за страшные и греховные мысли. Истово молилась за Коленьку. Потом мечтала встретиться Дурнева и убить, и смотреть неотрывно в глаза, пока он корчится в страшных предсмертных муках. И снова истово молилась.

Она не заметила, как умерла ее мать. От тифа. Просто увидела ее утром уже холодную. И легла рядом. Чтобы тоже умереть. Ее нашла соседка через два дня. И отвела к себе, рожать.

И когда Вера смотрела на Райку и злилась на нее, она видела в ее чертах эту скуластость. Кричала и отворачивалась.

А Райка, не понимала этого, не знала, почему мать себя так ведет. И тоже злилась:

– Сгульнула, а на меня орешь! – она щурила глаза и вызывающе смотрела на Веру. – Хоть бы красивого выбирала! Сама, вон и в старости красавица, а я? – и она придирчиво рассматривала себя в зеркало, пытаясь найти тонкие материны черты.

– Хоть бы на квартиру наблюдовала, – вздыхала иногда мать. – Нам бы с Петенькой отдельную комнату.

Не такое это удовольствие жить в трущобах, пусть даже на Красноармейской, в центре города. "Провал социализма", ворчала райкина мать. Райка шикала на нее, но про себя соглашалась. Улица действительно словно проваливалась в овраг с мелкой речкой Егошихой. Куда жители из деревянных домов с Красноармейской улицы скидывали мусор, а в реку сливали говно. Самый центр Перми, вокруг все уже застроили большими и светлыми сталинскими домами. Райка потянулась и подумала, что лучше всего жить в Доме чекистов. Большущий дом, построенный перед самой войной, чуть ниже Красноармейской, на улице Карла Маркса. Планировали построить целый комплекс таких домов, чтобы пролетая над городом, можно было прочесть слово "Сталин". Первый дом выстроили в соответствии с планом – это была громадная буква "с". В дом заселили партийную элиту и работников УВД, работавших в Башне смерти. Высоченные потолки, комнат минимум три, и еще каморки для прислуги. Да, хорошо бы.

Но Райка, вытаскивала из чемодана новую меховую горжетку, которую подарил ей недавно овдовевший любовник, уже старый, но щедрый. Водружала ее на атласное цветастое платье и шла гулять.

Это был ритуал. Выйти красивой, разодетой и пройти по коротенькой Красноармейской улице, мимо всех соседок, которые ее ненавидят.

Глава 2

Семья Нюси, по послевоенным меркам, была счастливая. У нее имелся муж. Он вернулся с войны. Даже с двух войн. Раненый, но не калека. Вдовы соседки смотрели на Нюскиного мужа и шептались «точно, заговоренный». И рассказывали друг другу, что мать у него ведьма. Или святая. Вымолила сына с двух войн.

Он смог вернуться с финской. Его после боя, раненого, нашли только через сутки, вмержшего в лед, с простреленным легким. И выкорчевывали из льда колунами, не надеясь, что выживет, отправили домой умирать. Выжил. А в сорок третьем его комиссовали уже окончательно, после ранения. Одного – в ключицу – пуля перебила кость и вышла со спины. Рука перестала действовать. И в скулу. Разворотило так, что смотреть было больно. После всех манипуляций в госпитале выписали домой, гнойного, не заживающего. Почти умирать. Он выжил. И рука заработала.

Пока он то бился с врагом, то за свою жизнь, Нюся билась одна с тремя детьми, которых муж успел ей заделать в перерывах между своими битвами.

Нюся работала медсестрой в госпитале, а по ночам стирала чужое белье, чтобы заработать и прокормить троих нахлебников.

После войны жизнь семьи постепенно наладилась, но Нюся все равно ходила с красными, словно обваренными кипятком, руками. Стирала по ночам. Детей воспитывала в строгости. Сашка, средний, в десять хорошо знал свои обязанности. Школа, потом к матери в госпиталь с неподъемной флягой, за обедками. Домашка. Потом – вычистить и вывезти все из свинарника. Потом, если останется время – натаскать матери воды с колонки.

Сашка, грузил мятую алюминиевую сорокалитровую флягу – зимой на старые санки, а летом на грубо сколоченную тележку – и тащился в госпиталь. Пацаны играли в бабки и свистели Сашке в след. Сашка матерился про себя, но с матерью не поспоришь. Маленькая Нюся, едва доставала своему мужу до плеча, но держала всю семью в кулаке.

Дойдя до госпиталя, Сашка привычно поворачивал налево и шел на запах, к кухне. Манька, молодая деваха, щипала Сашку, иногда совала ему кусок сахара за щеку руками, пахнувшими едой и помоями одновременно. Потом хватала флягу и уносила на кухню. Там наливала и скидывала

все объедки, которые остались после ее тщательной сортировки. То, что еще было пригодно, на взгляд Маньки, она складывала себе, кормить мать и братиков, а то, что уже совсем не напоминало еду, сваливала во флягу Сашке. Распахивая дверь ногой, она, почти не напрягаясь, выносила полную флягу и бухала ее на тележку. Еще раз щипала Сашку за щеку, где топорщился кусок рафинада, и давала легкий подзатыльник на прощание. Особенно тяжело было зимой. Тропинка напрямик от госпиталя к дому – узкая, скользкая. Фляга тяжеленная, вытягивает все жилы из Сашки. Он, сжав зубы, волочет ее, проклиная все на свете, стараясь удержать, чтобы не перевернулась.

Райка и Нюся были соседками. Жили в соседних домах на Красноармейской. На этой маленькой улице в самом центре Перми стояло всего несколько деревянных домишек – коммунальных, набитых под завязку семьями. А вокруг уже возвышались дома, понастроенные перед войной, с высокими потолками. И строились такие же дома – пленными немцами. А рядом была – в старом, красного кирпича, здании – школа. Уже почти элитная, языковая. Там учились дети из близлежащих сталинок. И из Дома чекистов. И с Красноармейской.

Дети из сталинок на красноармейских смотрели свысока. Оборванцы. Петька, правда, выглядел чуть лучше. И одет был в подаренные матери обноски от детей из сталинок и питался не в пример лучше Сашки. Но все равно был оборванцем. И все знали, кем была его мать. Поэтому красноармейские держались вместе. Учительница пыталась было установить в классе равенство, но не получилось. Сдалась. Следила только, чтобы сильно красноармейских не донимали. Оставляла после уроков и долго и нудно вещала о том, что в советском государстве все люди равны. Не для того была революция, чтобы продолжалось унижение человека человеком. Но кто ее слушал, она тоже ходила в школу, как оборванка.

– Лучшее украшение девочки – чистые волосы, – уговаривала она девочек из сталинок. – Выглядеть надо опрятно.

И сама она выглядела опрятно. В мастерски заштопанном и уже не раз перелицованном платье.

Петька и Сашка сидели вместе. Их в классе было только двое, оборванцев. Не то, что бы дружили, но приходилось держаться вместе.

На большой перемене, доставали в салфетках завернутый обед. У Сашки и Пети это был хлеб и маргарин. У остальных – по-разному. Бывала и курица, и колбаса. И конфеты. Те, из сталинок, угощали друг друга.

К обеду приходила мать Юры Газетова, красивая и молодая Елена Ивановна, приносила чай. Готовила его дома, заматывала громадный эмалированный чайник в старую мужнину куртку и торопилась, пока го-

рячий, напоить ребят. И всегда выдавала к чаю ложку сахара. Хочешь в чай, а хочешь, на хлеб с маргарином насыплет аккуратным тонким слоем. Сашка любил на бутерброд. Чтоб хрустело. Маргарин смешивался во рту с сахаром, и это было время счастья. Горячий чай и сладкий хлеб. Мать рассказывала, что так делали до войны торт. Пекли сладкое тесто и мазали его маслом, взбитым с сахаром. И так много слоев. И украшали. Такое было представить почти невозможно. А хлеб с маргарином и сахаром – запросто.

Училке наливали большую кружку, та всегда отказывалась, а потом краснела и принимала кружку чая и ложку сахара. Она пила чай без ничего. Стараясь не смотреть на детей.

Вовка Шапцев недолюбливал Петьку. И бил его то в туалете, то за школой. Но при Сашке побаивался и старался изводить по-другому.

– Видишь, – он водил у Сашки и Петьки перед носом большущей шоколадкой. – Мне отец подарил! Бабаевский! – с придыханием шептал Вовка и показывал этим остолопам, что они такого сроду не пробовали.

Он медленно водил шоколадкой прямо под носами у Петьки и Сашки. Даже через обертку пробирался запах шоколада. Сашка сжал зубы, но не удержался и втянул дивный запах. Запах защекотал ноздри. Сразу представился торт, большие куски белого хлеба, маргарин, сахар и сверху наломанный кусками шоколад. Какой он на вкус, Сашка не мог представить. Но что вкусный, знал точно. Сашка поморгал, вздохнул, пытаясь взять себя в руки, и посмотрел на Петьку.

Петька, на удивление, носом не водил, запахи не вдыхал и стоял, даже немного сморщившись. И немного презрительно поглядывая на Вовку.

– И чо?

– И то, – обиделся Вовка, что шоколад не произвел нужного впечатления. – Ты такого и не пробовал! – припечатал он презрительно Петьку.

– Да у нас дома такого навалом! – Петька дернул слюной через выбитый зуб, хотел было плюнуть, но вспомнил, что опять влетит от училки – Вовка, как пить дать, нажалуется.

– Бреешь! – не сдержался Сашка.

Петька оскорблено посмотрел на Сашку. Не ожидал он такого от своего соседа.

– Я? – Петька сжал кулаки, изо всех сил стараясь не стукнуть Сашку. – Я брешу? Пошли. Покажу.

Он подхватил свой портфель и решительно зашагал на выход. Всю дорогу они не разговаривали. Сашка ждал, что когда они отойдут на приличное расстояние от школы, Петька сознается в обмане, они плюнут на руки и пожмут их, как взрослые мужики, и договорятся не сдавать друг друга. А

на завтра распишут, как съели шоколад напополам. Нет, по целой шоколадине на нос!

Петька шел и молчал. Он знал, где мать хранит шоколад. Даже несколько плиток. Но она ему их не дает. Они лежат у нее на деле. Так она говорит. Чтобы подмазать кого-нибудь. Достать что-то нужное и расплатиться шоколадом. Он понимал, что просто показать Сашке шоколадку и спрятать обратно будет подло. А съесть ее – мать убьет. За все время, как у них появился шоколад, мать дала попробовать только один раз. Достала, выложила на бабкину скатерть и разделила ровно на три части.

– Ешь, – она грозно посмотрела на Петьку. – Больше не получишь. А возьмешь без спроса – убью.

Он знал, что мать слово сдержит. Но сказать Сашке, что он соврал, не мог. Так и не решив до конца, что делать, он понадеялся, что дома кто-нибудь окажется, или бабка или мать, и все сорвется по естественным причинам.

Они дошли до дома Петьки. Сашка помялся, потому что никогда не был в этом доме и потому что мать ему запретила под угрозой страшной порки бывать в там. И вообще водиться с сыном этой, мать многозначительно поднимала брови и поджимала губы. А Сашка давно уже знал это слово.

Дома, как на грех, никого не оказалось. Петька насупился, но решил не отступать. Бросил портфель на их с бабкой кровать. И полез под все эти бабкины вышитые подзоры, свешивающиеся с кровати, за чемоданом. Открыл, не вытаскивая его из-под кровати, нащупал шуршащую плитку. Задержался, подумав, что еще можно сознаться Сашке, что шоколада-то нет на самом деле, но вздохнул и вытащил плитку.

– Вот! – Петька с превосходством, но сидя еще на полу, посмотрел на Сашку.

Сашка взял шоколад из рук Петьки, понюхал, удостоверившись, что пахнет точно так же, и вернул обратно.

– Хочешь? – как можно небрежнее спросил Петька, немного надеясь, что Сашка все же не согласится.

– Ну, – неопределенно протянул Сашка.

– Да чо, – не утерпел порисоваться Петька, – мать еще принесет.

– А влетит?

– Ешь, – по-барски разрешил Петька.

Разорвал обертку и разломил шоколадку на две половины.

Ночью Сашке снился торт. Сплошь усыпанный шоколадом.

А вечером, в воскресенье, пришла Райка – в меховой горжетке, перекачивающейся, словно ртуть, на атласном платье. Поговорить с Нюсей.

Брезгливо морщась, она прошла на кухню, где Нюся кипятила белье и полоскала в расставленных на табуретках тазах.

– Знаешь, – она наморщила нос, от тяжелого запаха, – приходил тут Сашка твой в гости, к моему, – она выжидательно уставилась на Нюсю.

Нюся вытерла пот со лба распаренной красной рукой с сорванной мозолью от постоянного выжимания белья и села, тяжело вздохнув. Райка, не дождавшись ответа, продолжила:

– Он украл шоколад, – она внимательно смотрела на реакцию Нюси, – и съел.

Сашка, втащил в кухню два ведра воды с колонки. И увидел Райку. Посмотрел на мать и понял, что Петька все свалил на него.

Нюся встала, взяла мокрое полотенце и огрела им Сашку. Сашка, расплескивая воду из ведер, стукнулся об косяк.

– Я не крал! – заорал Сашка.

Нюся, сжала зубы так, что заходили желваки, и ударила еще раз и еще. Сашка вырвался с кухни и попытался спрятаться в комнате. Было не так больно, сколько обидно. Обидно до слез, что Петька сам, сам предложил свой поганый шоколад, а испугавшись, свалил на него.

Нюся, не отставая от сына, поскользнувшись на разлитой воде, вбежала в комнату и продолжала лупить Сашку мокрым полотенцем.

Райка занервничала. Она не так представляла себе разговор с Нюсей. Ей хотелось слегка унижить Нюську, не любила она ее за то, что слишком правильная. За то, что не разрешала сыну дружить с Петькой. И все. Но увидев, как достается, эта правильность, Райка расстроилась. Даже пожалела Нюсю.

– Стой, – Райка попыталась поймать мокрое полотенце, – Петька соврал. Наверняка соврал!

Нюся, не слыша Райку, била полотенцем сына. Райка пыталась схватить и остановить Нюсю, но вместо этого попала под удар. Мокрое и холодное полотенце со всего размаху шлепнулось в лицо Райке, сломав прическу и размазав красную помаду по лицу. Нюся, краем глаза увидев красноту на полотенце, остановилась. Ей почудилось, что это кровь. Она повернулась к Райке и смотрела на нее не отрываясь. Райка, растрепанная, с размазанной кроваво-красной помадой по одной щеке, с мокрой, съехавшей горжеткой, стояла напротив, сдувала мокрую прядь волос с носа и тоже смотрела на Нюсю.

Сашка тихо слинял из комнаты – звать отца. Сейчас будет драка. Райка точно убьет мать. Он не сомневался в этом. Райка выше, дороднее и сильнее. За расквашенный нос и сломанную прическу она убьет мать.

Пока он в истерике бегал по соседним домам, разыскивая отца, в голо-

ве стучала одна мысль «только бы не опоздать». Пробегав и так и не найдя отца, он со страхом шел домой, ругая себя, что не додумался до самого простого – постучать к соседям и попросить помочь их растащить.

Дойдя до дома на трясущихся ногах, Сашка осторожно прислушался, надеясь, что не услышит, как хрипит мать, избитая и брошенная Райкой. Вместо этого, он услышал, как мать смеется:

– Да все они, Райка, кобели!

Сашка, услышал звон рюмок.

– Ну, вот и выпьем за это! – рассмеялась Райка. – Кобели они, а страдаем мы.

Сашка сидел у закрытой двери и слушал, как мать и Райка жалуются друг другу на жизнь, на мужиков и на безденежье. Иногда брякает стекло. Пьют бабы за беспросветную свою жизнь. Им нельзя мешать. Сашка это понимал. Он сидел у закрытой двери и охранял. А сестер отправил спать к соседке.

АМЕРИКАНСКИЕ ГОРКИ

Ее отношения с Лузиным напоминали американские горки. Они могли не общаться и месяц, и два, потом, вдруг соскучившись, звонили, говорили, писали и думали друг о друге. Но стоило им встретиться, начинались проблемы.

А начиналось все, как обычно. Они встретились, Лузин был очарован ее красотой и умом, он любил умных женщин, которые не бравировали этим, а были просты в общении. Он был готов кричать на весь мир, что нашел ее, ту, которую искал всю жизнь. А она, – она просто влюбилась. Все как всегда и, может быть, как у всех. Она начала строить планы и представлять себе, как они будут жить вместе, как ей обиходить его и его дом.

Но, как и у всех, у них даже в момент самых прекрасных отношений были ссоры. И в первую же ссору она поняла, что сильнее его. И открытие ей это не понравилось. Ведь она мечтала быть рядом с сильным мужчиной, скрыться за его спиной от житейских бурь, быть рядом, быть слабой. Он это тоже понял. И стал мстить. Точнее, он не отдавал себе отчета, что мстит, он просто стал ее ломать, доказывая себе, что он мужик. Лузин стал груб в постели и постоянно стал сравнивать ее с другой. Так в их отношениях появилась третья. Точнее, ее тень. Бороться с тенью было бессмысленно, и тогда она сама отошла в тень. Она просто ушла из отношений. Пока Лузин боролся со своими страхами и тенями, она просто была рядом. Но уже как

сестра. Заботилась, прибиралась, звонила, но перестала быть его женщиной. Когда он вспоминал о ней, то злился, звонил и требовал:

– Или ты выходишь за меня замуж, или проваливай. Все. Знать тебя не желаю!

– Не надо так. Я тебе не нужна, ты меня ...

Гудки. Лузин бросал трубку, не дослушав. Это бесило ее, и в то же время она его жалела. Странные отношения. Что ее держало рядом с ним? Она не понимала.

Через какое-то время Лузин успокоился, покаялся, и снова забрезжила надежда, что все может наладиться. То и дело стала появляться мысль, что, может быть, стоит выйти замуж, ведь он хороший и добрый. Хотя разум насмешливо говорил ей: «Конечно, конечно. Он точно изменился. Истерик больше не будет. Он стал сильным, он будет твоей опорой, он сможет защитить тебя. Верить?»

Она старалась не слушать, ехала к нему, летела на крыльях, веря, что все изменилось. Они проводили чудесный вечер, а на следующий день он говорил ей нечто такое, что выбивало из ее головы всю дурь по поводу их отношений. Все. Нет. Ничего не надо с ним, зачем ей это? Зачем ей мужчина, который хамит, унижает и мстит за свою слабость? Потом злость проходила. Она успокаивалась и начинала жить своей жизнью. И тут звонил Лузин, рассказывал, как ему плохо, как он одинок, как болит сердце, и они снова начинали общаться. Через какое-то время начинала появляться мысль, что, может быть...

Так повторилось уже раза три или четыре, она сбилась со счета. В душе все выгорело дотла. Осталось только сожаление о несбывшемся и какое-то странное чувство к Лузину как к неразумному ребенку, который не знает, что творит. Она продолжала заботиться о нем, договаривалась с врачами, ездила с ним в госпиталь.

– Ты именно та женщина, которая мне нужна. И ты будешь моей. Ты выйдешь за меня замуж, – сказал Лузин, когда они сидели в парке госпиталя. Он сказал это очень уверенно и властно.

– Я не сошла с ума, что бы выходить за тебя замуж. Нет. И не надейся. Все, пошли, завтра нам к кардиологу.

Так прошло еще полгода. Они встречались, ругались, мирились, опять ругались и опять мирились, пока он не написал «Приезжай». Она приехала, они болтали, пили чай. И он поцеловал ее.

Она ехала домой и улыбалась, ощущая себя любимой и счастливой женщиной. Приехав, написала ему письмо по электронке, а вспомнив еще что-то, написала еще одно. Продолжая внутренне улыбаться, посидела у компьютера, ожидая ответа. А в голове всплыл, когда-то прочитанный ко-

декс самураев – «Настоящий самурай после свидания обязательно напишет письмо возлюбленной и отошлет со слугой. Он знает, что она ждет». И она ждала. На следующий день она позвонила, чтобы просто услышать его голос.

– Абонент вне зоны обслуживания, – сообщил приятный женский голос. Она звонила еще и еще, уговаривая себя, что он спит, у него выходной. Потом она стала просто ждать. Через двое суток пришла смс «Данный абонент вне сети». Она прочла и отложила телефон.

Через неделю позвонил Лузин.

– Я был неправ, прости меня. Я не был готов, чтобы все вернулось.

Она молчала.

– Ты слышишь меня? У меня болит все, я не знаю уже, какие таблетки пить, мне плохо. Давление скачет и сердце, сердце все время давит.

– Знаешь, Лузин, – медленно начала она, очень тщательно подбирая слова. Как передать, что она чувствует, что она пережила за эти четыре года, за эту неделю, как это рассказать? – Знаешь, Лузин, иди на х...й. – и повесила трубку.

Лузин все понял. Он стал звонить ей каждый день, встречать у работы, и, несмотря на ее молчаливую забастовку, продолжал быть рядом каждый день. Через месяц таких ухаживаний она сдалась, начала с ним разговаривать и даже согласилась сходить в кафе. Лузин в кафе блистал эрудицией, смеялся, сыпал шутками, был в таком настроении, что она не устояла перед его обаянием. И улыбнулась, сначала несмело, а потом начала смеяться. В этот вечер как будто растаяла ее обида, и она поняла, что все равно его любит. Давно они так не смеялись, давно не было такого ощущения друг друга как одного целого. И сердце невольно сжималось в предвкушении чего-то большего, лучшего и замечательного, что скоро будет.

Когда Лузин, в конце вечера, помогал ей надевать пальто, он уткнулся в ее волосы, поцеловал в ухо и прошептал: «Ты выйдешь за меня замуж?». По ее счастливому лицу было все понятно – да, она выйдет за него замуж.

Она стала готовиться к свадьбе. Но что-то все равно грызло внутри, маленький червяк сомнения, четыре года его безразличия не давали покоя. Выбирая приглашения на свадьбу, она подумала, что зайдет сегодня к Ленке, отнесет приглашение и поговорит с ней.

Ленка, как всегда, очень быстро оценила ситуацию:

– Ты, подруга, идиотка, если все-таки собираешься за него замуж. Можешь мне это приглашение не оставлять. И свидетельницей я у тебя не буду, и на свадьбу не пойду. Точнее, не на свадьбу, а на твои похороны. Смотреть, как ты хоронишь сама себя, извини, не хочу.

С Ленкой и спорить бесполезно, и слушать ее не хотелось.

– Как хочешь, я все равно за него выйду.

– Жаловаться только потом не приходи, дорогая. Ровно через год, он высосет из тебя все силы и выкинет. Будешь ему варить, стирать, – и что от тебя, умной и красивой, останется? Нет, он не выкинет тебя, будешь ему просто законная прислуга.

Ленка на свадьбу не пришла. Свадьба была скромная, он настоял, друзей и родни почти не было, платья тоже. Точнее, не было ничего. Они просто расписались, и она переехала к нему жить. Хотя ей было это очень неудобно. Приходилось далеко мотаться на работу, оставалось только приехать и прибраться, приготовить, вымыть посуду и упасть спать.

Спали они в отдельных комнатах, он сказал, что так будет удобнее, ты усташь, тебе надо высыпаться. Все выходные проходили в уборке, потому что он просто не замечал, как создавал вокруг себя полный развал. Все было в сигаретном пепле, везде валялись пивные бутылки, грязные носки, кружки с недопитым чаем, сахар хрустел на полу. Она боролась с этим, стараясь придать жилой вид этой квартире, но ничего не менялось.

Они жили в разных комнатах, почти не замечая друг друга, он все время за компьютером, она на работе или в уборке. Секса не было. Совсем. «Я устал, не сегодня», – говорил он. В последнее время просто убирал ее руку и отворачивался.

– Ну, что, подруга, – говорила Ленка по телефону, – сегодня год, как ты продала себя в рабство. Ты счастлива? Поздравлять тебя не буду, не с чем. Разве что с твоим упертым идиотизмом. Он хоть поздравил?

– Нет. Вечером, наверно.

– Дура. Приезжай лучше ко мне, посидим, поболтаем. Ты хоть заметила, что ты у меня не была больше года?

– Нет, я сегодня сразу домой, он ждет. Все-таки наш праздник.

– Дура ты непроходимая.

Дома Лузина не было. Был пепел и сахар под ногами. Лузина – нет. Она не утерпела и позвонила ему:

– Ты скоро будешь?

– Нет, а что-то надо? Мы с друзьями пиво пьем.

– С друзьями? Лузин, у тебя нет друзей. О чем ты говоришь? – и бросила трубку.

Все это было невозможно терпеть, она разрыдалась. «Я не хочу... я не хочу замуж, я не хочу замуж», – она рыдала она уже во весь голос. И проснулась.

Господи, это был сон... это только сон. Она долго не могла прийти в себя, походила по квартире, трогая все рукой, проверяя, что она действительно проснулась. Да, все родное и знакомое, ее квартира. Это был сон.

Она заварила чай и посмотрела на будильник, пять утра. Спать ложиться бесполезно, скоро вставать.

Через неделю позвонил Лузин:

– Я был неправ, прости меня. Я не был готов, что у нас все вернулось.

Она молчала.

НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Он нервничал. Нервничал с самого утра. Под правым глазом дергалась жилка, и это тоже раздражало. Чтобы успокоиться, он прижимал жилку пальцем, и она на какой-то момент останавливалась. Вспоминал про правильное дыхание, пытался вздохнуть пару раз, но тут же сбивался и от этого начинал злиться. Это, конечно, деловая встреча, но... возможно и нет. Возможно, все повернется иначе, и жизнь изменится.

Накануне он купил краску. Долго и придирчиво выбирал цвет, доведя до нервного срыва молоденькую продавщицу. Все никак не решаясь купить и бесконечно сравнивая разных производителей и оттенки. Иногда просто замирая и смотря на разноцветные коробочки, не видя ни цвета, ни текста на них. Продавщице было отчаянно скучно, и она этого не скрывала. Вздыхала, и выразительно закатывала глаза, когда мимо проходили ее товарки. Переминалась с ноги на ногу и осуждающе смотрела на него с одним вопросом в глазах «Ну?».

Раз в год он покупал один тюбик краски, и ее хватало на три раза. На три важных события. На выставку. На поход в гости к родителям жены, где тесть все время поджимал губы, глядя на зятя, который старше его на несколько лет. И на ресторан, в свой день рождения. Он всегда покупал один и тот же тон, уже много лет.

Встреча. Он долго репетировал речь, нервничая и ругая свое косноязычие. Встреча, деловая, но...

Да почему бы и нет! Он еще молод! Все сверстницы уже давно стали бабушками. Смешно вспомнить эту старушку, которая пятнадцать лет назад клеилась к нему, когда он только развелся. Старушка была счетоводом в дачном кооперативе, где он когда-то покупал дачу. Счетовод – слово-то какое древнее! Как и она сама.

Месяц назад, уйдя от третьей жены, он решил снова купить дачу в том же кооперативе. И зашел к ней. Она все еще трудилась на том же месте. Сидела на дощатой, продуваемой веранде, пила чай из треснутой кружки. Клеенка с загибающимися краями и ярким когда-то рисунком. Хлам, рас-

пиханный по углам, ведра, резиновые сапоги, грязные коврики. Детские линялые игрушки, рассаженные чинно по окнам. И она – вся сморщенная, растрепанная. И руки – артритные и плохо отмытые. Грязь под обломанными ногтями.

Обрадовалась. Зажевала губами, вспоминая его, и себя. Странно – вся сморщенная, а губы пухлые, молодые, совсем девичьи. Он уже пожалел, что пришел.

– Снова к нам? – обрадовалась она. – Опять развелись?

– Да, – хмыкнул он, заметя, что она посмотрела на него игриво и опять пожевала губами. – Есть на продажу домики?

– Есть, – она с кряхтением достала с полки журналы.

Журналы были чистые, аккуратно расчерченные. Она, слюнявя пальцы, перелистывала страницы, где округлым почерком было расписано – фамилии, взносы, даты и долги. Перелистывание доставляло ей удовольствие. Она погрузилась в это занятие, знакомое и приносящее ощущение важности и нужности.

Он смотрел, как шевелятся ее пухлые губы, читающие про себя фамилии, и отчаянно жалел, что зашел. Когда через полчаса, отказавшись от предложенного чаепития – со спитым чаем, грязноватой кружкой и вздохами, что, мол, моложе-то мы не становимся, он точно решил, что дача ему не нужна. Всю дорогу домой, он не мог избавиться от запаха нафталина. Казалось, все пахнет этой старомодной гадостью, ни кондиционер, ни проветривание не спасало. Вся машина воняла нафталином. Бог мой, и они ровесники!

После этого он пошел покупать незапланированный тюбик краски для волос. Для встречи...

* * *

Ей было интересно с ним. Разбирается в искусстве, общительный и открытый. И ненавязчивый. Хотя иногда слишком многословный. Стараясь донести какую-то мысль, он повторялся, начинал объяснять с другой стороны, сбивался и снова объяснял. Но это не страшно.

На самой первой встрече для обсуждения нового проекта, в маленьком кафе, он вдруг свернул в ту область, которую бы ей не хотелось затрагивать. Вопрос прозвучал участливо, и действительно по-доброму, даже по-родственному, ей так показалось. Почему она не замужем?

Дурацкий вопрос. Все считают своим долгом спросить об этом при знакомстве. Обычно он звучит с едва сдерживаемым любопытством. И

она отвечала или резко или какой-нибудь банальной фразой, стараясь отбить все последующие поползновения в эту область.

Но ему доверилась и ответила честно – страшно. Слишком много предательства было в ее жизни.

И последнее... Она вздохнула, нет, нет, до сих пор тяжело вспоминать. Тогда она позволила себе, наконец, полюбить. И если не получится, закрыть этот вопрос для себя навсегда. В конце концов, есть много прекрасных дел, кроме этой любви, черт возьми. Не сошелся мир клином. Она закрыла глаза и прыгнула в эту последнюю любовь как в холодную воду.

Так в детстве, летом, страшно хочется купаться, но холод со дна Камы поднимается по ногам мурашками, ты съезживаешься и никак не можешь окунуться. Стоишь, по щиколотки в воде, смотришь на песок, свои ноги, шевелишь пальцами, чувствуя песок и мелкие камушки на дне. Все уже визжат и плещутся, а ты не можешь решиться на этот шаг. И чувствуешь себя одинокой среди этой радостной возни.

– Ну же! – кричит подруга и, зачерпывая полные ладони воды, обливает тебя.

Ты пятишься и с ужасом смотришь, как маленькие переливающиеся ледяные шарики воды летят к тебе как в замедленной съемке и впиваются в разогретое солнцем тело как расплавленный свинец. Надо решаться! Но вот окунешься и мгновенно забываешь свой страх и плещешься до синих губ и стучащих от холода зубов.

– Он был женатым? – жестко даже не спросил, а уточнил он.

– Да, – она закусила губу и призналась в этом, словно в преступлении и сразу пожалела о рассказанном.

Тон его заметно изменился и стал снисходительно-покровительственным. Она это заметила не сразу, просто что-то стало цеплять, царапать, отвлекая от приятного общения. А вечером, вспоминая разговор, она поняла, что допустив откровенность с малознакомым, в общем-то, человеком, опять нарушила свое правило – не рассказывать о себе. Не подставляться.

От него стали приходиться электронные письма, немного слишком вежливые, с полным докладом о прошедшем дне, с планами и переживаниями. Длинные, не на одну страницу, размышления о жизни и стихи. Свои стихи он присылал, заметно стесняясь. Она читала, хвалила, хотя стихов не любила. В длинных размышлениях рассказывал о женщинах своей жизни, женах, возлюбленных. Это тоже царапало. Зачем? У них общий проект, – возможно. У них дружеские отношения, – тоже возможно. Но зачем ей знать обо всех этих женщинах? Для нее это просто целая вереница теней, вдруг наводнивших ее жизнь. Чужие, не интересные ей, и как бы за ней подглядывающие.

Он давно никому не писал. А тут вдруг накрыло. Хотелось описать весь свой день в мелочах. Что скверно себя чувствует, что температура никак не снижается. Что купил ингалятор и приходится пить антибиотики. Про сырую и холодную весну. Про ее таинственные глаза и улыбку. Про любовь. Это будоражило его. Стали нравиться резкие повороты и быстрые перестроения из ряда в ряд на дороге. Возмущенные взгляды пешеходов приносили ему яркую пузырящуюся радость. Появилась пружинистая походка и снисходительный взгляд на молодых, еще ничего не понимающих в жизни и в любви.

Он составил план, что надо сделать в ближайшее время – развестись с женой и разделить имущество. Да, придется повозиться, у нее остается ребенок, но надо бороться. Потом – закончить новый общий проект. Об этом он думал с удовольствием. О любви он думал легко и тоже с удовольствием. Любовь – беда только для неудачников. Придет новая любовь, еще более содержательная и яркая. Кто-то из великих сказал: кто не любит, тот болен!

Да, и надо позвонить врачу, кашель не проходит уже вечность.

В воспоминаниях стали появляться все те, с кем он был счастлив. Они улыбались, радуясь его новой, будущей любви. Он вспоминал ошибки, которые совершил с ними, и клялся, что исправит их – в своих будущих любовях. Свою новую женщину он не будет заставлять ревновать, как вторую жену. Что не пропустит, как у первой жены, тот страшный момент, когда он стал ей безразличен. Он будет всегда внимательным и галантным. И он писал ей, писал письма, делился своими воспоминаниями. И посылал стихи, которые он когда-то сочинял для тех, с кем был счастлив. Он мудр и опытен, это многое значит.

В одном из писем, он рассказал ей и о своей прошлой работе. Которую сейчас, скорее осуждают, чем понимают ее настоящую ценность. Она, конечно, тоже. Еще слишком молода, для понимания этого. Но... но если правильно объяснить ей, то можно быть в ее глазах героем.

Он долго думал, и все же написал, скрупулезно перечисляя все свои доходы, – пенсия, зарплата за председательство в домашнем кооперативе и еще разовые работы, но тоже приносящие ощутимый доход. По нынешним меркам, он вполне обеспеченный человек. Правда, он сильно потеряет при разделе жилплощади с бывшей женой. И еще алименты. Есть о чем поразмыслить на досуге. Но он еще молод и полон сил! Заработает.

По ночам стал вскакивать, к нему приходили стихи, как в юности. Будоражили и не давали заснуть. В итоге поставил рядом с кроватью табурет, чтобы перестать мотаться от кровати к столу. Это смешило и раздра-

жало одновременно. Писать стихи – это, конечно, молодость, задор, но не высыпаться уже сложно в этом возрасте. Под глазами от бессонных ночей мешки, и это не добавляет привлекательности.

* * *

С утра он встал и критически посмотрел на себя.

– Мешки под глазами – верный спутник поэта! – громко объявил зеркалу.

Вздыхнул и пошел к морозилке за льдом. Контрастное умывание решило проблемы. Щеки порозовели, мешки почти сгладились. Тщательно выбрился и почистил зубы. Повертелся перед зеркалом. Внимательно осмотрел себя. И достал краску.

Решено. Сегодня незапланированное окрашивание. Еще раз перечитал инструкцию, хотя и так знал, что с чем смешивать и в каких пропорциях. Смешал в пластиковой мисочке, специальной парикмахерской щеткой. И старательно разделяя жидкие волосы на пряди расческой стал наносить краску. Главное, не забыть, что держать ее надо меньше, чем указано в инструкции, что бы цвет был естественный. С голубой шуршащей шапочкой для душа он смотрелся смешно.

Но, возможно, любящей женщине это показалось бы милым. Он вздохнул и открыл шкаф. Надо подобрать, в чем же он пойдет на встречу. Конечно же, он уже выбрал накануне, но вдруг, на сегодняшний взгляд, не подойдет? Приложил выбранную вчера рубашку к себе, критически посмотрел на себя в зеркало. Даже с купальной шапочкой на голове неплохо. Даже с шапочкой. Посмотрел на часы. Приложил еще одну рубашку и раздраженно отбросил.

Смыл краску, напевая про себя, высушил волосы полотенцем. Еще раз посмотрел на себя. Прополоскал рот мятным ополаскивателем. Поводил языком по зубам, проверяя чистоту. Один зуб ощутимо шатался. Надо идти к протезисту. Опять расходы. Выбрился еще раз, и протерся лосьоном. Удовлетворенно похлопал себя по выскобленным щекам и вздохнул. Как все же это утомительно, – в его-то возрасте такие ухищрения.

Посмотрел на часы и понял, что опаздывает. Как некстати! Позвонил предупредить.

Она посмотрела на звонящий телефон с раздражением. Звонил он. Господи, хоть бы перенес встречу! И зачем она так старательно подбирает наряд? Это дико злит. Джинсы и рубашка – привычный и комфортный вариант. А тут затеялась с платьем! Она откинула платье, юбку и брюки, осталась в одних трусах и ответила на звонок.

– Я опаздываю, минут на пять! Не сердитесь на меня! – он виновато басил, срываясь на шепот.

Ей представилось, что он стоит в цветочном магазине и выбирает цветы для встречи. Хотелось сказать, – давайте перенесем, я не в настроении. Но она поджала губы, критически посмотрела на себя в зеркало, вздохнула. Представила, как он берет ее за руку и невольно дернулась.

– Не волнуйтесь, – любезно ответила она в телефон, – я тоже чуть-чуть задержусь. До встречи! – зачем-то добавила она и раздраженно швырнула телефон на диван.

В голову полезли дурацкие мысли про возраст, про то, что он, в принципе, неплохой человек и, может быть... может быть, это вариант. Но она тут же одернула себя, что встреча рабочая и он старше ее на двадцать с лишним лет. Перед глазами возникла сцена знакомства с папой, его ровесником.

– Господи, о чем я думаю! – она приложила к себе платье и его бросила на диван. – Брюки, это максимум. Никаких платьев. Это по работе. Какая разница, как я выгляжу, не замуж собралась!

Посмотрела на часы. Еще пять минут можно быть дома! Подкрасила глаза. Взяла ключи, крикнула в пустую квартиру «Я скоро!» и захлопнула дверь.

Посмотрела на часы. Опаздываю. Это разозлило еще больше. Зачем мне все это?

Встретиться договорились в парке. Она торопливо шла между гуляющими. Высматривала его фигуру в условленном месте. Его не было. Она растеряно остановилась, еще раз осмотрелась. Рядом стояла парочка, тесно прижавшись друг к другу. В такую-то жару, с досадой подумала она. И две молодые мамы с колясками, увлеченно обсуждающие детское питание.

– Фу, – выдохнула, – его нет, можно сбежать.

Он сидел в тени на лавочке, совсем рядом. Она шла, шурилась, высматривая его. Красивая. Наверное, надо было купить цветы, запоздало подумал он. Но неудобно, цветы это сразу намек на свидание. Хотел встать, но резко закололо в боку. Помахал рукой.

Она уже хотела развернуться и сбежать, но тут увидела его. Вдохнула. Попыталась улыбнуться. Он сидел на скамейке, вокруг бегали чужие дети. Он был похож на дедушку, гуляющего с внуком. Она осторожно присела рядом. Он смотрел на нее, широко и вопросительно улыбался. Молча снял свою квадратную немодную фуражку. И вопросительно посмотрел на нее. Идеально выбритые щеки блестели на солнце. Он чего-то ждал. Она никак не могла понять – чего.

– Я покрасился! – он преподнес это как подарок.

– Зачем? – оторопело спросила она, спохватилась и добавила. – Благородная седина украшает.

– Я крашусь три раза в год, – он пояснил, не слыша ее ответ. – Только по очень важным случаям, – он опять вопросительно посмотрел на нее. – И...

Она испугалась.

– Не надо было. Седина это красиво, – стараясь не смотреть на него, сказала она.

– Прежде чем мы перейдем к обсуждению, мне надо решить один вопрос. В процессе размышления о возможном сотрудничестве у меня возникли сомнения.

– В чем? – она быстро взглянула на него.

– Вам надо решить, как будут строиться наши отношения в дальнейшем, – от ее нерешительности у него добавилось уверенности, голос вернул свою силу. – Как у мужчины и женщины? Или как у партнеров?

Она немного судорожно вздохнула, подавив желание сбежать прямо сейчас, не объясняя ничего. Он требовательно смотрел на нее, ожидая ответа.

– Я не готова вам ответить, – промямлила она, сжимая сумку. – Мы же хотели обсудить проект.

Он быстро посмотрел на часы.

– В таком случае, – он недовольно перебил ее, – я хотел бы узнать ваше отчество. Партнерам неприлично общаться просто по имени. И мы опаздываем на открытие выставки.

– Отчество? – удивилась она. – Владимировна. Знаете, – она решительно встала, больше не в силах находится рядом с ним, – к сожалению, мне надо идти, у меня возникли проблемы с... бабушкой.

Он посмотрел на нее, удивившись. Все было хорошо, какие проблемы?

– Проблемы? А как же выставка, мы же собирались! Нас ждут.

– Нет, нет, мне пора. Извините.

Он остался сидеть на скамейке, не понимая, почему она сбежала. Недоумевая, он гулял по выставке, рассеяно кивая знакомым, не видя картин. И никак не мог понять, что пошло не так. Чувствовал себя разбитым, опустошенным. Вечером решительно сел к компьютеру и написал письмо. Нейтральное. Про выставку, что ее можно посмотреть на сайте, но живую интереснее. Что чувствует себя одиноким и брошенным. Что надо заняться зубами.

Она, доехав до дома, постояла перед ним, развернулась и пошла бродить, куда глаза глядят. Ходила часа два, пытаясь справиться с дикой

тоской, накатившей на нее. Чувствовала себя морально раздавленной. Вздыхала и теребила ручку сумки. Придя домой, прочитала его письмо. Заставила себя написать ответное. Неужели он не понимает? Разве можно об этом спрашивать? Она что – доступная женщина? Если женщина нравится, за ней ухаживают. А не просят «принять решение о форме общения» на второй встрече! Сначала он заваливает ее рассказами о своих женах и любовницах, а потом, что – ждет, что она бросится к нему на шею с криком «Я ваша на веки!». Посидела, ломая пальцы, глядя на клавиатуру, стерла письмо и написала другое. Нейтральное.

Он прочитал ее письмо. Злился несколько дней. Но через неделю, совершенно успокоившийся, уже всю продолжал поиски своей очередной «единственной и неповторимой». Любовь – беда только для неудачников.

КАРМЕН

Каждое утро она придирчиво рассматривала себя в треснутое и уже мутное от старости зеркало. Зеркало висело на толстом и ржавом гвозде, покореженном ударом обуха. Отец тогда напился и гонялся за матерью с топором в руке, требуя объяснений, о какой-то давней, и скорее всего придуманной им самим в пьяном угаре, интрижке матери. Может быть, интрижка и не была придумана, а случилась – только не с матерью, а с ее сестрой, сгинувшей после войны в лагерях, за какую-то малую провинность.

Когда умерла мать, Оля вынесла зеркало из комнаты и временно повесила его в проходе, между чуланом и комнатой. Сверху накинула тряпку. После похорон тряпку сняла, а зеркало так и осталось висеть на временном месте.

Умывшись под рукомойником, Ольга смотрелась в зеркало, высматривая среди пятен лопнувшей как короста амальгамы сначала прыщи, а потом морщины. И никак не могла понять, если каждый день смотреть на себя и видеть практически одну и ту же картину, за исключением изредка вспыхивающих фурункулов или фингалов, то как происходит, что через двадцать или тридцать лет ты неузнаваемо меняешься? И только твои одноклассники, кто еще жив, могут опознать тебя на выцветшей школьной карточке?

Но в последнее время ее мало занимали такие сложные философские вопросы, как время и быстротечность красоты и жизни. Ольга влюбилась.

Вообще-то, что ее зовут Ольга, помнит, наверное, только она одна да собес, когда приносит пенсию по старости. В деревне все ее зовут Кармен, противно и даже слегка блеющее-издевательски тянут «е» в конце имени, из-за чего, имя гордой испанки звучит как кличка козы. Хотя, наверное, и не издевательски, просто все привыкли так ее звать.

Это когда-то давно, когда она училась в Кыласове на доярку, их всей группой повезли в Пермь. Новенькая училка, только что закончившая пединститут и еще горевшая нести знания в массы, решила их окультуривать. Не поленилась, съездила в город, купила билеты для всей группы на спектакль. То, что это была опера, она сказала только в вагоне. Потому что на оперу никто в своем уме не сдал бы по полтора рубля стипендии. Была охота слушать этакое занудство! Этим деньгам нашлось бы куда более практичное применение. Сложив с остальной скудной степухой, справили б пальто или сапоги к зиме. Или б отдали матери, на хозяйство. И эти полтора рубля стали бы гвоздями для починки крыши или толем на ту же крышу или чем-нибудь еще, мало ли в хозяйстве дыр, которые надо срочно заткнуть.

Привезя билеты, училка просто светилась от радости. Она шепталась с девочками на переменах о нарядах, которые они наденут на спектакль. В сотый раз говорила им, что в театре обязательно нужна вторая обувь – нарядные туфли. И если им разрешат родители, то можно сделать прическу – накрутить кудри и даже, раз они уже почти взрослые девушки, тронуть губы помадой.

Тронуть губы помадой, – так зацепило Ольгу, что она потратила еще столько же и купила в сельпо ядовито-рыжую помаду. За этикие траты она получила от матери тряпкой по лицу. А от отца за завтраком такую затрещину, что ударилась носом об стол. Нос распух, и кровь шла, пока она пёхом добиралась из своей деревни Мартыново до Кыласова. А это восемь километров. В кармане она сжимала злополучный тюбик помады и проговаривала про себя «можно тронуть губы помадой». От этого веяло чем-то таким, от чего сосало под ложечкой, перехватывало дыхание и потели ладони.

Дойдя до училища и испачкав весь платок кровью, Ольга опоздала на урок машинной дойки и наткнулась на молоденькую училку. Та переполошилась, схватила ее за руку и поволокла к директору – выяснять, кто мог избить девушку по дороге в училище.

– Я давно говорю вам, Зинаида Павловна, – училка, округляя глаза, срывающимся голосом кричала на директора, – это недопустимо, что девушки, одни идут до учебного заведения пешком, в темноте! И зимой, и в холод! Училищу нужен автобус! Посмотрите на Ботову, все лицо в крови! Кто мог обидеть ее?

Зинаида Павловна, грузная, привыкшая больше к ватнику и сапогам, чем к сидению в кабинете, бывшая доярка, вдруг ставшая наставником, а потом и директором, встала, подошла к Ольге и посмотрела пристально в глаза:

– Говори, Ботова, кто тебя?

– А правда, можно будет на спектакль тронуть губы помадой? – тихо спросила Ольга, еще крепче сжимая футлярчик в кармане.

– Иди, Ботова, – поджала губы Зинаида Павловна, и вытолкала Ольгу из кабинета.

Ольга стояла у закрытой двери директорского кабинета и слушала, как Зинаида Павловна, не стесняясь в выражениях, разносила в пух и прах молоденькую училку, за то, что она забивает головы девчонок всякой городской дурью. И ни театры им не нужны, ни кудри, ни, тем более, помада. Они должны хорошо учиться, выдавать план по надоям и выйти замуж, безо всяких фортелей. А если они будут красить губы, – то они будут думать не о надоях, а о романах, и станут – простихоспидя, кем. И что в следующий раз все походы в театр согласовывать только с профсоюзом и с ней, Зинаидой Павловной, лично!

Она еще для острастки хряснула кулаком по столу, чтобы до молодой городской профурсетки точно дошло – чему можно учить девок, а о чем и говорить нельзя. Но сразу же пожалела об этом. Руки ломило с самого утра. Это сейчас уроки по машинной дойке, а в войну об этом и не мечтали! Все руками да по двенадцать часов, а еще перетаскать сено да удои эти, будь они неладны. Но тут же себя осаждала, – для страны старались. Всем тяжело было. Но даже не большие руки так подействовали, а помада. Она так и не смогла простить мужа, бросившего ее и детей и не вернувшегося с войны. Говорят, потом видели его с молодухой в городе. При каракулевом воротнике и яркой помаде. Медсестрой была в полку. Зинаида Павловна судорожно вздохнула, загоня давнюю обиду, и уже спокойней сказала:

– Ты иди. И проведи работу перед спектаклем, объясни дурам нашим обо всем с правильной точки зрения. Главное, чтобы голову себе не забивали ерундой.

Ольга, услышав это, оттолкнулась от стены, шмыгнула распухшим носом и решила прогулять занятия.

Училка, красная, со слезами на глазах, выбежала из кабинета, пометалась по коридору, не зная куда спрятаться. Плакать на глазах у всех было совершенно невозможно. Туалет не закрывался, сколько тоже говорила об этом, в учительской полно мастеров и учителей. Сейчас перемена будет, значит, народ из кабинетов повалит. Метнулась вниз, в раздевалку, сделав вид, что забыла что-то в кармане худенького пальтишка, и спряталась сре-

ди вешалок. Старенькая гардеробщица Васильевна даже и не заметила заплаканной училки. Уткнувшись носом в свое пальто, училка, старалась не слишком громко шмыгать сопливым носом, промакивала слезы батистовым платочком с вышитой монограммой и незабудками. Если тереть глаза как Ботова, точно будут красными целый день. Вздыхая, пыталась унять слезы, вспоминая все обиды, которые перенесла за последний год в этой дыре, куда попала после распределения. Посчитала, что осталось еще почти два года вытерпеть, а потом – сразу, сразу вернется в город! И там, там начнется нормальная жизнь, с театрами, кино и мороженым. Поэтому надо подкопить денег, чтобы приехать не колхозницей, а прилично одетой. Прилично одетым молодым специалистом. Уже с опытом работы. Устроиться нормально, куда-нибудь в школу преподавать для начала, хоть к черту на кулички, но в городе! И какая она была дура-идеалистка, почему, ну почему, она отказала аспиранту Боречке? Ну и что, что он ее лапал, и руки у него влажные и холодные. Вышла бы замуж и тоже в аспирантуру поступила, и никто бы на нее сейчас кулаком не стучал – за культуру! Она еще раз вздохнула, решила с зарплаты купить туфли и случайно встретить Боречку. Пусть противный и лапает, но только сбежать отсюда!

Накануне, перед театром, училка начала проводить воспитательную работу, как и наказала ей Зинаида Павловна. Сначала бубнила об империалистической Испании и распущенных нравах, потом стала рассказывать, как опера провалилась на премьере и какие ужасные отзывы писали на нее газеты. Но главная героиня – работница фабрики, а значит, она близка по духу всем советским женщинам! Потом, забывшись, стала рассказывать о прекрасной и независимой Кармен, о любви, о музыке, и еще раз о всепоглощающей любви и неземной красоте Кармен! К концу урока, посвященному правильному толкованию спектакля, у училки пылали щеки и горели глаза. Она, комкая батистовый платочек, рассказывала о сценах признания в любви, о гордом характере и о трагической и прекрасной смерти.

Доярки слушали и представляли себя на месте Кармен. Как они снисходительно принимают пылкие признания в любви, как отказывают одному и другому... но прозвенел звонок, училка вздохнула и сказала, что поедут они завтра сразу после уроков, одежда должна быть опрятная и скромная. И, виновато взглянув на девочек, вышла из класса.

Театр раздавил их роскошью. Бархатные кресла, хрусталь, свет и дамы такой красоты, что Кармен из рассказов училки потускнела и облезла, как несвежий лак на ногтях деревенских модниц. Но Ольга не заметила ничего из этого. Она, до пота на ладонях, сжимала тюбик помады и искала глазами место, где, наконец, сможет ею воспользоваться.

Училка, посмотрев на испуганные лица учениц, и сама почувствовав

себя такой же неуверенной, немодной деревенской простушкой, тихо пискнула:

– Думаю, перед спектаклем вам надо посетить уборную.

Уборная была так же прекрасна как театр. Ольга, остановившись у дверей, не могла себе представить, как в такой нечеловеческой роскоши можно сделать то, что она делает в дощатом продуваемом нужнике.

Ее грубовато толкнула в спину женщина с недовольно поджатыми, ярко-красными губами:

– Ну, что встала! – и деловито вошла в кабинку и зажурчала.

Перед зеркалами необъятной величины дамы прихорашивались, пурили носы и вальяжно рассуждали о чем-то совершенно непостижимом.

– Невыносимо, – одна, полненькая, со сползшей с плеча облезшей горжеткой, закатывала глаза и обмахивалась пуховкой, как веером, рассыпая пудру на все вокруг – платье, раковину и свою сумочку, – на сегодняшний спектакль опять поставили этого безголосого тенора на роль Хосе! Невыносимо! – она поискала сочувствия у своей подруги, но внезапно наткнулась взглядом на Ольгу и деловито спросила: Чего тебе, милая? – поджала губы и оглядела ее с ног до головы. – Потерялась? Унитазы там! – она ткнула пуховкой в сторону ряда дверей.

Ольга сглотнула, мотнула головой, пошла в указанном направлении. Зашла в кабинку, постояла за закрытой дверью, прислушиваясь. Когда, наконец, опустела уборная, после второго звонка, Ольга осторожно вышла, встала перед зеркалом и достала из кармана тюбик с помадой. Открыла крышечку, выдвинула ядовито-рыжий столбик и со страхом посмотрела на себя в зеркало.

«Можно тронуть губы помадой», пронеслось у нее в голове, словно неоновая вывеска. Яркими вывесками сверкает весь город. Пока ехали от вокзала до театра, все вывески слились в одну бесконечную зелено-желтую полосу. Ольга наклонилась к зеркалу и поднесла помаду к губам.

– Оля! – в уборную вбежала запыхавшаяся училка. – Я тебя ищу по всему театру!

Ольга дернулась, ткнула себя в верхнюю губу острым кончиком помады. Тонкий карандашик помады сломался и упал в раковину.

Оля подняла испуганные глаза на училку, не зная, что теперь делать.

– Только не реви! – училка аккуратно подцепила огненно-рыжую палочку помады из белой фаянсовой раковины, взяла из рук Ольги тюбик, вставила обломок на место и закрыла колпачком. – Потом чуть-чуть нагреешь и прилепишь, будет как новая, – вдруг спохватилась, что это ее ученица, и добавила, – только никому не говори! И в училище не пользуйся.

Схватила замороженную Ольгу за руку и поволокла на третий этаж, на

самый дешевый верхний ярус. Все ученицы уже сидели там, беспрестанно возясь в бархатных креслах, шушукаясь и пихая друг друга локтями в бок. В это время погасили свет, училка усадила Ольгу рядом собой и шикнула на девочек. Все примолкли, занавес поднялся. Внизу, в партере раздались жидкие аплодисменты, и постепенно их подхватил весь театр.

Когда на сцене появилась толстая тетка, размалеванная как кукла, со странной прической, и игриво стала приставать к плюгавенькому мужичонке и, подбоченясь, прохаживаться перед ним, девочки поняли, что это Кармен. С этого момента театр и история Кармен перестали для них существовать. Невозможно было, чтобы такая толстая и старая тетка испытывала такие чувства, как рассказывала им училка, а тем более уж – такую Кармен не могли любить. Да и кому тут было любить? Такие мужики живут у них в деревне, и они говорят не о любви. Такие мужики говорят о тракторе, о том, что надо выпить. А когда выпьют, они говорят такое, от чего не стойкие, как Ольга, краснеют. Но понимают, что это и есть любовь.

Ольга, сжимая сломанную помаду, слушала с закрытыми глазами. Она наполнялась пылью табачной фабрики, тоской работниц и куражом Кармен. Она чувствовала, как Кармен любила и дразнила. Ольга и была Кармен. Она умирала и пела.

Когда раздались аплодисменты, ученицы вскочили с мест и стали толкать Ольгу, еще не очнувшуюся от переживаний.

Она молчала всю дорогу, неся в себе оперу. Девочки в вагоне поезда обсуждали наряды женщин, город и то, как было бы хорошо переехать из деревни, но Ольга не слышала их. Училка тоже молчала. Она смотрела на Ольгу и думала, что нужны новые туфли и что нужно ехать искать Боречку.

Ольга брела со станции до дома в полной темноте, постоянно спотыкаясь. Так было даже лучше, что темно, в душе у нее продолжала петь Кармен, то громко и надменно, то тихо, – умирая. Дома отец посмотрел на невменяемую дочь и сказал:

– Больше не пушу.

Мать вздохнула, но про себя согласилась. Не дело девке жизнь портить городскими впечатлениями. Надо замуж и детей.

Ольга не спала всю ночь. Точнее она проваливалась на какие-то краткие мгновения и с криком просыпалась от того, что ее убивают. Утром встала хмурая, разбитая и с синяками под глазами.

Месяц она говорила только об этой опере или молчала, уставившись в одну точку. После этого ее стали звать Кармееен, противно растягивая гордое «э», в блеющее, долгое «е».

Училка на выходные начала ездить в город и перестала вести дополни-

тельные занятия с ученицами, ссылаясь на страшную занятость. А через полгода вышла замуж и уехала из деревни.

После смерти матери, когда работала уже лет десять дояркой, Ольга разбирала барахло на чердаке. Надо привыкнуть старое, убрать мамины вещи, да и отцово тоже все лишнее убрать. Что можно, уже давно раздали. Отец умер еще пять лет назад. Хороших-то вещей особо не нашёл. Но выкинуть рука не поднималась.

Ольга сидела среди пыльных коробок, в драный тапок набилась иссохшая земля, которой был засыпан потолок избы на чердаке – для тепла. И думала.

Мать прожила без любви, и она, Олька, так и не встретила любви, как ждала. Ну, бегала по воскресеньям встречать малайку,¹ на которой из города приезжал Петр. Два месяца бегала. Он, кыласовский, после училища поступил в городе в техникум и на выходной приезжал к матери. Но выходил на остановку раньше, в Маргынове. Тут его ждала Ольга. Одевалась нарядно, помадой красилась. Они шли по дороге до Кыласова – исхоженные уже много раз восемь километров – и держались за руки. А потом она шла обратно. Одна.

Это было такое тихое счастье. Но была ли это любовь, как у Кармен, Олька не знала. Петр был красивый. И ухаживал красиво. Изредка привозил из города всякие женские мелочи в подарок. И помаду. Нравилось ему, когда у девушки губы яркие. Они шли по пыльной дороге, целовались и держались за руки. Она все ждала, когда Петр познакомит ее с матерью.

Точнее, Ольга хорошо знала его мать, она тоже работала дояркой, и практику Ольга проходила у нее в бригаде. Но официальное знакомство с матерью, переводило отношения Ольги и Петра совсем в другой статус. Но это все никак не случалось, а спрашивать Ольга стеснялась.

Мать, видя страдания Ольги, собралась уже было сама поговорить с будущей сватьей о молодых. Но Ольга перед решающим разговором вернулась домой в слезах. Ничего не объясняла и строго запретила матери какие бы то ни было разговоры с матерью Петра.

И только после смерти отца, на тихой године, когда они с матерью первый раз вдвоем выпили водки, Ольга созналась. Что решила поговорить с Петром о свадьбе, что годы, мол, идут, и деток пора. Но Петр, усмехнулся на такие разговоры, и сказал:

– Дашь прямо сейчас, поговорим о свадьбе.

Ольга не ожидала, растерялась. Прислушиваясь к себе, пыталась понять, такая ли это любовь? Что можно дать?

Пока она решала для себя этот вопрос, Петр толкнул ее в кусты и взял

¹ Маленький паровозик с несколькими вагонами.

силой. Довольно улыбаясь, он застегнул ширинку, и потрепал Ольгу по плечу:

– Ну, вот, малахольная Кармееен, и ты отведала любви, – развернулся и пошел, не оглядываясь.

Ольга после этих воспоминаний со злости пнула коробку из-под тушенки и размазала слезы. Захотелось нестерпимо выпить – от своей никчемности и сиротства. Коробка развалилась, и из нее выпали письма. Старые письма. Прочитав на конверте получателя, Ольга поняла, что это письма предназначались Ольгиной тетке, сестре матери.

До темноты Ольга сидела на пыльном чердаке, не замечая земли в тапках, и читала. Когда стало совсем темно, Ольга стащила трухлявую коробку с письмами вниз и читала всю ночь. Это были письма о любви. О такой любви, о какой мечтала Ольга, и уже думала, что ее не бывает. Письма были аккуратно разложены и перевязаны веревочками. Тетка сохранила все письма, пронесла их через всю войну. В последней пачке, в самом конце, было письмо, написанное чужим почерком. Открывая его, Ольга уже поняла, о чем оно. Он погиб, тетке написал однополчанин.

На рассвете Ольга дочитала последнее письмо, сложила их обратно в коробку из-под тушенки и вынесла во двор. Облила коробку керосином и подожгла. А потом – впервые в жизни – напилась. Она сидела во дворе, перед полыхающей коробкой с письмами, на бревне, и пила из горла водку. Не закусывая. Потом, пошатываясь, зашла в избу, упала в кровать и перестала быть ударником социалистического труда.

С прошлой пенсии Кармееен купила себе веселого ситчику. И пошла платье ко дню рождения на старенькой ручной машинке. Потом вручную обработала швы, как учила мама. Прикупила в сельпо бутылку водки и поставила в холодильник. Холодильника у нее не было, точнее, был, но давно сломался, а починить некому. Да и хранить там особо нечего. Много ли надо одной? Там стояла крупа, спрятанная от мышей.

На день рождения обещался прийти Колька. Трезвый Колька был добрый, он стеснительно улыбался, стараясь не показывать беззубого рта. И помогал Кармен по хозяйству. И если еще не успевал пропить пенсию, приносил мятные пряники из сельпо. Они пили чай из мяты с мятными же пряниками и стеснялись друг друга. Но к вечеру напивались и забывали о глупостях.

По случаю дня рождения Колька пришел в галстук старинного фасона – широко, с дикой расцветкой, из 70-х годов. Принес бутылку вина и гордо поставил ее на стол. Кармен засуетилась, настрогала огурчиков, кинула пучок зеленого лука и села в ожидании, чинно сложив черные от огорода, с обломанными ногтями, руки на колени. На веселом ситчике, руки

смотрелись еще страшнее. Кармен застеснялась и засунула их под себя.

– Ну, именинница, – Колька неловко присел рядом, – вздрогнем за ради праздничка? – улыбнулся, пряча свой единственный зуб, и подал Кармен грязноватый стакан с дешевым вином.

Они чокнулись и выпили. Помолчали. Допили.

– Ты красивая, – вздохнул Колька, уже затуманено глядя на Кармен. – Платье вон новое пошила.

Кармен заулыбалась и неожиданно предложила:

– Пойдем, погуляем?

Они, стесняясь, вышли из дома и пошли, без цели, по пыльной дороге, когда-то бывшей Сибирским трактом. Деревня вытянулась вдоль дороги, глядя на пыль подслеповатыми окнами старых изб, некоторые из которых еще помнили каторжан, бредущих в Сибирь. В деревне мало новых домов, только у дачников, но они строились ближе к лесу, не желая глотать дорожную пыль. Из окон изб на них выглядывали любопытные старухи, поджимали губы, жевали беззубыми ртами, осуждали малахольную, вот опять новый ухажер, простихоспида, это ж Кармееен, а не баба!

Кармен знала об этих пересудах, да и привыкла к ним, что делать, судьба такая. Она взяла Кольку под руку и доверчиво прижалась к нему. Он разволновался, сглотнул и посмотрел на Ольгу:

– Ты, вот чего, Кар... Оля, постой тут, я сейчас! – он осторожно снял ее руку и побежал в кусты.

Кармен стояла посредине пыльной дороги и чувствовала себя непонятно. Ей хотелось плакать. И улыбаться. Она теребила поясok из веселого ситчика и думала.

– Эй, красотка! – из-за поворота выехал на чудовищно тарахтящем мотоблоке Петр, поднимая за собой тучу пыли. Резко затормозил и подмигнул Кармен. – Чего вырядилась?

Петька уже давно перестал быть Петром, кто ж будет так уважительно называть спившегося механика. Он щипнул Кармен за худую ягодицу.

Она отстранилась, но улыбнулась ему по-доброму:

– День рождения у меня, Петя.

– Ха, а у меня желание выпить! – Петька ослабил, перегнулся и вытащил из кузова мотоблока чекушку. – Надо отметить!

– Я не одна, – горделиво, но с достоинством, сказала Кармен.

– Да, ладно, – барским жестом Петька откинул полог с кузова, – у меня еще есть.

– Оля! – из кустов вылез Колька, прижимая что-то к впалой груди. – Это тебе.

Он, слегка краснея, протянул Кармен чахлый букетик из сурепки.

Мелконькие желтые цветочки, были почти в тон к платью веселого ситчика. Она взяла, прижала букетик и заплакала.

– Будя, Кармен, сырость разводите! – хмыкнул Петька. – Грузитесь чёли в кузов, поехали на реку – скупнемся и выпьем по-человечески. А то гуляете за ручку как малахольные!

Они уселись в кузов, болтая ногами над пыльной дорогой, и поехали на реку. Пили водку без закуси, купались. Мужики, прикрывая хозяйство рукой, прыгали солдатиком в воду, а Кармен, гордо ступая по камням, немного стесняясь старого застиранного белья, заходила осторожно, окунаясь, ахала, и смеялась, прикрывая рот ладонью.

Михаил Карецкий

* * *

Только в музыке и уловим
Этот знак изначальной свободы,
Звук, прошедший сквозь годы и годы,
Прежде чем повстречаешься с ним.

Звук печали на мудрость похожий,
Млечным светом мерцая, горит,
И озноб пробегает по коже,
Как от лунного взгляда Лилит.

* * *

Небес прозрачны этажи.
К ним в окна звезды залетают,
И, улетаая, тают, тают...
И замещают их стрижи.

Вы, птицы детства городского,
Вы так нечаянно мудры
За составленьем гороскопов
Среди полётов и игры.

Что столько бед мне напророчили
Крутые ваши виражи?
Стоит за быстрым многоточием -
Небес прозрачны этажи.

Я это знание забываю,
Проматываю впопыхах,
И жизнь постыдно отбываю,
И не за совесть, а за страх.

А птица, небом стать готовясь,
Открыв крыла, кружит, кружит,
И я читаю эту повесть –
Небес прозрачны этажи.

В ТАКСИ

Ты дрянь –
Всего лишь обобщенье.
А в сфере личного общенья
Ты до озноба хороша.
Куда, покрышками шурша,
Зачем? Я всё и вся порвал,
И ни к чему затея эта...

Но вновь обвал, провал обета,
Навстречу лета эстафета,
Пейзаж летит в стекле такси –
Этап кустов, этап осин,
И облака во весь опор
Пересекают косогор.
Вот, палочку отдав, простор
Уходит вдруг из-под колёс -
Этап! – мелькнул сосновый лес,
Этап! – и проскользнувший плёс
С песком уносит твой вопрос:
– А ты влюбляешься всерьёз?

– Как можно? Нет, я просто так...
(Как будто вынули печёнку!)
Я не признаюсь, и пустяк,

Хвалю кольцо, лицо, причёску.
– А парикмахер мой знакомый...

Ну, вот и ладно. Пять минут
Себя почувствуем легко мы,
Ты говори, а я вот тут,
За кожаной спиной шофёра
Уйду домой от разговора,
Найду в столе стихов клочок,
С тобой давнишний диалог:
– Красивая и сухопарая,
Ты что хохочешь до упаду?
Ты - ведьма!
– Ведьма, да не старая,
И я тебе ужасно рада!

* * *

Ни от кого не зависит.
Перелеска листва висит
Глыбой лунной.
Рулады и посвист –
То сама любовь голосит.
Ни от кого не зависит.
Канет в бездну,
В зазвёздные выси,
Ни возвысить её, ни унижить,
Прикоснуться и упустить.

* * *

Задумчивы глаза и руки –
Ребёнок с дудочкой в метро,
И кожу холодят остро
Её пластмассовые звуки.

В светильниках мерцает свет –
Почти дневной – продукт неона,
И кажется – во время оно
Идёт на игрище поэт.

Эпохи разнятся, но схожи
Ребёнок, Пан или Орфей –
С дудой, с кифарою своей –
Так вхожи в жизнь, как жизнь в них вхожа.

Мелькают метропоезда,
Пролётки, Рима колесницы –
Под звук свирели время мчится,
Играют звёзды и вода

Или в трубе играет ветер,
Играют море, степь, листва –
Всё праздники, всё торжества,
Слова – лишь память о предмете.

В стихосложении маяте,
Когда она вконец умучит,
Ребёнок с дудочкой научит
Случайности и простоте.

* * *

Звук имени –
Он в горле комом.
Но эхом дальним и знакомым
Откликнулся пустынный лес.
Стволы с гудением органным
Ударили,
И занавес
Пошёл над бытом окаянным,
Пространством листьев и небес.

Константин Июльский

ПОСЛЕДНИЙ ФЕЛЬЕТОН

На факультете журналистики МГУ был творческий конкурс. Абитуриенты должны были не только сдать экзамены, но и представить комиссии свои печатные работы. Мой вклад в журналистику ограничился к тому времени заметкой в боевом листке. В ней я хвалил рядового Тынгызова за меткий глаз и журил рядового Романченко за плохо вычищенное оружие. На подготовительных курсах факультета журналистики, куда я предусмотрительно записался, дабы успешно сдать экзамены, собрались, как мне тогда казалось, исключительно гении. Подрабатывали они в мелких газетах.

Как-то одному из моих однокурсников дали задание съездить в Подмоскowie и написать заметку о передовике производства. Даже эту скучную тему он сумел облечь в изысканную литературную форму. Так, раздолбанный автобус, в котором он неторопливо катил на задание, оказывается, «трудолюбиво наматывал километр за километром на оси своих колес». Мы восхищались этой литературной находкой. Другой однокурсник получил задание написать о соревновании студентов по стрельбе из малокалиберной винтовки. Казалось бы, что романтического можно выжать из этой темы: плюхнулся студент на землю, прицелился и выстрелил. Кто больше пуль засадил в яблочко, тот и победил. Однако в заметке моего однокурсника «мишени романтично маячили на зыбком горизонте, а стволы студенческих ружей тянули к ним свои невидимые нити». Достичь подобных стилистических высот мне было не суждено.

– Не расстраивайся, – утешил знакомый, – знаю одну многотиражку, где сейчас как раз ищут литбатрака, там любую твою муру напечатают.

Так я ненароком угодил в заводскую многотиражную газету «Вперед».

Читатели нередко ошибочно писали её название отдельно – «В перед». Письма все равно доходили. Редакция газеты размещалась в здании заводоуправления и состояла из двух крохотных комнатшек, обставленных убогой шаткой мебелью. В одной сидели рядовые литработники Оля и Зоя.

Оля – полная и томная блондинка, муж почему-то сбежал от нее через год совместной жизни. Зоя – полная её противоположность: худая, энергичная брюнетка, однако и её муж бросил. Всю нерастрченную дома энергию дамы отдавали заводской газете. Главный редактор Петр Федорович, представительный седовласый мужчина средних лет, целиком занимал другую комнату, то есть кабинет. На работе его видели редко.

Свои частые отлучки он объяснял супруге служебными командировками, хотя дальше завода, а до него было метров сто, ездить нам было некуда. О внебрачной связи шефа знали все. Ответственный секретарь Володя в отсутствие шефа устраивался в его кабинете. Больше всего он любил придумывать заголовки к нашим статьям. Так, например, к заметке о работе детского кружка «Умелые руки» он подобрал особенно удачный, на наш взгляд, заголовок – «Слет непоседов».

Через пару месяцев у меня набралась целая папка «нетленок», то есть заветных печатных работ. В своих статьях я тепло отзывался о передовиках труда, хвалил их за усердие. Рабочие не любили журналистов, морщились от моих наивных вопросов, отсылали к парторгу. Тот охотно рассказывал.

Как-то ответственный секретарь Володя пожурил меня: «Остроты не хватает в твоих статьях, взял бы как-нибудь да фельетон написал, дал бы прикурить заводским алкашам».

Хотя завод был режимным, то есть работал на оборонку, и дисциплина там была строгая, пили труженики много. Особенно охотно в рабочее время. Начальник одного из цехов возмущался как-то на собрании:

– Напился, понимаешь, палец себе молотком раскровянил, а в рабочем шкафу у него целую кучу пустых бутылок нашли – водка, перцовка, а одна – так вообще с этим на обложке ... ну как его.

Он возмущенно приставил два пальца ко лбу и замычал.

– Зубровка, – взволнованно загудел зал. Дескать, как можно не знать таких простых вещей.

О перевыполнении плана начальники цехов рассказывали журналистам охотно. Нарушителей трудовой дисциплины предпочитали критиковать внутри коллектива, дабы не выносить сор из избы.

– Пойди к начальнику охраны, – посоветовал Володя, – он тебе обо всех нарушителях справку даст.

Начальник охраны, мужчина апоплексического сложения с красным пористым носом, в темно-синей униформе, с потертой кобурой на боку, равнодушно выслушал мою просьбу, взял со стола листок, протянул мне и буркнул:

– Тут обо всех нарушениях за три месяца.

Нарушителей трудовой дисциплины на заводе хватало: одни пили, дру-

гие дебоширили, третьи несли все, что плохо лежит. Их называли несунами. В редакции документ вызвал восторг. Особенно развеселил всех несун Назаров. Тот артистически крал моторы для лодок. Дело в том, что хотя завод был военным, выпускался там и ширпотреб. Из металла, что оставался от пушек и самолетов, рабочие клепали сковородки, кастрюли, педальных коней для детишек и лодочные моторы. Последние крали особенно охотно. Привинтил такой мотор к лодке, и грести не надо. Пронести через проходную лодочный мотор было нереально. Поэтому несуны приноровились метать их через забор. С другой стороны забора хищенку ловили заботливые подельники. Бензобак от мотора метался отдельно. Как-то один из таких бензобаков чуть не угодил в голову бдительному охраннику. Разразился скандал, несуну пропесочили на собрании, лишили премии. Увольняли в те времена редко. Рабочих рук, даже таких нечистых, как у нашего «героя», не хватало.

– Вот и пропесочь в фельетоне несуну Назарова, – посоветовал ответственный секретарь Володя, – я уже и заголовок придумал – «Летающие бензобаки».

Все весело рассмеялись. Фельетон получился у меня острый. В нем фигурировали и темная безлунная ночь, помощница несун и разбойников, и алкаши подельники, и героический охранник, чуть было не получивший производственную травму посредством бензобака. Словом, досталось Назарову по полной программе. Особенно мне удалась концовка. «Теперь, ежели на заводе и приземлится когда летающая тарелка, – писал я, – рабочие все равно не поверят. Решат – это Назаров за старое принял».

Фельетон напечатали в многотиражке. На другой день дверь редакции с треском распахнулась, и в комнату решительно шагнул крупный мужчина в засаленной спецовке.

– Ну и где этот писака фельетона? – просипел незванный посетитель. В руке рабочий человек крепко сжимал нашу многотиражку. Все испуганно притихли. Гость и впрямь выглядел устрашающе: грязные пудовые кулаки, сросшиеся мохнатые брови, маленькие медвежьи глазки, частично металлические зубы. Предчувствуя близкую расправу, я уткнулся в бумаги и сделал вид, что страшно занят. Выручила всех Зоя.

– Ты чего сюда хулиганить пришел! – завизжала она скандальным голосом. – Выйди вон, постучи, как положено, с другой стороны, а уж потом заходи.

Работяга внезапно растерялся, попятился в коридор и робко постучал в дверь.

– Заходите, – милостиво разрешила Зойка. – Вот теперь рассказывай, в чем дело.

– Понимаете, – на полтона ниже начал бунтарь, – меня зовут Иван Назаров. Я сроду не крал лодочные моторы. Их вообще в другом цеху делают. А надо мной теперь все смеются, несунуном обзывают, блюдцем летающим.

– Разберемся, – отрезала Зойка, – коли не крал моторы, дадим опровержение.

Когда рабочий человек, понурившись, ушел, мы лихорадочно принялись просматривать документ охранников и к своему ужасу обнаружили, что в списке нарушителей трудовой дисциплины действительно фигурировали двое Назаровых. Один из них алкоголик – это наш Иван, другого же, настоящего несуна, звали Петр. Машинистка просто перепутала их имена. В опровержении мы так и написали: «дескать, извините, дорогие читатели, ошибка, мол, вышла, моторы крал, как выяснилось, Петр Назаров, а герой нашего фельетона Иван Назаров всего лишь пытался пронести через проходную бутылку водки». На другой день Иван позвонил в нашу редакцию и пообещал набить всем морду. Обещание свое не сдержал. Фельетонов с тех пор я больше не писал.

САМЫЙ БЫСТРЫЙ МЫШЬ МЕКСИКИ

Самый быстрый мышь Мексики. Спида его назвали позднее. На свет же он появился как Гюнтер. Акушерка с сомнением оглядела синюшного младенца и покачала головой. Мальчик грустил с первого дня. Печальным он оставался и в детском саду. Мальши с воплями носились по комнатам, ссорились, ревели от обиды, мирились, с грохотом осваивали барабан. Гюнтер понуро сидел за столиком и тупо водил карандашом по бумаге. Воспитательница пытливо глядявалась в хаотические линии его рисунков, тщетно пытаясь разглядеть скрытый талант. Рисунки были откровенно слабы. В школе Гюнтер оставался столь же грустным и безучастным. Ему лень было даже закладывать одноклассников. Учительница исподволь подстрекала учеников информировать её о ребячих проказах.

– Вы должны быть принципиальными, – терпеливо наставляла она. – От учителей не должно быть никаких тайн.

Ребята охотно соглашались и ябедничали направо и налево. В маленьком социалистическом государстве ГДР это не считалось зазорным. Пример советского пионера-героя Павлика Морозова, своевременно проинформировавшего чекистов о недостойном поведении родителя, попал здесь на благодатную почву. Спида лень было даже ябедничать. Чтобы не вы-

деляться, он решил как-то настучать на своего классенкамерада Торстена.

– Фрау Винкель, – пробормотал он, опустив голову, – а Торстен сказал, что самая главная буква в немецком языке W.

– Ну и что в этом смешного? – тощая фрау Винкель критически оглядела Гюнтера поверх очков.

– А он говорит, что не будь этой буквы, пришлось бы нам читать не Waffенbrueder (братья по оружию, так называли тогда советских солдат), а Affенbrueder (то есть братья-обезьяны).

– Не верю, не верю! – закричала учительница, брызгая слюной. – Такого быть не может. Торстен не мог так глупо пошутить, это ты сам все выдумал.

Фрау Винкель знала – отец Торстена крупный партийный функционер, уважаемый человек, – его сын не способен на подобное политически незрелое высказывание. И наказала Гюнтера. Маленькая, но гордая ГДР была в те годы единственным государством на планете, искренне дружившим со своим старшим братом, Советским Союзом. Эта дружба была закреплена даже в конституции, главном законе страны. Наряду со всеобщей воинской повинностью и борьбой за мир.

Дисциплинированные восточные немцы в массовом порядке записывались в DSF (общество германо-советской дружбы), самое крупное после профсоюзов общество. Если кто-то из рабочих отказывался вступать – наказывали всю бригаду: при подведении итогов лишали заветных баллов и денежной премии. «Первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян на немецкой земле», так официально именовали тогда ГДР её вожди, они поощряли и пестовали любовь своих граждан к советским людям. Родственники, оставшиеся у многих восточных немцев в западной части Германии, значительно уступали советским людям по моральным качествам, убеждали СМИ.

Впрочем, удивляться тут было нечему: ведь западные родственники жили в волчьем мире капитализма, в мире чистогана. Советские же люди строили самое гуманное и самое справедливое на земле общество, поэтому и сами они становились все лучше и лучше. День ото дня. К такому нехитрому выводу приходил каждый восточный немец, внимательно следящий за социалистической прессой. Школьные учителя на конкретных примерах разъясняли детям, каким образом стране Советов удалось вырастить у себя таких прекрасных людей.

– Мам, а почему в Советском Союзе все люди хорошие, а у нас не все? – поинтересовался однажды Спида.

Учительница поведала им в тот день о необыкновенно высоких моральных качествах, присущих абсолютно всем советским людям. В один ряд с пионером-героем Павликом Морозовым и красноармейцем Павлом

Корчагиным опытный педагог поставила космонавта Юрия Гагарина, знаменитого бригадира строителей Николая Злобина и ткачиху Валентину Гаганову, променявшую передовую бригаду на отстающую. С Гагариным все было предельно ясно: человек смелый, первым слетал в космос. С героизмом бригадира комплексной бригады строителей Николаем Злобиным дело обстояло несколько сложнее. Судя по снимку, который показала учительница, по физической силе он явно уступал другому русскому герою – шахтеру Стаханову. Об этом замечательном труженике учительница рассказывала им на предыдущем уроке. При желании Стаханов в одиночку мог заменить в шахте тысячу человек. Так, по крайней мере, утверждал Дитер, сосед Гюнтера по парте. Стаханов был посильнее, чем их земляк, знаменитый немецкий шахтер Адольф Хенеке. На исторических фотографиях Хенеке выглядел ужасно худым и изможденным. В жилистых руках он, как и его русский коллега Стаханов, крепко сжимал отбойный молоток. Работал Хенеке настолько здорово, что многие рабочие ГДР решили даже подражать ему. Они развернули социалистическое соревнование, которое назвали Henecke-Bewegung, то есть движение имени товарища Хенеке. Словом, в маленькой, но гордой стране все было почти, как у старшего брата.

Поэтому Гюнтер жутко удивился, когда услышал на улице в первый раз ругательство в адрес русских. Мать терпеливо разъяснила малышу, что ему повстречался очень глупый и недалекий человек.

– Есть еще и у нас пережитки капитализма, – с грустью констатировала она. Немного подумала и добавила: – К счастью их становится все меньше.

Впоследствии Спиди неоднократно имел возможность убедиться, что мать заблуждалась. Знакомое словосочетание – «долбаные русские» – с годами встречалось ему все чаще. Оно стало, пожалуй, одним из самых распространенных. Восточные немцы, как позднее уяснил Спиди, все-таки любили своих западных братьев гораздо сильнее, чем правильных русских. Правда, в публичных местах и на собраниях они предпочитали не афишировать свои симпатии.

Вокруг русских вообще было много загадочного. Верхи призывали любить советских людей, а политически незрелые низы вместо этого сочиняли о них анекдоты. Восточные немцы с юмором воспринимали социалистическую действительность. «Почему советская газета «Правда» стоит десять пфеннигов, а восточногерманская «Нойес Дойчланд» пятнадцать? – мог поинтересоваться у коллеги по работе какой-нибудь весельчак. И сам же со смехом ответить на этот вопрос: «Да потому, что пять пфеннигов берут за перевод». Рождались в народе и присказки, типа: лучше на паршивой байдарке в Швецию, чем на круизном лайнере в Ленинград. Трудное это было время, противоречивое.

...Свое восемнадцатилетие Гюнтер отпраздновал в родном в Хальберштадте, небольшом саксонском городке, славном своими колбасными изделиями. Хальберштадтские сосиски заполонили в социалистические времена прилавки продуктовых магазинов. Услышав название этого города, каждый восточный немец непроизвольно слюнул: колбаски были чрезвычайно вкусными.

Со своим отцом, плотником по профессии, Гюнтеру так и не довелось встретиться. Мать выставила его из дома, когда сынишке стукнуло три месяца. Неверного супруга она отловила прямо на своей подружке. Позднее плотник утверждал, что был в тот вечер нетрезв, что никаких серьезных чувств к партнерше вовсе не испытывал. Бес попутал. Он извинялся, клялся, готов был искупить вину, но Сибилла, в ту пору еще молодая и строптивая, решительно выставила изменщика за порог.

Позднее она, правда, крепко пожалела об этом. Отсутствие мужа Сибилла компенсировала энтузиазмом на работе, в результате сделала прекрасную партийную карьеру. Трудилась в городской управе. Заведовала каким-то важным идеологическим сектором. Серьезная должность налагала большую ответственность. Партийное руководство настоятельно рекомендовало в ту пору всем сознательным бюргерам игнорировать западное телевидение. И, напротив, стараться не пропускать разоблачительную политическую программу восточногерманского телевидения «Черный канал».

Юный Гюнтер, хотя и не понимал политических нюансов, но передачу полюбил от всего сердца. Вел её Карл-Эдуард фон Шнитцлер, журналист серьезный и рассудительный. Своими убедительными аргументами он в пух и прах разбивал все попытки классового врага завладеть душами восточных немцев. Делал он это на удивление легко и убедительно. Сначала Шнитцлер показывал зрителям кусочек западной телепрограммы. Но досмотреть её до конца, как правило, не давал. На середине демонстрации он начинал презрительно махать руками, давая тем самым сигнал технику выключить эту гадость, дескать, нет больше сил терпеть столь наглуго ложь. Техник слушался его и выключал картинку. Вот тогда-то Шнитцлер и начинал терпеливо растолковывать зрителям, насколько коварна западная пропаганда. Свои аргументы он убедительно подкреплял цитатами из произведений Ленина, Маркса и других не менее серьезных людей. Как ни удивительно, но высказывания классиков полностью совпадали с мнением самого Карла-Эдуарда фон Шнитцлера. Гюнтер в политике разбирался слабо. Больше всего ему нравилась заставка этой передачи. Под бравурную музыку на антенну простого гедезровского бюргера вспархивал вдруг раскоряченный черный западногерманский орел. Символ всего

отрицательного. В конце же передачи, после убийственных разоблачений Шнитцлера, орел, как подстреленный, мешком кувыркался с антенны.

– Наши победили, – удовлетворенно произносил Гюнтер и выключал телевизор.

Мать с восторгом рассказывала сыну, как в шестидесятые годы, она, будучи совсем еще юной девушкой, принимала самое активное участие в одной политически важной акции. Вместе с другими активистами молодежной организации FDJ юная Сибила мужественно карабкалась на крыши и поворачивала антенны, глядящие на идеологически чуждый запад, в правильное направление. Правда, на следующий день трудолюбивые бюргеры залезали на крыши и упорно поворачивали антенны в милую их сердцу западную сторону.

Все население маленькой ГДР с упоением смотрело в те годы западное телевидение. Сочувствие и жалость вызывали у них несчастные жители Дрездена, не имеющие такой возможности. Телевизионные волны, летящие с Запада, наталкивались там на горы и бесследно увязали в камнях. Поэтому вместо веселого и жизнерадостного ведущего западного телевидения Руди Карела дрезденцы вынуждены были терпеть на экранах своих телевизоров унылого, но жутко правильного Шнитцлера. На машинах с дрезденским номером стыдно было в те годы ездить по стране. Обязательно находился какой-нибудь доморощенный остряк, принимавшийся тыкать пальцем в дрезденский номер и радостно вопить: «Из долины дураков прикатил!»

Незадолго до объединения один из дрезденских умельцев похитил с родного завода тяжеленную чугунную отливку в форме таза и смастерил из нее замечательную спутниковую антенну. Посмотреть заветную западную программу собрались у него друзья и родственники. Умелец включил телевизор, и на экране возникла чудесная заставка западной программы ARD. У многих присутствующих в тот исторический момент глаза заблестели от слез. А через пару месяцев страна неожиданно объединилась, и прилавки дрезденских магазинов заполнили алюминиевые элегантные, дешевые и легкие спутниковые антенны, сработанные фабричным способом.

Свое двадцатилетие Гюнтер встретил на далеком Урале, куда завербовался строить трассу газопровода «Дружба». Мать полностью одобрила его решение.

– У советских людей, – благословила она на прощанье сына, – тебе будет чему поучиться. Помню, десять лет назад ездила я туда с делегацией и до сих пор под впечатлением от их гостеприимства.

... Идеалистическое представление о советских людях начало рушиться у Гюнтера буквально с первого дня, стоило лишь сойти с поезда на конечной уральской станции. Автобус должен был отвезти их на базу. Немецкие рабочие, молодые ребята, стояли у чемоданов и с интересом наблюдали, как два местных мужичка выясняют отношения.

– Дай ему в ухо, родимый, да посильней, пусть до дому ходит!

Старушка в вылинявшем бархатном полушубке, с авоськой в руках грозила дерущимся мужичкам кривым, как сучок, пальцем. Похожие на братьев, в замызганных сиротских курточках, алкаши, хрипло дыша, щедро обменивались оплеухами. Над зданием буро-зеленого вокзала, выстроенного еще до войны, с противным карканьем кружили вороны. Свинцово-серое осеннее небо нависало над заплыванной вокзальной площадью. Закопченные темно-зеленые поезда подкатывали к замусоренному перрону, с шипением открывали двери, выдавливали из себя безликую массу работяг. На дерущихся мужиков никто не обращал внимания, они были привычной частью пейзажа.

Последний в истории советского государства генсек Горбачев искренне желал своим подданным добра. Для начала он решил отучить их от пьянства. Теперь задолго до открытия винных магазинов советские люди выстраивались в километровые очереди. В этих очередях давили и избивали слабых, проклинали правительство и коммунистов, получающих в своих спецраспределителях хорошую водку без всяких очередей и ограничений. Народ упорно не желал расставаться с плохими привычками.

– Сука ты поганая!

Грязный кулак с чмоком воткнулся в нос мужичка в кроликовой шапке.

– Дай ему по соплям, Гришаня, – злорадно приговаривала бабка, – не будет, засранец, по бабам чужим бегать!

– Что говорит бабушка? – поинтересовался у соседа Гюнтер. – Они её что, обидели?

– Да нет, это мужики развлекаются здесь так. Сейчас навешают друг другу плюх и пойдут дальше пить, – равнодушно объяснил Зиги.

На трассе он работал второй год, неплохо понимал русский язык и ничему уже не удивлялся. Через дорогу, из замызганного крошечного магазинчика с вывеской «Промышленные товары», вываливались раскрасневшиеся и возбужденные мужики в засаленных ватниках. Они прижимали к груди заветные бутылки с небесно-голубой жидкостью. На этикетках стояло: «Средство для мойки стекол».

...Вахтер, седой, сухонький немец в очках, выдал Гюнтеру ключ с биркой: третий барак, седьмая комната. Лагерь трассовиков расположился в березовой роще. Чистенькие, выбеленные бараки, столовая, клуб, магазин.

Везде немецкая чистота и порядок. В двух шагах увязало по окна в вековой грязи татарское село.

В седьмой комнате царило, как обычно, веселье. Работяги оттягивались на полную катушку. Стол был заставлен пивными бутылками, пепельницы переполнены окурками, из магнитофона неслась разудалая музыка. Гюнтер вошел, поставил чемодан на пол и замер в своей обычной унылой позе.

– Спиди Гонзалес – самый быстрый мышь Мексики! – восторженно заржал краснолицый крепыш в джинсовой куртке.

Все дружно заржали. Грустный Гюнтер, с капелькой под носом, в вязаной лыжной шапочке мало походил на шустрого мышонка Мики Мауса из анимационного фильма Уолта Диснея. В Мексике мышонок в сомбре-ро выступал на гонках, и представляли его на соревновании как Спиди Гонзалеса, самого быстрого мыша Мексики.

Так Гюнтер превратился в Спиди. Кличка прилипла намертво. Трудился он на трассе так же уныло, как и учился в школе. Покорно выполнял распоряжения бригадира, не проявлял инициативы, не старался отличиться. Бригаду разнорабочих, в которую определили Спиди, трассовики презрительно именовали Schippe, то есть совковая лопата. Сварщики, что варили на трассе трубы, были элитой. Одевали их в пижонские кожаные костюмы, маляры работали в белоснежных спецовках, плотники носили заливхватские шляпы, вельветовые костюмы, с пояса у них свисали на цепочках инструменты. Неквалифицированным «лопатам» выдавали обычные рабочие спецовки.

Спиди уныло ковырял лопатой мерзлую землю и присматривался к окружающему миру. Советские люди все больше разочаровывали его. Почти каждую ночь местные парни залезали в их лагерь. Крали все: от дорогих видеомагнитофонов до грязных рабочих сапог, оставленных у входа в общежитие. Уже с утра уральцы начинали пить. А напившись, становились агрессивными и вполне могли побить. Работали они из рук вон плохо. Как-то активисты из FDJ решили вызвать бригаду русских строителей на социалистическое соревнование. Россияне возвели к тому времени первый этаж жилого дома. Однако мудрые комсомольцы слету отвергли предложение наивных немецких товарищей. Почему – Спиди понял, через год, когда немецкие трассовики возвели пять прекрасных домов, а российские комсомольцы так и не продвинулись дальше третьего этажа своего первого дома.

Строили немцы прекрасно, такого качества работ на Урале не знали даже в царское время. Однако уральская комиссия, принимавшая первый немецкий дом, неожиданно заупрямилась. Местные прорабы и инженеры хмурили лбы, кривили губы, им не нравилось в немецких домах абсолют-

но все: обои, линолеум, вентиляция. Немцы были буквально потрясены дотошностью их приемки. Местные строения, требовавшие капитального ремонта уже в день сдачи, комиссия принимала безоговорочно, а от их качественных домов воротила нос. Пришлось доброжелателям прозрачно намекнуть немецким специалистам, что, дескать, так в России дела не делаются. Одной хорошей работой тут никого не удивишь. Немцы правильно поняли намек. Скромный банкет и небольшие презенты членам приемной комиссии мгновенно растопили лед в российско-немецких отношениях. Первый же дом был принят быстро и с отличной оценкой.

...Отработав восемь часов лопатой, Спиди шел в столовую ужинать. Кормили трассовиков замечательно, огромный выбор колбас, сыров, салатов, вкусные супы и вторые блюда. В столовой новичков можно было определить сразу: они накладывали себе полные тарелки, потом маялись, не могли доесть. Старички спокойно обходились парой бутербродов. Через несколько месяцев кухонное изобилие приедалось.

По субботам в лагере трассовиков устраивались дискотеки. Девчата из соседних сел тщательно готовились к этому важному событию. Для многих из них дискотека становилась путевкой в Германию. В лагерь местные барышни из окрестных сел сбегались по протоптаным в снегу тропинкам. Чтобы в пути не замерзнуть, надевали под шубы множество теплых вещей. Поначалу все казались толстушками. Но первое впечатление оказывалось обманчивым. Разоблачившись в гардеробе и упрятав многочисленные поддевки в заранее припасенные для этой цели мешочки, наподобие тех, которыми пользуются школьники для сменной обуви, большинство их замечательно стройнело. После процесса переодевания барышни надолго исчезали в туалете, наводили перед зеркалом окончательный марафет.

В зале уральские красавицы появлялись, благоухая пудрой и одеколоном, лица их были свежи и румяны, глаза взволнованно блестели в предвкушении праздника. Немцы считались у уральских барышень завидными женихами. В отличие от местных парней, они пили в меру, работали на совесть, были хозяйственны и обстоятельны. Местные отличались легкомыслием, трудились без огонька, охотно и часто выпивали, деньги в их руках не задерживались.

На успех у местных девушек Спиди особенно не рассчитывал. Немецкие девицы находили его, как правило, слишком скучным, вниманием не баловали. Каково же было изумление Спиди, когда на первой же дискотеке одна из местных барышень неожиданно пригласила его на танец. Невысокая, крепко сбитенькая, черноволосая, с задорной мордашкой, она сразу же глянула на Спиди.

В Люси (так, оказывается, звали девушку) ему понравилось абсолютно все: и то, как она смеется и кокетничает, и то, как тесно прижимается к нему в танце, и то, как забавно пытается говорить с ним по-немецки. Ему страшно захотелось поболтать с ней, рассмешить, но русские слова, как назло, не шли на ум. Он мучительно вспоминал школьные уроки. Однако в голове крутилась одна лишь глупая фраза, которой учительница русского языка научила их еще в шестом классе: «Нина, Нина, вот картина, это трактор и мотор».

Люси весело рассмеялась, эту шутку она слышала от всех знакомых ей немцев по меньшей мере раз десять. Складывалось впечатление, будто все они учились в одном классе.

В этот вечер Спиди не ночевал в общежитии. Сначала провожал и долго целовался с Люси у её дома, а потом девушка просто не захотела отпустить его в лагерь. Разве ж можно одному через лес, да еще по темноте. Первая в его жизни девушка оказалась к тому же и самой лучшей. Не смущало Спиди и то, что Люси была уже раз замужем, что воспитывала в одиночку двоих детей, что жила в жуткой развалюхе без элементарных удобств. Зато она была ласкова, нежна, покорна и нетребовательна.

Рядом с ней Спиди чувствовал себя большим, сильным, страстным и остроумным. Люси готова была смеяться любой его шутке. В столовую Спиди приносил теперь целлофановые пакеты и баночки. В них он аккуратно и хозяйственно упаковывал колбасы и сыры, наполнял емкости вкусными салатами. Всю эту роскошь Спиди нес Люси и её детям. Забавные тощие конопатые девчонки с радостным визгом набрасывались на немецкие деликатесы.

Коллеги по работе подсмеивались над романом Спиди. Герман, его начальник, мужичок предпенсионного возраста, невысокий, желчный, с лицом садового гномика, не одобрял этот выбор. Связи с местными барышнями лагерным уставом, правда, не возбранялись, но ночевать рабочим следовало в лагере. Иначе выходила аморалка, а в социалистическом отечестве подобное не приветствовалось. Поэтому молодые трассовики управлялись с любовной страстью до отбоя, а на ночь дисциплинированно возвращались в лагерь. Спиди, охваченный любовным дурманом, упорно нарушал установленный распорядок. В один прекрасный день Люси неожиданно призналась, что ждет ребенка. Спиди обрадовался и тут же оповестил в письме маму.

– Это замечательно, мой мальчик, – возликовала та. – Я не знакома еще с твоей Люси, но успела уже полюбить ее.

Немецкие мамы, в отличие от мам русских, воспринимали подобные вести спокойно. Наличие у избранницы их сына детей совсем не смущало

их. Сибилла тут же помчалась по магазинам и приобрела для будущего внука кровать. Детей разместим в маленькой комнате, мысленно прикидывала она, а Гюнтер с Люси будут спать в большой. То, что Гюнтер еще не написан с Люси, нисколько не смущало ее.

А в это время Герман собрал производственное совещание.

– Что будем делать? – постукивая карандашом по столу, вопросительно оглядел он собравшихся.

– Спасать надо Спиди, – предложил Зиги, помощник бригадира. – Парню всего двадцать лет, профессии нет, куда ему тащить семью с тремя детьми. Да и режим он постоянно нарушает.

На следующий день Спиди уволили. За систематическое нарушение дисциплины, стояло в приказе по лагерю. Спиди стоял у автобуса, сгорбленный и несчастный, рукава его свитера бессильно обвисли, под носом блестела неизменная капелька. Люси прижималась к его плечу и отчаянно всхлипывала. Спиди крепился. Шофер нажал на клаксон.

– Жизнь продолжается, – мужественно вздохнул Спиди и поцеловал на прощание девушку.

...Через пару лет Люси, с трудом преодолев бюрократические барьеры, вышла-таки замуж за Спиди. С тремя детьми и двумя чемоданами перебралась она из далекого уральского села в маленький восточногерманский городок. А спустя еще два года Германия объединилась. Трассу продолжали по инерции строить, но финансирование резко сократилось, большинство рабочих уволили, бараки опустели. На дискотеку в лагерь трасовиков рвались еще барышни из окрестных сел, но число дефицитных немецких женихов катастрофически сократилось.

За пару лет жизни в Германии Люси разочаровалась в загранице. Здесь оказалось смертельно скучно, подружки остались на Урале, а местные девицы не шли на сближение. Говорить по-немецки она так толком и не научилась, сидеть дома было мучительно. Свекровь все больше раздражала её неустанным стремлением к порядку, чистоте, постоянными поучениями. Супруг Спиди тоже не скрашивал жизнь. От его унылости Люси хотелось реветь и лезть на стену. Дети, как ни странно, полюбили приемного отца. Люси же всей душой рвалась на родной Урал.

– Всё, не могу больше, – заявила она в один прекрасный день Спиди. – Поеду навестить мать.

Гюнтер согласился: родители святое дело. Мать его сидела теперь без работы, поэтому могла полностью посвятить себя воспитанию детей. Малыши ходили в детский сад, бойко лопотали по-немецки, без энтузиазма воспринимали попытки матери говорить с ними по-русски.

...Целый месяц от Люси не было никаких вестей. Сначала Спида не тревожился, понимал, жене нужно отдохнуть, развеяться. Да и телефонная связь с Уралом работала плохо. Спустя месяц он забеспокоился. В газетах все чаще мелькали сообщения о тревожной криминальной обстановке в России.

– Ты должен ехать на Урал и искать Люси, – категорично заявила мать. – А вдруг с ней что-то случилось. За детей не волнуйся, я присмотрю.

...Лагерь, в котором Спида прожил когда-то почти год, поразил его звенящей тишиной и запустением. Краска на стенах бараков облупилась, окна в большинстве домов были забиты досками. Лишь в двух общежитиях теплилась жизнь. Никого из знакомых в лагере не осталось. Комендант, долговязый мужчина средних лет, неразговорчивый, с желчным и строгим лицом, уверенно внедрял капитализм в лагерную жизнь.

Еще пару лет назад он был партсекретарем крупного предприятия на севере страны, уверенно руководил идеологической работой. Он разрешил трассовикам не только оставаться на ночь у уральских подружек, но даже селить их в своих комнатах. Правда, не бесплатно. Одна ночевка прекрасной дамы обходилась любвеобильному работяге в пятнадцать марок. Деньги следовало аккуратно вносить в кассу в конце месяца.

Многие ворчали, дескать, развели здесь публичный дом, однако дань аккуратно платили. Постепенно уральские барышни прижились в лагере. Они терпеливо ждали любимых мужчин с работы, к приходу их искусно раскрашивали лица. Благо косметических наборов было теперь в изобилии. Щедрые работяги баловали подружек, выписывали им по каталогам косметику, модные наряды.

Некоторые из них настолько входили во вкус семейной жизни, что умудрялись жениться на уральских красавицах по несколько раз. Для одного из таких неугомонных третий брак оказался роковым. Не успев еще развестись со второй супругой, он оставил её с ребенком в туманной Германии и поспешил подать заявление в уральский загс на следующий брак. Законная супруга узнала о поступке неверного случайно, из письма подружки, и срочно примчалась на Урал. Первым делом законная супруга исцарапала ей лицо.

... Мать Люси, крошечная, рано состарившаяся женщина, ужасно удивилась, увидев на пороге Спида. Да, дочка её действительно гостила здесь, сбивчиво объяснила она. Вот только пожила всего неделю, а потом исчезла.

– Я думала она к тебе поехала, – удивлялась женщина. – Запаковала Люська чемоданы, села на автобус и поминай как звали.

...Лагерная дискотека мало чем отличалась от прежней. Здесь все также оглушительно гремела музыка, все так же взволнованно перешепты-

вались барышни, стреляя глазами на приглянувшихся парней. Кавалеры неторопливо потягивали за столиками пиво, придиричиво разглядывали девиц. Вечер был в разгаре. Многие парни успели уже изрядно набраться. В центре зала, тесно прижавшись, топталась парочка. Спиди внимательно пригляделся и узнал Люси. Она была в короткой джинсовой курточке, блестящих облегающих брючках, волосы туго стянула на затылке красной лентой. Девушка тесно прижималась к здоровенному краснорожему трасовику в кожаной курточке.

– Нина, Нина, вот картина, это трактор и мотор, – громко картавил её нетрезвый партнер.

Люси весело смеялась знакомой шутке.

– Клевая телка, – ухмыльнулся стоящий рядом парень в очках, заметив любопытный взгляд Спида.

– Можешь не заглядываться на нее, – небрежно добавил он, – Люси уже забита, три недели у Тарзана живет, говорят, они скоро поженятся.

Спида поднял брови и с удивлением отметил, что нисколько не ревнует жену к здоровенному Тарзану. Люси больше не казалась ему красивой и желанной. Он, наконец, понял: она никогда не любила его, а лишь мечтала любым способом вырваться из уральской глуши, пожить в сытой Европе. Он, случайно подвернувшийся, глупый и наивный, стал для нее заветным транспортным средством.

Спида вспомнил свой первый приезд на трассу, как вошел он в прокуренную комнату общежития, где глядели со стен картинки с обнаженными красотками.

– Спида Гонзалес, самый быстрый мышь Мексики! – заорал, увидев его Зиги, и все радостно, как придурки, заржали.

Вспомнилось, как приходил он по ночам к Люси, как визжали от радости, увидев его, смешные конопатые девчонки, её дочери. Вспомнились жаркие бессонные ночи, когда от страсти у них с Люси пересыхали губы и хотелось умереть от счастья.

... С серого неба медленно и печально валил снег. Издалека доносился пьяный хохот и женский визг. Около будки со шлагбаумом охранник Женья, толстый и рыхлый уральский парень с плоским прыщавым лицом, гладил по голове овчарку и что-то нашептывал ей в ухо. Рот у собаки был широко открыт, длинный влажный язык свисал наружу. Спида знал этого пса, его звали Рембо. Пес был злощип и коварный. Больше всего Рембо любил кусать за ноги местных жителей. Таким образом он выслуживался перед немцами, отработывал свой харч. Окна покинутых бараков были черны и печальны.

– Жизнь продолжается! – вздохнул Спиди, смахнул с носа капельку и бодро зашагал по хрустящему насту к автобусной остановке.

Он знал, через два, максимум через три дня будет дома, в родном Хальберштадте, городе вкусных колбасок. Гюнтер представлял, как придет домой, откроет холодильник, достанет оттуда свежую колбасу, намажет маслом кусок сдобного хлеба и сделает себе вкусный бутерброд. Рот его непроизвольно наполнился слюной. О неверной Люси он больше не думал, просто вычеркнул её из своей жизни и ни о чем не жалел.

А где-то в далекой Германии матери укладывали в это время детишек. Бабушка Сибилла, подоткнув малышам одеяла, пела им забавную немецкую песенку про утят, которые спрятали головки в воду и не замечают при этом, что хвостики задрались вверх. Девчонки весело смеялись, не хотели засыпать. «Не будете спать, – шутливо грозила им пальцем бабушка, – придет сердитый Зандман и засыплет вам глаза песком».

Михаил Горелик

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА АВЕРБУХА – ПЕРЕВОДЧИКА И КОММЕНТАТОРА

Умер Владимир Авербух (1937-2018) – переводчик и комментатор Райнера Марии Рильке.

Авербух перевёл почти все поэтические книги зрелого Рильке: «Книгу образов», «Новые стихотворения», «Новых стихотворений другую часть», «Сонеты к Орфею», «Дуинские элегии».

Последние десять лет занимался комментариями к «Новым стихотворениям». Тотальный комментарий: филология, семантика, эстетика, история, культурология, комментарий к слову, даже к знаку, к строке, к стихотворению, к книге, ко всему творчеству, перекрёстные ссылки, взаимосвязи, контексты – фундаментальный труд, другого такого на русском языке нет. Эксклюзивная аналитическая работа. 73 стихотворения. Семь изящных томиков комментариев по сто с лишним страниц в каждом. Последний – как раз к своему недавнему восьмидесятилетию: подарок самому себе. Достоин удивления тираж: десять экземпляров, библиографическая редкость.

И свои переводы издавал тем же тиражом. Удивительный человек, напрочь лишённый авторского тщеславия. Читанные публикации, в том числе и в «Студии», увидели свет только благодаря инициативе друзей, поэтому Авербух практически неизвестен не только читателям, но и профессионалам, хотя в сущности был одним из лучших знатоков творчества Рильке в России.

Человек абсолютно самодостаточный, в признании не нуждался и, соответственно, любовью народной совершенно не дорожил, занимался тем, что было ему интересно, удовлетворял своё культурное любопытство и страсть к творчеству. Процесс, даже в большей мере, чем результат, был его наградой.

Хотя результат, на мой взгляд, очень и очень впечатляющий.

Авербух такой русский Берендт¹ и, стань его труд общим достоянием, он вошёл бы в корпус обязательной литературы каждого исследователя творчества Рильке, уважающего оригинал переводчика и читателя с пытливым умом – любителя сравнить разные переводы и задать вопрос: а как там на самом деле и что бы это могло значить?

Последние четверть века с лишним Авербух был профессором математики Силезского университета в Опаве (Чехия), читал лекции по-английски. Каждый год – новый курс. Оказался в Опаве по рекомендации академика Арнольда, когда издательство «Мир», где Авербух работал в математической редакции, рухнуло. Это после того, как страна рухнула. И, человек несуетливый, задержался в Силезском университете. Стал местным жителем. Пан профессор. И вот, в этой, ставшей уже своей, Опаве в свободное от лекций, экзаменов и написания статей время переводил и комментировал Рильке.

Тотальные комментарии к «Новым стихотворениям» – единственная такого рода на русском языке аналитическая работа. Что касается переводов, тут, конечно, ничего уникального: Рильке в России – главный иностранный поэт. Существует масса переводов, в том числе и высокого качества. Зачем ещё один? Ответить просто: совершенный перевод невозможен – переводы могут только в той или иной мере приближаться к созданию релевантного эквивалента оригиналу в иной языковой среде, лучшие переводы создают букет, именно букет как целое и есть максимальное приближение. И Авербух в этом виртуальном букете достойно представлен. Некоторые из его работ украсили бы любую антологию Рильке. При большой формальной, образной и смысловой точности Авербух демонстрирует заинтересованность в передаче свойственных оригиналу фонетических красот. Впечатляющий пример – публикуемое ниже стихотворение «Три волхва».

Закончив работу над комментированием «Новых стихотворений», Авербух взялся за комментарии к «Новым стихотворениям другой части». Сделал первый томик, мелочь осталась, но завершить не успел.

Как бы ему было сказано свыше: ладно уж, «Новые стихотворения», пожалуй, доведи, а «Новых стихотворений другую часть» – нет, и без того подзадержался.

Каждая из семи изданных Авербухом книжек комментариев завершается одной и той же написанной им миниатюрой. И в восьмой, так и не изданной книжке, оно тоже есть. Датируется оно 2012 годом – годом выхода первого томика.

¹ Ганс Берендт (Hans Berendt) – автор фундаментального труда *Neue Gedichte, Versuch einer Deutung* («Новые стихотворения». Опыт понимания).

КТО БЫ НИ ПЕЛ, – ПОЁТ ОРФЕЙ

Великий чешский маг Франтишек (Франц) Бардон (1909 – 1958), родом из Опавы, где издана эта книжка, задумал прокомментировать все карты Таро. Карт этих, как известно, 78. Начал Бардон с карты «Маг». В результате появилась увесистая книга – учебник магии «*Der Weg zum wahren Adepten*» («Путь к подлинной посвящённости»). Писал Бардон, как было тогда принято в научных кругах, на том же языке, что и Рильке. Книга была переведена на родной язык автора и на множество других, в том числе и на русский.

Затем Бардон написал трактаты ещё о двух картах. И всё. Остальные карты (каких-то 75) остались не прокомментированными.

Когда я спрашивал специалистов по Бардону, как же так, маг и не успел, то получал ответ: в других существованиях. Что в других существованиях? Прокомментирует.

Быть может, под другими именами.

Но что в имени тебе моём?

Кто бы ни пел – поёт Орфей.

Это жизненный манифест, выходящий за рамки конкретной работы. И за рамки жизни.

Уже покинувший её, он машет прощально рукой с другого берега.

В иных существованиях, под иными именами.

Кто бы ни пел, – поёт Орфей.

Владимир Авербух

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ РАЙНЕРА МАРИИ РИЛЬКЕ

Из «Книги образов»

Вступление

Кто б ни был ты, уйди до темноты
из комнатной оскомной тесноты.

Твой дом стоит у края, у черты –
кто б ни был ты.

В закатном небе дерево возьми,
глаза с порога стёртого сорвав,
и тихо-тихо взглядом подними

и перед небом, тонкое, поставь.
И мир создашь. Огромный, с небом в ряд.
И дай ему, как слову, молча зреть.
И сможешь волей смысл его узреть.
И с нежностью его отпустит взгляд...

Из апреля

И вновь у леса вкус.
И жаворонков пляс
возносит небо ввысь, давившее на нас.
Хотя сквозь голый куст день гол, как был, и пуст
и льёт с утра, но вдруг, совсем промокнув,
день солнцем опалён и время ново,
и вот – волной от дома к дому звон:
израненные, к свету не готовы,
бьют крыльями, ещё не веря, окна.

И стихло. Только редких капель всплески
по миг от мига меркнувшим камням.
Ни шороха. И всё вершится там –
В набухших почек блеске.

Музыка

Что ты играл? По саду тайна шла,
шаги, шаги, приказа шёпот, трели.
Ах, мальчик, мальчик, в дырочках свирели
совсем твоя запуталась душа.

В плену у звуков, знай, что будет с нею:
себя упустит, и споёт она.
Пусть жизнь сильна, но музыка сильнее,
твоей тоской навзрыд напоена.

Побудь в молчанье, чтоб душа могла
вернуться в полноводное течение,
в котором мерно зрела и росла,
пока не вверг её ты в пенопенье.

Смотри, она крылом всё тише бьёт,
а там совсем, мечтая и тоскуя,
разучится летать; и миг придёт:
она взлетит и тут же упадёт,
когда её на радость позову я.

Из детства

Таинственно сгущался сумрак в зале,
и мальчик в темноте сидел один.
И мать вплыла из тридевятой дали,
и тонко в горке прозвенел графин.
Смущённая смущением своим,
она его коснулась: «Ты, сынок?»
И оба робко посмотрели вбок –
там за рояль она садилась с ним,
и он терялся в звуков глубине.

Её рука – он взглядом слился с ней, –
словно по снежной целине ступая,
под грузом перстней утопая,
пошла по клавиш белизне.

Осень

Как будто с неба сыплет листопад,
как будто там, вдали, сады увяли,
и падающий лист – как жест «едва ли».

И падает Земля из звёздной дали
в ночное одиночество, как в сад.

И падаем мы все. Взгляни вокруг:
не весь ли мир – как листопад осенний.

Но есть Один. Он держит мир падений
в ладонях бесконечно нежных рук.

Вечер

Меняет мерно вечер облаченья,
ряд старых лип их тихо подаёт;
расходятся два мира – мир паденья
и воспаряющий под небосвод.

А ты забыт, ни там ни тут не дома:
не тёмен ты, как этот дом немой,
и не заверчен в вечности истому,
как то, что светит по ночам звездой.

И жизнь твоя (распутать как словами?)
горька, нежна, ничтожна и горда,
то, в отупеньи тяжести, – как камень,
то, в озаренья взлёте, – как звезда.

Три волхва

ПРЕДАНИЕ

Решает всё заранее
Господь, нам знак творя, –
как мая обещание
о грушах сентября.
В пустынь песках не зря
сошлась, представь, компания –
звезда и три царя.

И от зари и до зари
цари и Надовсем
в пути все вместе (лоб потри!) –
внизу звезды одни цари –
ко хлеву в Вифлеем.

И навезли едва не с дом
они ко входу в хлев.
Звенел их каждый шаг кругом,
и средний был, на вороном
и в бархате, – как лев.

А правый с носа по каблук
был в золото одет,
а тот, что слева, поднял вдруг
шум-звон, звяк-стук,
дин-дон, тук-тук,
сося серебряный мундштук,
и дым кальяна всё вокруг
уктал в фиолет.
Тут засмеялась бубенцом
на целый Вифлеем
и, став ко входу в хлев лицом,
сказала Надовсем:

– Цари, Мария, пред тобой,
с далёкой стороны,
сильны и войском, и казной,
от золота грузны;
не бойся – нежные душой,
хотя на вид грозны.
У всех – лишь дочери гуртом,
а сын необходим,
они и просят о твоём –
о солнце в небе голубом –
на трон ко всем троим.
Не обольщайся слишком: лишь
Король Костров и Шляхов Шах –
вот будет кто малыш.
От бед не убежишь.
Ушли они на риск и страх,
Бог знает в чьих престол руках,
и уж не скажешь «кыш!».
Им дышит в уши жарко бык,
как ветер, а царей,
быть может, нету в этот миг
бездомней и бедней.
Ты их, смятенных, приюти,
улыбкой осветя,
и лик небесный обрати
ко входу – и дитя.

Там радужною стужею
дары царей горят:
Рубиния, Жемчужия
и Изумрудоград.

Осколки потерянных дней

... Как птицы, переставшие летать:
день ото дня их тело тяжелее,
земля к себе их тянет всё сильнее,
они смиренно семят, не смея
о высоте и лёте помышлять,
и когти их цепляются к земле,
срастаясь с нею –
как растенья те,
что над землёй подняться не умеют,
безжизненны и влажны как желе,
и в комьях грязи вязнут и хиреют –
как сельский дурачок – как на столе
лицо в гробу – как лёгкий сбой в движеньи
руки ко рту: в бокале отраженье
того, что здесь не может быть сейчас –
как крик «Спасите!», что в вечерний час
летит среди колоколов трезвона –
как высохший цветок в углу балкона –
как дом с дурною славой – как корона,
в которой, потускнев, погас большой алмаз –
как утренний апрель
перед немymi окнами больницы:
толпа больных за стёклами теснится
и смотрит: луч позолотил все лица,
и улица просторна и ясна,
и всюду блеск, и благость, и весна,
и стала юной каждая стена;
и невдомёк им, что всю ночь, темна,
шквал облака как платье с неба рвал,
что в мёрзлый мир водой ворвался шквал,
что и сейчас несётся ураган,
по улицам, снимая иго
со всех на свете плеч,

что за стеклом – стихия, молот, смерч,
что за стеклом – неистовый таран,
который их, болящих, смёл бы мигом
среди этого ликующего света –
.....Как в ноябре, в беседке, что раздета
со всех сторон, томительные ночи,
и больше тот, кого ты любишь очень,
с тобою здесь от счастья не заплачет –
как нагота девичья в подземелье –
как пьяный голос в липовой аллее –
как слово то, что ничего не значит
и всё ж идёт и входит в уши первым,
и дальше в мозг, идёт, идёт по нервам
и шаг за шагом в тело проникает –
как старики, что род свой проклинают
и сразу после умирают, чтоб
навек закрепил проклятье гроб –
как те в теплице выросшие розы,
раскрывшиеся в самые морозы,
что кто-то вдруг из прихоти, из позы
небрежным жестом выбросил в сугроб –
как шар земной, которому невмочь
от мертвецов, ему забивших поры –
как умерщвлённый и зарытый в ночь:
не могут руки дать корням отпора –
как полевой цветок, высокий, стройный,
что, не успев закончить жизни круг
внезапно мрёт в дремотной неге зноя,
наткнувшись корнем в гуще перегноя
на изумруд в сережке покойной
вдруг....

О, сколько дней настой бывал *такой*.
Как будто кто-то в точный слепок мой
вгонял иглу медлительно-зловеще.
И острия незримое движенье
я ощущал как дождь, как наважденье,
и в хлёсте струй меняли облик вещи.

Финальная строфа

Безмерна смерть.
Везде её мы
и всякий час.
Мы алчем, мчась на волне подъёма, –
она как дома
заплачет в нас.

Из «Новых стихотворений»

L'ange du meridiien

Шартр

Когда, мечась, как в отрицаньи разум,
гроза разит собора мощный неф,
себя уютней ощущаешь разом,
твой рот во вспышке разглядеть успеv:

улыбки ангел, в ней ты всё постиг,
твои уста составлены из ста, но:
не чуешь, как спадают непрерывно
часы людские с солнечных твоих,

где цифры дня, все вместе, все у дел,
в предельном равновесьи положений,
как будто каждый час богат и спел.

Нас, каменный, понять тебе ли вмочь?
и, может быть, тебе ещё блаженней
протягивать часы не в день, а в ночь?

Голубая Гортензия

Как слой на дне засохшей акварели,
сух и шершав зелёных листьев слой
за зонтиками: те голубизной
не блещут, отражают еле-еле,

заплаканно, как руки уронив,
как говоря: нам не нужна, поверьте, –
и как на старом голубом конверте,
в них фиолет и желтизна вразмыв.

Застиранность нагрудника, до латок
заношенность; ничто уже не ждёт.
и чувствуешь: век маленького краток.

и вдруг в одном из зонтиков, до жмури –
сиянье обновления, видишь, вот:
над зеленью безумие лазури.

Из «Новых стихотворений другой части»

Чужой

Не заботясь, как посмотрят дома
(объяснять устал и перестал),
шёл он снова прочь: бросал, терял, –
ибо ночи странствий по-иному,

чем любую ночь любви, ценил.
Удивительные проводил:
звёздами одни кишмя кишели,
раздвигали узких далей щели,
и неслись, как кони без удил;

а другие, от луны шалея,
отдавали сёла как трофеи
или предлагали, сквозь виньеты
парков, родовых усадеб фронтоны,
и селился, в голове склонённой,
в них на миг он, зная в глубине-то:
не остаться; негде; никогда;
а уже за поворотом ждали
новые мосты, развилки, дали,
города, что только города.

И бросать – всегда и всё, не алча,
было слаще сладости быть пьяным
славой, ласками, мечтой.
Но порой был жёлоб в чужестранном
стёртом прикосаньем непрерывным
камне родника ему как свой.

Из «Сонетов к Орфею»

2, 21

Пой же взапой о садах, что ни разу не зрел, – как в топаз
залитых, недостижимых, истоках экстаза.
Их, несравнимых ни с чем, тысячи раз
славь – Исфахана фонтаны и розы Шираза.

Миф, что хоть миг их лишён ты был, мигом развей.
Что ты не гредишься их вызревающим фигам.
Не обвеваешься их дуновениям мигом
с будто в лицо летящих цветущих ветвей.

Въяве увидь, что лишения нет, никакого,
Стоит явиться решению этому – быть!
Шёлковой нитью вошёл ты в ткани основу.

Что за образ ни обрели события
(будь то и муки миг, бед не избыть),
Целое, верь, – ковёр хвалы и наитья.

Светлана Шенбрунн

Короткие рассказы

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

К нему готовились заранее: матери шили дочкам нарядные платица. На каждом углу появились тележки с цветными шариками, надутыми гелием. Салют тоже предстоял особый – из удивительных трофейных, складывающихся в букеты ракет. Шарик стоил три копейки. Тысячи детишек должны были выйти на улицы Москвы с этой красотой. Я умоляла маму купить мне хоть один шарик, но она отказалась наотрез. Без шарика я бы вообще побоялась выйти в этот день из дому.

«Тут же лопнет, и прощайте три копейки», – сказала она.

Я сидела и занималась рукоделием: штопала чулки. Делается это так: чулок натягивают на «грибок», а затем в том месте, где дыра, протягивают нитку справа налево, а потом слева направо, и в результате дыры как не бывало – над ней сплеталась аккуратная заплатка. Соседки удивлялись, что малый такой ребенок владеет в совершенстве таким искусством.

– Хоть один шарик, – хныкала я.

– Я сказала – нет, – повторила мама.

– Я отомщу тебе за это, – сказала я.

«И мечь моя ужасной будет», – добавила я про себя.

Я была уверена, что она пришибёт меня на месте, но она расхохоталась.

Мама пользовалась большим авторитетом не только в нашей квартире и во всём нашем восьмизэтажном доме, а очевидно даже и во всей Москве. Своей славой и легендами о своих неисчислимых достоинствах она могла потягаться с самим товарищем Сталиным.

В последний день жизни она успела разоблачить отца, усевшегося с друзьями за столик в ресторане ЦДЛ. Она подошла и сказала: «Вставай, пошли!», но он не встал и не пошел, а сказал: «Почему ты за мной шпионишь?» Домой она пришла одна. И кому бы, вы думаете, она стала жаловаться на мерзавца? Конечно, мне.

Теперь она сидит в раю, и в зубах зажаты три копейки. Одиннадцать золотых коронок.

– Одиннадцать золотых коронок, – сказал нам служитель морга. – Будете снимать?

– Не будем, – сказал отец.

– Как хотите, – сказал служитель морга, – но учтите, мы все равно снимем. Гроб так не ляжет.

– Это ваше дело, – сказал отец.

– Ограбивший покойника, – сказала я, – недолго проживет.

– Сколько нам отпущено, столько и проживем, – сказал служитель морга.

– Не много вам отпущено, – сказала я. – Истратить денег не успеете.

Я отомстила и большего не желала.

Прощай, мама!

Тетя Мура заказала отпевание, но отец меня туда не пустил. Как видно, у него были свои причины. Сегодня был день его мщения.

Рассказы о собаках

АСЕНЬКА

Асенька – милая белая собачка, правда, она жуткая трусиха, она боится даже поганого кота. Но случается ей иногда расхрабриться. Она прожила в нашем доме две недели, когда Том и Даниэль уезжали за границу. Потом её увезли в Модиин, но она часто приезжала в гости.

Однажды Тявка изловчилась проникнуть в дом и закричала:

– Тяв-тяв-тяв! Теперь у вас нет собаки. Можно я буду здесь вашей собакой?

– Ишь, чего захотела! – залаяла Асенька. – Я прожила в этом доме две недели и часто приезжаю в гости. Я здесь собака! Я дружила с Джоем, а ты никому тут не нужна. Пошла вон отсюда! – кинулась на Тявку и выгнала несчастную из дома.

Всё это наблюдал Том.

ТЯВКА

Жили-были у нас две тявки. Соседи ненавидели тявок за их тявканье и призывали дождь и град на их милые беленькие головки. Однажды одна из тявок исхитрилась прорыть подземный ход между двумя участками, выползла оттуда вся мурзатая, обляпанная грязью и мокрой глиной.

– Тяв-тяв-тяв! – затывкала Тявка.

Мальчик подошёл, взял Тявку на руки и понёс в дом. Тявка прижалась к нему всем тельцем и обещала никогда не тявкать, когда он спит.

Счастья тебе, Тявка! Счастья тебе, мальчик! Будьте всегда здоровы!

КАК ОБЪЕХАТЬ ЕВРЕЙСКУЮ СУББОТУ

Жил-был прекрасный пёс Джой. Джоя принесла Лариса.

Я спросила Йонатана:

– А где Лариса?

– Она там, со щеночком, – ответил Йонатан, указывая на дверь.

– Каким еще щеночком? Пусть убираются оба.

– Мама, если мы не возьмём его, его отправят в Шуафат.

Лариса держала подмышкой беленький пушистый шарик. Выяснилось, что у шарика имеются четыре белых лапки.

Для начала он разодрал всю нашу обувь. Потом однажды я заметила у себя в кровати горку жёваной соломки.

– Лариса, – сказала я злорадно, – он сожрал твою сумку.

– Нет, – сказала Лариса задорно, – он сожрал вашу шляпу.

Потом жертвами стали еще некоторые вещи, но щеночек был забавный и даже не слишком хулиганистый.

Постепенно он рос и превратился в тёмно-серую собаку на четырёх белых лапах. Все его любили, по-моему, даже Игорь Бяльский, которого этот бандит укусил за руку.

Пёс рос и хорошел, но всему бывает предел. В какой-то момент ему стало трудно передвигаться по дому. Если он умудрялся доползти до моей кровати (белые лапки разъезжались), он клал на нее голову и ждал, пока я его поглажу.

Но постепенно стало ясно, что жизнь для него сделалась слишком трудна – врачи обнаружили, что он болен, и нужно было делать операцию. Но и делать операцию они вскоре отказались. Сказали, что опухоль слишком велика и не будет пользы от операции. Дали какое-то лекарство, которое он не желал принимать.

И стало ясно, что нужно помочь ему уйти из жизни.

Лариса приехала с ним попрощаться. Долго целовала его и лила слёзы. Я думаю, что, если бы вместо слёз и поцелуев она привезла бы ему котлеты, он был бы рад. Котлету он бы съел.

В Израиле в субботу не работает никто, в том числе и Том. Но с другой стороны, только в субботу Том и может отвезти Джоя в собачью клинику.

Тут кто-то вспомнил, что между Иерусалимом и Тель-Авивом есть арабский городок Абу-Гош.

В Абу-Гоше всё в порядке – открыты магазины, кафе и рестораны, и собачьи клиники тоже. Когда Джойку повели к машине, он обрадовался, он думал, что его ведут гулять. Не много счастья видел Джойка в своей жизни. В Абу-Гоше ему вначале дали обезболивающее, а потом усыпили. Когда его усыпили, ему стало намного легче. Он начал дышать. А потом уснул совсем.

Я попросила его передать привет Джино. Джино – собака, которая была у нас раньше и всегда спала со мною на диване. Я просила сказать Джино, что я очень его люблю.

ЗДЕСЬ ОН, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЖИВ

Мы с Томом сидели на камне, на огромном валуне. А перед нами растянулась зелёная долина, по которой бегали собаки, и среди них я заметила Джино.

– Джино, Джино! – закричала я.

Он не обратил на меня внимания.

– Том, – сказала я, – позови его.

– Не надо, – сказал Том. – Здесь он, по крайней мере, жив.

Александр Кузнецов

ГАВАНЬ

Уходим мы из Гавани.
Кому-то трин-трава.
Возможно, что не правы мы,
Иль Гавань не права.

Всё гуще дымка над водой,
И вот – туман,
Давно предсказанный судьбой,
Завесил Гавань и бедой
Полз по домам.

И потянул вдруг ветерок
Из дальних мест.
Пришел и лег на мой порог.
И я сказал: «не выдаст Бог –
Свинья не съест».

И попрощался со двором,
Где с детства жил.
И двор шепнул: «Как всё старо.
Что ж - в добрый путь и будь здоров!
И чтоб ты был».

Ответил на его слова:
«Ты тоже будь».
И от прощального стола
Дорога скатертью вела
В неясный путь.

И как-то верится с трудом,
Что боль пройдет
В тумане сером и густом,
Когда он вдруг вползает в дом
И нас крадет.

Уходим мы из Гавани.
Кому-то трын-трава.
Возможно, что не правы мы.
Иль Гавань не права.

ВЕТЕР

Я слышу стук в окно.
Как это, право, странно.
Уже никто давно
В окно мне не стучит.
А за стеклом темно.
Зачем будить так рано?
Ночь освещаю пламенем свечи.
В ночи сова кричит,
И, завывая, ветер,
Вновь веткою стучит
В оконное стекло:
– Прими привет. В ночи
Я по дороге встретил...
Свечу вдруг влагою заволокло.

Ах, ветер, только мне
Тебя недоставало.
Привык я к тишине,
К теплу простой печи...
С собой наедине
Тепла куда как мало...
Еще в окно мне веткой постучи.

НОЧЬ БЕЛАЯ

Я уплываю по реке.
Что брать с собой, а что оставить?
Плыву без груза, налегке.
Взял пустяки, но что добавить?

О ночь! Какое колдовство!
В твой белый сумрак окунаюсь
И совершаю воровство –
Краду тебя. Прости, не каюсь.

Не взять с собой ни этот шпиль,
Не повезешь и эти ростры,
Ни даже золотую пыль,
Блестящую на копьях острых.

Но эту ночь я должен взять.
– Пойдем, – зову её несмело, –
Дорога дальняя, присядь. –
И нас окутал сумрак белый.

Вот перезвон часов застыл
За старой крепостной стеною.
И крылья подняли мосты –
Ночь белая всегда со мною.

НАЧАЛО

Я придумал начало такое:
Мы с тобою идем вдоль Невы.
Пусть зима... Нет – весна над рекою,
Рядом бродят гранитные львы.

Хорошо, чтобы чайка кричала -
Песней крик отзовется в груди.

Берегите же это начало –
Неизвестно, что там впереди.

Вот, обнявшись, стоим у причала.
И сияют огни кораблей.
Так хотелось продлить нам начало,
Каравеллы дожидаться своей.

Ночь спустилась и нас повенчала
У воды, у моста, у дворца.
Я придумал лишь только начало...
И оставим всё так, без конца.

Аркадий Маргулис

ИСПАНСКИЙ ГРАНД

Она сама не смогла бы вспомнить – когда это началось: вечерами она выплывает из смрадного sklepa квартиры, пьяная, задиристо-беспечная, и, шатко чертя каблуками асфальт, переходит улицу под отчаянный вой автомобильных сигналов, под угрожающий визг тормозов, под шипение истирающихся шин – к трамвайной остановке напротив дома. Вдалеке посреди колеи покажется яркий блин прожектора, и будут гудеть рельсы, пока не подкатит, гремя и вздрагивая, освещённый изнутри вагон. Она, улыбаясь, взбирается, спотыкаясь о ступени, держась за поручни, чтобы не упасть. Садится где-нибудь у окна, и полы плаща сползают с её колен. Она смотрит по сторонам, в окно – в пространство. Потом к ней подсаживается одинокий мужчина, заговаривает, они едут, пропуская остановку за остановкой, пока трамвай не пускается в обратную сторону. Она выходит на своей же остановке в сопровождении нового знакомого, ведёт его в немый запущенный быт, а дома угощает попутчика водкой и жалуется на постылую жизнь. Хмелея, он тащит её в кровать и, не дождавшись расвета, исчезает, обещая «как-нибудь заглянуть». «Ты классный пацан», – говорит она, прощаясь, и забывает о его существовании. Она помнит лишь последнюю свою привязанность – меланхоличного уродца-карлика на кривых, вздувшихся от какой-то болезни ногах. Он живёт неизвестно где и придёт неизвестно когда.

Ночь. Мокрый чёрный скользкий асфальт. Рябь в грязных лужах. Между домами сырой неуют. Оставив машину на автостоянке, Бугров добирается в гостиницу пешком – под подошвами гибнут, но вскоре воскресают отражения в лужах. В жёлтом свете маячит силуэт женщины, плывущей в мороси дождя навстречу подъезжающему к остановке трамваю. У Бугрова в груди сладкий обвал – мечется, как дичь в клетке, предвкушение, и он взлетает на подножку трамвая. Дверь закрывается, прищемив Бугрову куртку. В движении он выдёргивает её и невольно, чтобы сохранить равновесие, бежит по салону, успевая заметить женщину – из-под голубого плаща вид-

ны колени. Бугров тормозит руками о поручни, останавливается рядом с нею, забывшейся, и, наклонившись, просит подвинуться, чтобы сесть рядом. В салоне кое-где пассажиры, и предательски пустуют места, но она без слов сдвигается и, когда он падает на сиденье, покорно поворачивает к нему лицо. По улыбке и глазам он видит, что она пьяна, но это лишь подзадоривает его. Он сетует на непогоду, и в её чертах лица и в жестах чудится ему что-то неповторимо близкое, но прочно забытое. Он роется в памяти, безуспешно силится вспомнить. Белокурый локон, убранный в сторону, стекает к губам. И в памяти открывается створ, исчезает пелена.

Тогда, лет десять назад, судьба свела его, искателя приключений, с хрупкой женщиной – голос её звучал проникновенно. Она заговорила с ним о жизни. Пригласила к себе и всё рассказывала о череде злоключений, преследующих её: смерти родителей в родном селе, предательстве мальчика, которому подарила первую любовь, о напрасном замужестве. Она привела Бугрова в квартиру, где снимала комнату, уйдя от мужа, и продолжила свой рассказ. Развод перенесла так напряжённо, что потеряла уверенность в себе и веру. Состояние её было подавленным. И как-то, во вспышке отчаяния и боли, попыталась свести счёты с жизнью под колёсами железнодорожного состава. Её, рискуя жизнью, спас молодой человек, случайно оказавшийся рядом, студент-испанец. Придавил к шпалам. Избавлением прогромыхали над ними вагоны. Испанский гранд – так назвала она нового и теперь безраздельно своего друга. В Испании у него семья: родители, жена, дети. Он говорил ей, что любая испанка, провозжая мужа в дальние края, молится, чтобы муж нашёл на чужбине добрую женщину, чтобы был он присмотрен, ухожен и не одинок. Зажили вместе: она с ним, а он с нею и – с воспоминаниями о семье. Одолев сессию, Испанский гранд торопился домой, в родную Испанию. А она оставалась ждать своего дорогого испанца. В такое время и состоялось её знакомство с Бугровым. Она показывала ему фотографии в альбомах, всё её достояние. Далеко за полночь ушло время, погасили свет, но два молодых тела так и не слились в порыве – она осталась верна Испанскому гранду, несмотря на пиратские ухищрения Бугрова. Утром пришёл хозяин квартиры, познакомился и за чаем рассказал Бугрову, что внук учится у его квартирантки испанской речи. Она принялась перемывать накопившуюся посуду. А Бугров ушёл – навсегда, унося в памяти безнадежную любовь маленькой женщины к Испанскому гранду. До поры, до времени помнилось и – забылось.

В салоне трамвая Бугрову, пока он рассматривает изменения в её лице, становится любопытно – а что же Испанский гранд, где он теперь, жива ли любовь к нему хрупкой женщины, с которой лет десять назад он, Бугров, провёл неразделённую ночь в маленькой комнате? Сохранились ли фото-

графии в альбомах? Хорошо ли говорит по-испански внук хозяина квартиры? Жив ли сам хозяин? Рассыпанные воспоминания трамвай вколачивает в стыки рельсов. Бугров разговаривает с нею и начинает понимать. И ему становится не по себе от мысли, что той её, прежней – хрупкой, с волнующе чистыми нотами в голосе – уже нет, что эта, теперешняя, лишь отвратительная гримаса судьбы – не ориентируется ни в прошлом, ни в настоящем, что исчезла навсегда чуткость её души. Осторожное напоминание об Испанском гранде вызвало у неё сварливое недоумение. Мысль «как же это могло произойти» мучает Бугрова и он решается проводить её домой. Но побыстрее. На ближайшей остановке трамвая они выходят, и он подзывает такси.

Они едут, а потом идут к дому, и Бугров видит незнакомый двор, разбитые двери подъезда, старую лестницу, исписанные ругательствами стены. Они поднимаются на второй этаж, он галантно берёт у неё ключ, отпирает замок и, впустив женщину в коридор, останавливается. И – прощается, возвращает ключ и осторожно прихлопывает снаружи дверь. Он стоит ещё некоторое время на площадке. По ту сторону раздаётся пьяное бормотание и слышится, как она шарит рукой по двери, как будто знает, что он не ушёл. Но ей не удаётся открыть, она замирает и, всхлипывая, стонет: «Испанский гранд... Испанский гранд...». Он с облегчением выходит из подъезда на уличный сквозняк, а мимо него в подъезд ковыляет карлик в шляпе с траурными полями.

ДИЛИЖАНС ДЛЯ СУМАСШЕДШИХ

В последние дни небосвод сердито льнул к земле, сжимая и без того чахлое пространство, зазор, примерявшийся исчезнуть со всем содержащим. Пропадёт – что тогда?

Беспросветная сомкнутость туч породила беспокойство – Гайк испытывал болезненную, сродни тоске, тягу забраться куда-нибудь подальше и поглубже. Темнеющая незавершённая океана, его набережная, почти безлюдная в это время, обретали черты вечернего оживления. Далеко раз за разом всплывал сумерки маяк, мгновенно пробрасывая по воде яркое мерцание, прибрежные фонари, разом вспыхнув, впустую освещали тупики прогулочных маршрутов. Ещё немного, и сюда съедутся велорикши, теснясь в стороне и притом исхитряясь помешать прохожим. Занимательная логика. Под любой хомут найдётся шея: даже, если заработок грошовый, за клиента предстоит побороться. Гайк ухмыльнулся, угрюмо пошелестел

в кармане ассигнацией и взбодрил мелочь – так, чтобы звякнула. Всё-таки у него дела обстоят чуть лучше, хватит и на чайничек чаю, и на пахлаву, липнущую ко дну блюдца, и на пачку сигарет, непременно длинных. Это всегда отгоняло унылые мысли. Но не утешало.

Главное не грызть себя из-за горестей эмиграции – раздражающей повседневности и гнетущей разницы между «там» и «здесь». Милому душе «раньше»: школа-университет-служба противостояла постылая новь, к ней не привыкнуть – нужда ишачить в погоне за трёпаным центом на платежи. И всё сначала и без конца – отпетая нищета наёмного таксиста. Пусть жаль расставаться с монетой, с ней веселее, и всё же Гайк свернул к озерцу, всего с лужицу, где на камне изредка и блаженно покрывали утки.

Темнело. Двери рестораничков, кафе, магазинов, галерей и салонов самоотверженно распахнулись, по запаху не заблудиться, и Гайк вошёл в чайную, напротив. Он любил это местечко – всегда садился к столику, откуда выглядывало озерцо. Что-то оправданное существовало в этой близости: в двадцати шагах бунтующая мощь океана и рядом, под рукой, наивно-домовитое пристанище. В действительности она – благодушная родственность – и составляла мир. Навсегда ли?

Стоило промолчать, но Гайк, пока симпатяга мексиканец выставлял на поднос чайник, блюдце и снимал с витрины привычно расцвеченную пачку, подсказывал:

– Зелёный чай... пахлаву... «Next», длинные...

– Окей... Окей... – поощрительно улыбался мексиканец. Прimitивная хитрость – именно он когда-то подсунул идею, и Гайк наспех вымерил разницу между сигаретами. Захотелось проверить. Впрямь выходило, что «длинные» дешевле «коротких». Не намного, и всё же Гайк по-ребячьи радовался, осознавая, что выкуривает табаку больше и дешевле. Так не близнецы ли удовлетворение и самообман?

Чайная наполнилась посетителями, набрякла гамом. Гайк не торопился, смаковал пахлаву, пригубивая чай, прислушиваясь к беседе за соседним столиком. Армянская семья, говорили по-армянски. Не всё понятно, не ясно, из каких мест. Но на душе становилось теплее. Уходя, он приветственно попрощался с ними, они ответили, обрадовавшись ему, как знакомому. Вряд ли это изгой из родных мест, он распознал бы по акценту. Может быть, из Франции или Аргентины, путешествуют сами по себе?

У озерца с утками Гайк застал старого Шона, уже завершившего обход закоулков и в одиночестве переводившего дух на скамейке. Год за годом его, ветерана, всё не увольняли из полиции – воздавая должное боевым

заслугам. Поговаривали, что он геройски воевал в молодости, теперь форма топорщилась на нём, выказывая никчемность брэнного тела перед вечностью. В любом возрасте не грех помечтать – несмотря ни на что, иногда сбывается. Недавно Гайку повезло снять квартиру вблизи Армянской церкви, и недорого. «В субботу обязательно схожу в храм», пообещал он себе, здороваясь с Шоном:

– Рад видеть! Как поживает гвардия? Какие новости?

– Пока ничего, мой друг, – ответил Шон, – но есть одна хорошая – тебя встретил. Больше ничего, кажется.

– Даже не припомню, когда виделись в последний раз, – поддержал Гайк с облегчением, – почему-то получается реже и реже.

– Как раз наилучшее из всего, что получается, – сказал Шон.

– Такое чувство, что на этом всё держится, – согласился Гайк.

– Ну да, на нас с тобой, – улыбнулся Шон, – и на остальных таких же простаках, как мы.

И они расстались, преисполненные спокойствием, может быть, благословенного Господом Богом. Рядом празднично светился салон, художественная галерея – Гайка всегда тянуло сюда к полюбившейся картине. Выразительное полотно: посреди дороги, взлохмаченной проливным дождём, мчался, оттесняя автомобили, почтовый фургон. Стлались в бешеном беге кони. Судя по цене, её создатель, художник с необычной фамилией Флойхр, уже знаменитость. Ещё бы, нешуточная сумма. Консультант, мисс Криста, впервые рассказав о деталях, после всегда удалялась, оставляя Гайка наедине с романтической загадочностью холста. Лишь изредка позволяла себе задержаться и как-то вручила Гайку визитную карточку, написав на обороте номер мобильного телефона. Это вызывало в душе Гайка невнятное предчувствие удачи, тонкий росток, пробивающийся к солнцу. Разве не случаются в жизни и более редкие вещи? Он стал заходить в салон не только из-за картины, но и ради мисс Кристи. Но сейчас навстречу повеяло отчуждением. Плеснуло навязчивостью от направившейся к нему девушки. В салоне, кроме неё, никого не было. Он сразу же отвернулся – ему претило общаться с нею вместо мисс Кристи. Предвкушение встречи улетучилось как мираж – он вышел и побрёл к стоянке, где оставил машину, такси бело-зелёной раскраски. От дороги аллею ограждал забор, ажурное хитросплетение, за ним под клеёнчатými навесами и картонными коробами, насмерть притороченными к опорам, копошились бездомные. Убогое лежище обездоленных. Казалось, ожившая сеть выловила из губительной пустоты отчаявшихся выжить и вытащила напоказ, как предупреждение, укор, или даже проклятие благополучию. Гайк выбрался на автостоянку, к машине. Мимо, по аллее, в серебристой сумятице огней, пронеслись два

силуэта. В одном из них Гайк узнал Лендмайна. В будни приходилось туго, клиентов на всех не хватало, Лендмайну же везло чаще. Вот и сейчас он в шальном, вовсе не для прогулки, темпе увёз седока, судя по контурам, женщину. Лендмайна побаивались – не только коллеги-велорикши, но и таксисты, официанты, воры-карманники, бездомные, кто ни попадался под руку. Обычно Лендмайн, вскипая по пустякам, бешено дрался, за что и получил своё прозвище, означающее «фугас». Врагов хватало, друзей, исключая Гайка, не находилось – к тому же оба оказались земляками, одинаково неистовыми в ностальгии. Кто знает, отчего на пути у них возник этот город – мало ли их на тихоокеанском побережье Калифорнии? Весь на приютивших спальные околицы холмах, разделённых путепроводами с причудливыми лотосами развязок. Честью припасть к океану обладала лишь его административно-деловая часть, Нижний Город, выглядевший вечером или ночью таинственнее прочих.

Умостившись, Гайк запустил двигатель, вырулил на дорогу. Поехал медленно, поглядывая по сторонам – мимо зданий, наряженных в рекламу и внизу непритязательных, мимо автомобилей, перекрёстков, светофоров и прохожих, покорных вечернему ритму. Телефон не издавал ни звука, оставалась случайность – вдруг кто-нибудь подаст знак, тогда можно будет, выслушав заказ, отвезти клиента. Но чем глубже он внедрялся в дебри города, тем глуше становились улицы. Пришлось возвращаться. Гайк развернулся и пустился обратно, к набережной, иным маршрутом, но всё-таки сомневаясь, – не лучше ли старым. Поблизости к вокзалу, у двух полос тусклых рельс, Гайк услышал цокот – так шелестит о дорогу колесо, подцепившее занозу. Пришлось остановиться у обочины, под фонарём, чтобы лучше рассмотреть причину. Вышел, присел на корточки, пошарил и вытащил из-под крыла прибившийся пакет. На душе посветлело. Смешная бездельница. Достал примятую пачку, с наслаждением закурил. На скамейке под фонарём скорчился бродяга – кто другой мог оказаться здесь – согнулся, несуразно прижав туловище к бёдрам, так что голова повисла ниже колен. Гайк подошёл поближе, наклонился, прислушался – бедняга беспечно сопел сквозь сон. Разве не случается хотя бы во сне найти покой? Гайк, выложив на скамейку пару сигарет, подумал: «Избавь, Господи... Но если придётся... Смог бы так же?» и не почувствовал в себе ни отклика, ни созвучия.

Маневровый локомотив, как в насмешку, вяло толкал караван вагонов, платформ и цистерн – что машинисту в его кабине застрявшие у шлагбаумов автомобили? Гайк возвратился в машину, в досаде повернул в сторону, не загорать же на переезде вечность. И чуть отъехав, увидел то, ради чего околачивался здесь, отчаявшись найти. Неправда, что Господь не слышит

мольбы. На трамвайной остановке суетилась женщина, дорожная сумка на тротуаре. Она была само нетерпение. В груди Гайка вздрогнуло ликование. И, развернув машину, он подъехал.

– Славный вечер, мэ, – сказал, выйдя, – куда поедет?

– Умоляю вас... Поторопитесь... В аэропорт, куда же ещё, – взволнованно обронила женщина голосом, никак не помещающимся в тишине, – мой самолёт... времени в обрез...

Она выглядела посторонней в городе. И казалась настоящей жемчужиной среди тривиальностей, вот что не ускользнуло бы от внимания, даже от беглого взгляда.

– Не так уж мало, не так уж мало, – старался успокоить её Гайк, помещая сумку в багажник, – мы обязательно успеем, уже ночной режим, взгляните-ка, все светофоры зелёные, красный включается лишь на секунду.

И дождавшись, пока она разместится на заднем сидении, прихлопнул дверцу, вернулся за руль и отчалил. Теперь добыча в руках, серьёзный куш, рейсы в аэропорт в цене. Можно будет доверху залить в бак горючее, и еды на пару дней хватит. Даже отложить впрок, чтобы всучить хозяину окаянную сотню за его ржавый мотор. «Везёт – это когда вовремя оказаться в нужном месте», – пронеслось в голове Гайка. У этого заносчивого ашкеназа всего-то заслуг, что оказался здесь на год раньше. Начал с извоза, теперь у него двадцать машин – с водителя сотня, за неделю пара тысяч в кармане. Он мельком взглянул в зеркальце над передним стеклом. Женщине не сиделось. «Суматошная девка», – подумал Гайк. Она, почувствовав его взгляд, приблизилась, положив руки на спинку переднего сиденья.

– Нельзя ли побыстрее, в самом деле? – спросила она, – на спидометре всего семьдесят.

Чугунно налетел тоннель. В его залитой светом утробе, урча, мчались встречные и попутные машины. Так выглядел бы увеличенный во стократ игрушечный аттракцион.

– Видно, вы нездешняя, – ответил Гайк с видом знатока, – на самом деле это мила, что-то около ста пятнадцати километров в час.

– Нездешняя? Вот ещё, – сказала она, почему-то с пряной усмешкой, – правда, жила в Амстердаме. Немного в Лондоне... Варшаве... Мадриде... Это всё Европа.

– Приходилось и мне бывать в Амстердаме, – подхватил Гайк, стараясь поддержать разговор, – удивительный город, там чувствуешь себя птицей в полёте. Снова туда?

– Нет, сначала в Париж и уж затем в Канны, – ответила она, – на кинофестиваль. Франция, Лазурный Берег, много солнца, море. Несомненно, я

выиграю в своей номинации. Подпишу роскошные контракты. Вот почему важно не опоздать. Именно поэтому.

Гайк хотел ответить, но его всполошил красный спортивный додж, хищно промчавшийся мимо. Вдруг показалось, что в его учувшем погоню чреве унеслась мисс Криста, мелькнул её абрикосовый профиль. И сразу же, впритирку сигнала, накатился кадиллак – зефирное облако с гремящей из опущенных стёкол аппассионатой. Машины некоторое время шли рядом, нос в нос, чужая – светящейся капсулой чуть впереди. Внутри, в её замкнутом мирке, целовались двое мужчин, водитель в обнимку с пассажиром, нафаршированные равнодушием ко всему, что снаружи. Гайк украдкой взглянул в зеркальце. Женщина во все глаза рассматривала геев. Не просто с интересом, а с обнажённым сочувствием или, может быть, с соболезнованием. Гайк, всегда брезгливый к противоестественному, не удержался, нажал на клаксон и, когда оба любовника посмотрели в его сторону, невозмутимо сплюнул в окно. В худшем случае это выглядело двусмысленно, не более. Кадиллак сорвался и резко ушёл вперёд. Начатый разговор оборвался. Девушка сидела, задумавшись, склонив голову. Несомненно, что-то произошло, стало как-то темней и тише. Уже, дробясь, пробилась огни аэропорта. Гайк вырулил наискосок на свободную площадку, где можно было посадить клиентку. И вышел, чтобы достать багаж. Девушка тоже выбралась и стояла в ожидании рядом. Что-то случилось, но не настолько же бесповоротно. И, когда она выпрямилась, поднимая сумку, Гайк забеспокоился:

– Мэм, я привёз вас в аэропорт. Вот он.

– Да, правильно, аэропорт, – согласилась она, ступая на тротуар, – спасибо, очень вам признательна, скоро посадка в самолёт.

– Мэм, раз аэропорт здесь, и мы впрямь успели, осталось выяснить, как же с деньгами? – наклонился Гайк, чуть разведя руки в стороны, сокрушаясь, что она и не думает порыться в портмоне.

– С деньгами? – переспросила она так, будто речь шла о прошлогодних обносках, и настойчиво посмотрела ему в глаза, – наличных у меня с собой нет.

Объявили посадку в Париж. Гайк почувствовал, как бесповоротно тоска расплзлась в теле, во всех его извилинах. Не знал, что ещё предпринять, не уезжать же ни с чем. С порожним баком, худым карманом и урчащим желудком. Как заплатить хозяину, что объяснять, ведь не поймёт. Оглянулся, будто за помощью, словно кто-то мог подсказать, как быть. И сразу заметил, что сюда, к нему направились двое полицейских. Женщина не уходила, оставалась на месте. Куда ей деваться перед лицом закона? Полицейские остановились рядом, рассматривая Гайка.

– Что-то не так? – спросил один из них, – здесь долго стоять нельзя.

– Да, сэр, – ответил Гайк, – ещё немного времени, пока я получу свои деньги.

Второй полицейский скользнул лучом фонарика по ногам женщины.

– Боюсь, ничего не выйдет, – сказал он, – я знаю её, она часто приезжает сюда и никогда не расплачивается. Бродит здесь, потом трэмпом добирается обратно. Обитает где-то возле набережной, там подобрал её?

– Верно, у железнодорожного вокзала, – уточнил Гайк.

– Сочувствую, плакали денежки, – сказал полицейский, – могу составить протокол, но это пустышка... Кстати, как там старина Шон, всё ещё патрулирует набережную? Раньше мы с ним ходили в напарниках. Времена другие, я слышал, теперь он работает один. Передавай ему привет, если встретишь.

– Передам, когда встречу, – ответил Гайк, посмотрев на девушку.

Полицейские ушли. Женщина покорно оставалась на тротуаре. Первый порыв Гайка уехать без слов – он ясно понял, что говорить что-либо, убеждать, толку нет – эта первая вспышка погасла, в любом случае придётся уезжать. В душе змеился червь сомнения и надежды, было не по себе оставить её здесь. Вдруг никто не подхватит обратно.

– Возвращаюсь, – буркнул Гайк, – могу подбросить в город... до первой улицы. Дальше не по пути.

Верно, пора ехать, отсюда рукой подать к дому. Она кивнула согласно. Он поднял с тротуара сумку, сунул в багажник. Сел в машину, дождался, пока она захлопнет дверь и рванул с места. Сегодня не удастся сберечь ни цента на оплату машины. Вспышка злости пронзила его. Ещё бы! У всех свои проблемы, не хватало взвалить на плечи чужие. Проучить надо эту овечку – на кинофестиваль в Канны вздумала кататься! Высадить на трассе между аэропортом и городом, пусть покукует, может, отучится бесплатно ездить. Посмотрел на неё. В полумраке виднелось, как хрустально блестели у неё глаза. Не поймёшь – сухие или в слезах ресницы. Она плакала – бесшумно и одиноко. Спазм перехватил Гайку дыхание. Он сконфуженно закашлялся. Откуда истекает жалость, из каких тайников души?

– Хочешь, отвезу туда же, к вокзалу? – тихо спросил Гайк.

Она бессильно всхлипнула. Дальше ехали молча, электризуя немотой пространство, пока её рука не тронула плечо Гайка.

– Знаешь, – сказала она, – те двое в машине, парочка голубых, они не виноваты.

Он посмотрел на неё в зеркальце.

– Какое мне дело до них? – безнадежно передёрнул плечами.

– Конечно, но я чувствую их, потому что они больны... И вряд ли меньше, чем я.

Ему миг стало всё ясно о ней. Мало ли людей с психическими расстройствами, видно, она – одна из них. Разве болезнь разбирает – чья вина навлекает беду?

– Дома не хватает? – спросил Гайк вовсе не из любопытства, своих проблем не сосчитать.

– Нет, муж знает, – прошептала она, – он отпускает меня. Провожает, если может. И встречается, всегда звоню ему на мобильный телефон, когда возвращаюсь.

И она принялась звонить. Экран мобильного высветлял очертания лица. Город дремал. Ничего странного, именно в этот час переплетение улиц казалось Гайку паутиной, представлялось, как ползает по ней паук, выбирающий поживу. Разве не гнусные пауки все эти владельцы и совладельцы, сосущие кровь и заедающие плотью? Разве они потрудились несравнимо больше, чтобы выхватить отборные куски? Оставляя остальным отбросы? Что-то не так в этом мире, что-то не так.

В час полуночной безмятежности, мимо шлагбаума, вдоль тусклой колеи рельс Гайк подрулил к трамвайной остановке. Остановился и открыл дверцу, выпуская наружу женщину, не улетевшую в Париж и потом в Канны. И, может быть, не улетавшую раньше ни в Амстердам, ни в Лондон, Варшаву, Мадрид, ни в другие города. Кто знает, куда ей вздумается ещё?

Вблизи, на скамейке, в прежней позе спал бездомный бродяга. Гайк достал из багажника сумку, поставил на тротуар у ног девушки.

– Удачи, – пожелал он ей сокровенное, легко желаемое и себе.

Она собралась ответить, но раздался упругий свист. Гайк обернулся. Железнодорожный переезд пересекал велорикша. Казалось, шлагбаум, поднятый над ним, благословлял финальную историю человечества. Гайк всмотрелся и поразился повторяемости, умножившей очарование случаев, – ведь он снова узнал Лендмайна.

– Привет, Гайк! – воскликнул Лендмайн, подъезжая, – тебе не отвертеться, на этот раз благодетель – ты.

– О чём это, не пойму что-то, – ответил Гайк.

Лендмайн улыбнулся, подошёл к девушке.

– Леди, дилижанс подан, – сказал он ей, осторожно помогая взобраться.

– Вон оно что... – удивился Гайк.

На скамейке зашевелился бродяга. Очнувшись, обнаружил сигареты и, нашарив в карманах зажигалку, закурил.

– Какая чушь, – пропыхтел он, затягиваясь, – весь этот мир – дилижанс для сумасшедших. Вагон дерьма. Все вы – чокнутые.

– Заткнись, чучело! Откуда ты взялся? Тебя спрашивали? – вскипел Лендмайн, сжимая кулаки.

– Так и есть, ты и вправду фугас. Остынь, – попросил его Гайк, – за пару дней столько изменений...

– Ты прав, не обижайся, дружище, – ответил Лендмайн, – жизнь не стоит на месте, и верно, давно не виделись. Слыхал? Мисс Криста больше не мисс, теперь она миссис Флойхр, совладелица галереи своего мужа. Он у неё современный дедок, каким-то боком в игорном бизнесе и лихачит на спортивном додже. Говорят, молодые отправились в свадебное путешествие во Францию, на какой-то Лазурный Берег. Мистер Флойхр напишет там своё лучшее полотно. А моя бесподобная леди, – снова улыбнулся Фугас девушке, – так и останется консультанткой вместо мисс Кристы. Спасибо, что ты не оставил её в аэропорту.

Гайк молчал, нужно было переварить всё отдельно, чтобы никого не было рядом..

– Ладно, всё обошлось, – посмотрел на него Лендмайн, – что делать, у неё иногда в голове шторм, недавно собралась вплавь до Лиссабона, старина Шон выловил её из океана, попросил отвести в больницу. Я подумал – зачем? Раз она осталась со мной.

Гайк кивнул, они разъехались.

Небосвод, льнувший к земле, стискивающий пространство над городом, вдруг разразился беспросветным ливнем. Гайк сквозь мельтешение стеклоочистителей, сквозь мутность и одновременно прозрачность окон видел, как по взлохмаченной дождём дороге уносится «дилижанс». Дай им Бог. Велорикша Лендмайн встретил вернувшуюся подругу.

Ливень прекратился вдруг, как и начался. Гайк оставил машину на стоянке, зашёл в чайную, она уже закрывалась, подсчитал наличность, оставалось впритык на чай, пахлаву и сигареты «Next», на этот раз короткие.

Щемяще-жалким казался брошенный на асфальт окурочок. Низкорослый маяк. Безлюдная набережная.

Леонид Немировский

НАШ ДИРИЖЁР

(Из воспоминаний музыканта)

Москва. 1963 год. Консерватория встала на уши: хотелось увидеть, услышать, понять это чудо, спустившееся к нам с неба в лично управляемом самолёте!

Его имя звучало по-английски, титул – немецкого барона, фамилия отсылала к армянам или грекам.

Одним словом – ГЕРБЕРТ ФОН КАРАЯН! В мерцающем ореоле – Симфонический оркестр Западноберлинской филармонии!

Один из профессоров, бывавший в Европе, небрежно-презрительно обронил о нём: «Подумаешь, оперетта!» А утончённо аристократичный и детски наивный Арам Ильич Хачатурян надумал даже повидаться с земляком! Потом оба хохотали над этим анекдотом, каждый на своём языке: композитор – в кругу друзей, а грек Караянос – среди оркестрантов, и уже по-немецки. Анекдоты вообще были в ходу на репетициях.

Теперь музыканты расположились на широкой сцене Большого зала Консерватории. Намечалась репетиция, попасть на которую не было ни малейшей возможности: по заведённому маэстро порядку, посторонние в зал не допускались (*verboden!*). Но, как водится, не на тех напали. А было так. За кулисами сцены шёл ремонт, и – представьте – на всех висящих там стропилах разместились жаждущие впечатлений студенты, в первом ряду которых, вооружённый биноклем, возлегал, «знаток оперетты»!

Я пошёл дальше. Смешавшись с оркестрантами (наверное, то была первая проба абсорбции) и ловко проникнув в литавровый карман, где ночует тяжёлая артиллерия оркестра – арфы, барабаны, контрабасы – я сквозь неплотно прикрытую дверцу следил за дирижёром, извергавшим флюиды звуков, которые пронизывали плоть слушателей! Караян был прекрасным пловцом, отличным яхтсменом, горнользчиком. А сейчас его плавные руки просто купались в звучащей музыке.

Я пребывал в раю! Но вдруг почувствовал: меня запеленговали, велел

«прочесать» убежище! И тут я превратился в бедного еврейского мальчика, скрывающегося от немцев... Буквально втиснувшись в дверцу, мне всё же удалось избежать расправы и, улучив момент, трусливо покинуть сцену...

Но только вечером, на концерте мы ощутили мощь и многообразие личности Караяна! Скажу об одной важной его особенности. Он умел снижать традиционный темп исполняемой музыки – вплоть до потери пульса – при этом наполнив её какой-то чудовищной энергией и предельной, необходимой выразительностью. К примеру, мелодия известной «Хабанеры», исполняемая Грейс Бамбри, (запись 1963 года) под палочкой дирижёра как бы расстилалась лёгким недвижимым дымком той фабрики сигарной, где разворачивается оперное действие. Это позволяло услышать и оценить ту титаническую работу, которую проделывал композитор, буквально «вымучивая» каждую ноту, каждый поворот мелодии, доводя их до филигранно-жемчужного блеска, чем мы и наслаждаемся сегодня! И тем ужаснее был удар, который постиг автора после скандального премьерного провала оперы. Заметим, что по достоинству опера Ж.Бизе «Кармен» была сразу оценена П. И. Чайковским, который предрёк ей непреходящую мировую славу.

В этой связи вспомнилась молодая, ещё не оперившаяся, но уже популярная Елена Образцова. Босиком фланируя по сцене Большого театра, свободно, – сметая ритмы и звуки, в темпе бравурного танго, – пела цыганка о свободной любви. Караян отмечал её богатый оперный голос, однако совершенно не обработанный: «Воет, как волчица»... Ну что же, выучилась, стала звездой. Brava!

А в 1988 году я впервые выехал за границу и оказался в Берлине. Это была двухнедельная гостевая поездка. По счастливой (или уже роковой) случайности мне довелось опять встретиться с Караяном. Дирижёру исполнилось 80 лет. И столичная филармония организовала его юбилейный концерт, куда, по всем прогнозам, попасть было немисливо – билеты и входные пропуска за полгода до того были розданы. «Оставь надежду, всяк туда входящий...» Ха!

На сей раз я наблюдал за ним с галёрки, из райка. Караян – Бог музыки – стоял и руководил *вселенским оркестром*, извлекая оттуда волшебные созвучия последних двух симфоний И. Брамса!

К счастью для нас великий дирижёр оставил обширное, непреходящее музыкальное наследие. Он побывал в Японии, посетил известную фирму «Sony», приобрел необходимое оборудование и лично руководил видеозаписью выступлений своего оркестра. Так что, фигурально выражаясь, для нас он «вечно живой», наш великий дирижёр ГЕРБЕРТ ФОН КАРАЯН!

Александр Лайко

ЕЛАБУГА

Моя поездка в Елабугу состоялась году в 1969 или 1970, ну, в крайнем случае, в 1971 – не позже – это точно, если можно сие назвать точностью.

Согласившись, а вернее напросившись, на командировку в Елабугу, я стал мишенью шуточек сослуживцев. Никто и ни за какие коврижки не согласился бы посетить эту глушь. Командировки в Таллин или Ригу, Баку или Тбилиси, котировались редакторами и методистами, большинство коих составляли одинокие женщины, много выше. Ещё бы – возлияния в обществе уже знакомых по прошлым наездам мужчин и прочие игры и развлечения.

Объяснялось всё очень просто: шарага, где я трудился редактором, выпускала учебную литературу для заводов союзного министерства нефтяного и химического машиностроения и называлась довольно скромно – «методический кабинет». Помню некоторые выдающиеся произведения, выпускавшиеся нашей шарогой: «Стропальщик 3-го разряда», «Шлифовщик 2-го разряда», ну и тому подобные.

Методкабинет этот считался подразделением министерства, и потому на местах нас принимали как министерских ревизоров, тем более что по справке, которую мы представляли по приезду в министерство, оценивалась работа отдела по обучению рабочих кадров.

Годовым бюджетом командировочных расходов, надо сказать, немалым, распоряжалась бухгалтерия министерства. Но работникам центрального ведомства так обрыдли командировки, что они переложили поездки по родной стране на плечи работников методкабинета. Чтобы деньги на командировки не урезались в следующем

году, нам приходилось выезжать два, а то и три раза в месяц каждому.

Поэтому командированные служащие методкабинета старались себя не утруждать писаниной отчетов и позволяли работникам проверяемых предприятий сочинять хвалебные оды о себе и своей деятельности, а те накрывали, уставив щедро влагой и местными яствами, скатёрку, за ко-

торой звонко пели и смеялись как дети заводские комсомолки. Эту традицию поломать было невозможно. Я просто старался пить в застольях поменьше, что не всегда получалось.

Шуточки сослуживцев относительно Тмутаракани, в которую мне предстояло отправиться, меня трогали мало. Но объяснять им, что еду на свидание с тенью одного из самых больших русских поэтов двадцатого столетия и постараюсь отыскать дом, где провела Марина Цветаева последние и страшные дни свои, я не стал.

В Набережные Челны, где тогда только начиналось строительство КАМАЗа, небольшой городок Татарии, пристань на Каме, я прибыл затемно. В гостинице свободных мест не было и не предвиделось, несмотря на пять рублей для администратора в моём паспорте. Взятка – малая или большая – российская палочка-выручалочка, на этот раз не выручила. Администратор – полная тётёха с заспанным лицом – посоветовала идти в «Дом колхозника», мол, там места всегда найдутся.

И место нашлось. Когда я шагнул на порог «номера», меня хватил столбняк: в довольно большой комнате на кроватях, стоящих в два ряда, в сапогах и телогрейках возлежало человек двадцать местных тружеников сельского хозяйства. Пили водку, чай, оглушительно беседовали и смеялись. Накурено было так, что я, человек курящий, опешил. Слава Богу, моё «место», а говоря проще, кровать, находилось у двери. Повернувшись спиной к механизаторам и животноводам, я быстро уснул.

Проснулся же среди ночи от дикого грохота и густого мата, не понимая, что происходит. Сапогами, шапками, просто руками труженики полей Татарстана остервенело били по стенам, подзадоривая друг друга народными пословицами и поговорками. Спросонья я не сразу понял, что идет ночная и нешуточная битва с нашествием клопов. Почувствовав вдруг нестерпимый кожный зуд, резво выскочил из постели. Такое количество клопов я видел впервые, хотя давно знаком с этими насекомыми, сопровождавшими мое военное детство в мытарствах по эвакупунктам.

Оставив колхозников сражаться с клопами, я вышел из «номера», вспомнив, что мне нужно перевязать ногу. Перед самой командировкой рассадил её так, что пришлось накладывать швы. Я поднялся на второй этаж в уборную, куда указала мне путь дежурная, и открыл дощатую дверь... Нет, не буду живописать клозет в провинции! Пока перевязывал ногу, вспомнил недавнюю статью в «Литературной газете», где довольно известный советский писатель бранил довольно известного зарубежного прозаика за его путевые заметки и упрекал злобно, с презрением за то,

что тот увидел в СССР грязные сортиры, а вот красоты души советского человека не разглядел.

В ура-патриотических страстях в бывшей советской империи, как и в нынешней

имперской демократии, проступает одно желание, а точнее нежелание видеть и слышать. Ну, жуткие места отхожие на Руси! Все это знают, и загадочная душа славянская здесь ни при чём. Думаю, что в России до тех пор не будет демократического общества, пока она не избавится от своих грязных и холодных сортиров. Мысли о равноправии и человеческом достоинстве могут придти в голову россиянам только в тёплом клозете со сливом.

Переязав ногу, я бросил старую повязку и пустой пузырёк из-под мази в огромное деревянное очко. После длительной паузы послышался звук. Выгребная яма находилась на первом этаже. Тогда я понял, почему дежурная отправила меня на эту верхотуру. На весь двухэтажный «Дом колхозника» была одна уборная, и её деревянное сооружение было похоже на клеть лифта, вынесенную на улицу.

Забрав шмотки, я бежал в ночь с клопиного поля боя и двухэтажного сортира. Долго шёл пешком до пристани. А когда едва развиднелось, из тумана проступили очертания парома. Он-то и доставил меня на противоположный берег Камы, в Елабугу.

Утром следующего дня выглянуло солнце. Выспавшись в заводском общежитии, в комнате для приезжих, которая показалась мне номером «Гранд Отеля» по сравнению

с «местом» в «Доме колхозника», я неспешно двинулся по елабужским улицам. Ещё вчера я поручил написать справку о состоянии обучения рабочих кадров инженеру,

отвечающему за это дело. Инженером оказалась женщина средних лет с тихим деревенским лицом. Она пригласила меня на какую-то вечеринку, но я, поблагодарив, отказался. Спросил – не знает ли она адрес, по которому проживала Марина Ивановна? Женщина наморщила лоб и ответила:

– Может, Марина Федоровна? Из отдела кадров?

– Цветасва.

– Нет, у неё другая фамилия.

В дни моего пребывания в Елабуге стояла светлая осень с прохладным и ясным воздухом. Я подошёл, разыскивая городскую библиотеку, к самому заметному зданию Елабуги – колокольне, стоявшей на обрыве высокого берега Камы. Церкви я не обнаружил. Очевидно, её снесли в известные

годы, когда народ не сумел, да и не очень стремился, защитить свою веру. Сегодня же, в дни возрождения церкви в России, иерархам не мешает задуматься, почему так случилось. Огромная вина лежит на самой церкви, не сумевшей окормить паству. Евангелие на Руси прочитано единицами, его следует проповедовать заново, не путая патриотическую истерию с христианским вероучением.

В библиотеке, располагавшейся в колокольне, я получил адрес – не Подгорная или Зелёная улица, что соответствовало бы провинциальному городку, а улица Жданова, 20.

Дом, где провела свои последние дни Марина Ивановна, ничем не выделялся среди прочих жилых строений. Собственно, этот дом был избой, сложенный из бревенчатых венцов, обшитых тёсом, крашенным мутно-голубой краской. Забор, палисадник, берёза.

Дверь открыла невысокого роста пожилая женщина в косынке и фартуке. Когда она узнала цель моего визита, пригласила войти. После узких тёмных сеней мы прошли в довольно большую комнату. В красном углу – иконы, налево – русская печь. Простенки по обе стороны печи задернуты ситцевыми занавесками. Дом прибран, чисто.

Нашей беседе мешало одно обстоятельство – хозяйка, Анастасия Ивановна Продельщикова, приняла меня за важного московского гостя и всё время отвлекалась на жалобы относительно крыши – дырявая, течет, надо бы перекрыть, а денег нет. Показала мне «Книгу жалоб и предложений», которую она смекнула завести для посетителей как книгу отзывов.

В этой книге были благодарственные записи – приезжие студенты, инженеры, библиотекари, члены Союза писателей... Но на крышу старухе Продельщиковой никто не раскошелился. Да какое дело Союзу советских писателей до Марины Цветаевой!

Попытаюсь привести наиболее интересные эпизоды из рассказа хозяйки, опуская лирические отступления о крыше, ремонте, ценах и т.п.

– Здесь они и жили, – сказала Анастасия Ивановна, отодвинув правую занавеску между печкой и стеной дома. Открылся крохотный закуток, правда, с окном на улицу, перед которым в палисаднике стояла берёза с ещё не облетевшей святающейся осенней листвой.

– Вот тут, у печки, стояла кровать. Она спала. А сынок, вот здесь, на сундучке.

Я представил Мура, сынка призывного возраста, которому, наверно, тяжко спалось на столь небольшом сундучке.

– Очень любила в окно смотреть. Сидит и смотрит. Что ни день, они громко ругались...

О чем мать и сын говорили на повышенных тонах? История возвращения в Россию цветаевской семьи трагична. Думаю, Марина прекрасно знала, каким образом последние годы муж зарабатывает деньги, чем занят её Сергей, бывший рыцарь добровольческого движения, а ныне рядовой мотокрушник на службе ЧК-НКВД. Что же с ним произошло? Интеллектуальный сдвиг – евразийство, Устрялов и т.д.? Возможно. Неизбывный патриотизм, ностальгия? Деньги? Всё может быть, и даже многое можно понять, но до определённой черты, переступив которую, человек ступает в смерть. Марина чувствовала удушье переплёта, в который они всем семейством попали, но изменить уже ничего было нельзя.

Сегодня – смеюсь!

Сегодня – да здравствует

Советский Союз!

Просоветская атмосфера в семье в последние годы способствовала формированию коммунистического мировоззрения Али. Дочь превратилась в фанатичного приверженца Советов. Она и уехала первой, не дожидаясь остальных членов семьи.

Эмиграция отвернулась от Цветаевой. С ней не здоровались бывшие знакомые, не подавали при встрече руки. Но возвращаться в Советскую Россию она не хотела. Об этом вполне определённо говорят её письма к Анне Тесковой. Предчувствовала, знала. И поехала.

– Ой, как они ругались! Я ничего не понимала. Ругалась она с ним не по-нашему, а на иноземном языке. И вещи у них тоже иноземные были, богатые – одежда, ложки серебряные... А вот поесть им совсем нечего было. Ни хлебца у них, ни картошки ... Она на базар вещи носила, продавала. И ложки продала...

– Ну, иногда мы их подкармливали ... Она очень рыбу любила. Мой старик рыбки наловит, пожарю, их приглашу. (За печью послышались возня, старческий хриплый кашель). Это хозяйин. И сейчас ещё всё на рыбу ходит.

– Очень немцев боялась. Я ей говорю, побьют их, дай срок. А она – вы не знаете, немцы сейчас очень сильны, могут и сюда придти. Очень их боялась.

– А в день смерти, только что она в Чистополь съездила, всё как-то выпроваживала меня из дома. И уговорила. Пошла я в магазин. Прихожу... Господи!

Со слов старухи Продельшиковой, Марина Цветаева покончила с собой в узких сенцах, между входной дверью в дом и дверью в горницу.

Показала мне хозяйка и большущий костыль, вбитый в балку. Я впервые видел такой гвоздь-великан из желтоватого металла. Балка проходила низко, и я, подпрыгнув, ухватился за него. Сидел гвоздь крепко, вколоченный в древесину, словно русский быт в жизнь и судьбы россиян, державно и навечно. Думаю, что этот гвоздь спокойно выдержал бы ещё не одного российского поэта.

Мой давний друг Генрих Сапгир, великолепный мастер поэтического цеха, в середине восьмидесятых побывал в Елабуге и написал стихи:

*«А из Елабуги привёз я сувенир –
Гвоздь кованый и синий, на котором
Цветаева повесилась»...*

В сноске к этим своим строчкам Генрих повествует о том, что долго искал дом Цветаевой. Но... «Здесь жила новая семья, которая как раз затеяла ремонт своего подгнившего жилища. Сенцы были разобраны, и толстые балки лежали в стороне, в саду. Сам не знаю зачем, я вытащил длинный откованный вручную гвоздь из одного бревна (он сидел крепко) и взял себе. Известно, что Цветаева повесилась в сенях. Страшный сувенир».

В своё время я рассказывал Генриху о своей поездке в Елабугу, поэтому он и искал гвоздь среди балок разобранных сенцев. Но синий кованый гвоздь, который Генрих привёз в Москву, не имел ничего общего с большим жёлтого металла костылём, который мне показала в сенях своего дома старуха Продельшикова. Я сказал ему об этом. Генрих разочарованно вздохнул, подержал в руке синий покорёженный гвоздь, и произнёс:

– Знаешь, это неважно. Для меня он будет символом елабужской трагедии.

– Я как увидела, – продолжила свой рассказ хозяйка, когда мы вышли из сеней на крыльцо, – так и стала, как вкопанная. Гляжу на неё и не знаю что делать, куда идти...

Вдруг вижу сынок Марины Ивановны с работы возвращается. Я бегом к нему.

– Не ходи туда, – говорю, – мама твоя...

Он поглядел на меня и сказал:

– Я так и знал.

Потом сел на брёвна, они вон там, у забора, были сложены, и сидел долго-долго.

На следующий день – день моего отъезда из Елабуги – я отправился на кладбище. Хозяйка говорила мне, что могилы Цветаевой нет, да об этом

я и сам знал. Не стал спрашивать, провожала ли на кладбище она свою жилищку. Ведь, если бы провожала, то могла бы запомнить место захоронения.

Солнце грело совсем по-летнему, и длинные космы сухой травы шелестели между каменными надгробиями мусульманских могил. Они спустились в низину, где уже встречались христианские могилы и советские, увенчанные звездами.

Я набрел на крест с жестяной дощечкой, на которой было написано: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Цветаева». Крест был установлен совсем недавно стараниями Анастасии Цветаевой, сестры Марины.

Вспомнились строки стихотворения, которое я начал писать в Елабуге, но давно мной утерянного:

Вот и место нашлось Вам в России,
Да и его не сыскать...

Покидал я Елабугу водным путем – на ракете до Казани, а там – поездом до Москвы. Очень уж не хотелось снова попадать в Набережные Челны. Отправляясь к пристани на Каме, по дороге я зашел в располагавшуюся в подвале кирпичного дома столовую, окна которой полукруглыми восходили над тротуаром.

В столовой было довольно уютно, даже скатерть на столе. Не успел я заказать обед, как вдруг окно, расположенное прямо напротив моего стола, взорвалось, зазвенели стёкла, рама с грохотом рухнула. В оконный проём влетели оглобля и часть хомута, а на каменный скос окна съехала и боком легла обезумевшая морда лошади. Яростно, безнадежно, словно держава российская, она уставилась на меня большим косящим глазом.

2004, Берлин

Ольга Кравчук

ПСИХОЗ

Помню всё, каждую мелочь, будто это случилось только что. Закрываю глаза, раскидываю в стороны руки и прыгаю вниз. Мы поспорили. Не могу уговорить себя не бояться. Распахиваю веки. Лечу в землю или она в меня. Кричу, размахиваю руками. Когда до низа остаётся несколько сантиментов, падение прекращается, и меня резко дёргает назад. Я напряжён. В спине раздаётся хруст...

Лежу на больничной койке. Окна в решетках и не мылись целую вечность. В палате из мебели только кровать и тумбочка. Стула нет, меня никто не навещает.

– Ну как вы сегодня? – осведомился стоящий в изножье кровати доктор. Они никогда не садятся рядом, опасаются.

– Где мой врач? – отвечаю, уставившись в окно.

– В отпуске. – Он открывает мою историю болезни. – Странно, у вас хорошее физическое состояние, и в тоже время вы прикованы к постели. Как вы здесь оказались?

Вопрос застаёт меня врасплох.

– Жена – сволочь рыжая, сдала меня сюда около года назад.

– Я говорил с ней. Вы её оскорбляли, избивали, всячески унижали. Один раз запустили в голову несчастной уткой с экскрементами. – Доктор говорил, но при этом его выражение лица никак не менялось, словно его ничем нельзя было шокировать.

– Так я думал, она увернётся. А эта дура даже не пошевелилась. Постой, говоришь, она была здесь?

– И просила передать, что подала на развод.

– Ха! Небось, уже нашла себе здорового жеребчика, а теперь хочет, пока я здесь, выписать меня и захватить квартирку. А хрен ей, а не развод!

– Я хочу, чтобы вы попробовали встать, – говорит врач, будто и не слышал меня.

– Ты что тупой?! Не видишь, что в карте написано?

Доктор ещё раз заглядывает в историю болезни.

– Как же – «нервное потрясение».

– Что ты брешешь? Будто я сам не знаю, что там написано «шизофрения».

– Так вы попробуете встать или мне позвать санитаров?

– Чёрт с тобой! Только помоги мне.

Врач взял меня под руки, поднял на ноги и резко отпустил. Я тут же грохнулся на пол.

– Вот козёл! – вырвалось у меня.

– Вы что-то сказали? – переспросил тот.

– Говорю, пошёл в жопу со своими экспериментами!

– Пожалуй, вы сегодня излишне взволнованы. Попрошу санитаров положить вас обратно в кровать, а медсестре дам указание увеличить дозу галоперидола.

– Нет, подожди. Меня от него «колбасит». Понимаешь? «Кол-ба-сит».

– А чем же прикажете вас лечить? Позволю себе напомнить, Василий, – говорит он, ещё раз взглянув на историю, – вы находитесь в психиатрической лечебнице, а не в госпитале для инвалидов. Впрочем, я попрошу к вам зайти ортопеда и нейрохирурга.

– На хрен они мне сдались?! Лучше пригласи ко мне девочку. Уже год голых сисек не видел.

Спустя какое-то время я лежал на кровати, уставившись в окно. Развод она захотела, ещё чего! Мне вспомнилось, как мы ходили в походы, занимались любовью на вершинах гор, ели одно мороженое на двоих. Как меня друзья подбили прыгнуть с тарзанки, она не пускала, а я её не слушал. Теперь они даже не звонят. Я всё лежал, беспомощный инвалид, а она скакала вокруг, вертя задницей. То борща принесёт, то кашки. Стены в квартире пропитались жалостью.

– Что, нашла уже себе молоденького, я-то уже ни на что не гожусь? – кричал я, когда она вошла в комнату с тарелкой чего-то жидкого.

– Васенька, ну что ты такое говоришь, ты же знаешь, как я тебя люблю. Мы со всем справимся вместе.

– Ах, вместе?! Ты посмотри на себя, а потом на меня! Почему это я должен здесь вот так лежать, разве это справедливо?

Она подошла к кровати.

– А ну-ка, наклонись ближе, – прошу её, она повинуется. Хватаю её за волосы и тыкаю лицом в суп, как обделавшегося щенка. Мне легчает, ярость отступает.

В комнату входит мужчина в белом халате. Я перевожу на него внимание, отвлекаясь от воспоминаний.

– Нейрохирург, – отвечает он на мой немой вопрос.

Врач долго задаёт мне вопросы, осматривает, делает записи.

– Уникальный случай, скажу я вам. Думаю, ортопеду тут делать нечего. По обследованиям всё в порядке. Уж не притворяетесь ли вы?

– По-моему здесь больной не я, а вы, – огрызаюсь я.

– В этой больнице уж чего только не было!

Я больше на него не обращаю внимания, не замечаю, когда остаюсь один. Никогда не знаю, который час, только примерно определяю по свету из окна: день, вечер, ночь. Путаюсь в днях недели, месяцах. Часы запрещены, телефоны запрещены, никаких личных вещей. Считают, что я могу себя поранить. Выплываю из размышлений на поверхность, возле меня стоит всё тот же доктор, только уже без истории. Не понимаю, о чём он со мной говорит, прослушал.

– Так вот, мой друг сейчас пишет диссертацию. Его заинтересовал ваш случай. Как я понял, вам не нравится действие галоперидола. Я мог бы его отменить за ответную услугу.

Я уставился на него вопросительным взглядом.

– В течение месяца каждый день вы должны уделять ему два-три часа вашего времени.

– Неужели ты не видишь, как я занят?! Столько дел, всегда куда-то спешу. Но так и быть, я встречу с ним. Но только потому, что это твой друг, – ухмыляюсь я.

– Обещаю, вы не пожалеете.

– Это женщина? – мои брови взлетели вверх.

Доктор прокашлялся:

– Мужчина.

– Может, я и шизофреник, но точно не голубой.

Он оставил мою реплику без внимания и покинул палату так же неожиданно, как и появился в ней. Только сейчас мне пришло в голову, что я не спросил, как его зовут. Да мне это и не интересно.

Я не помню, как зовут мою жену. Как ни стараюсь, а вспомнить не удаётся. Наверное, я так давно не называл её по имени, что оно для меня перестало существовать. Мне одиноко, всеми брошен и унижен. Хочу забыть. Проходит ночь, наступает утро. Всё без перемен. Доктор сдержал слово, уколов больше не было. Тоска. В голове звучит песенка. Тихонько её напеваю: «Шёл король по лесу, по лесу, по лесу. Встретил он принцессу, принцессу, принцессу...»

– Вы помните, откуда знаете эту песню? – раздался от двери голос. – У вас ведь нет детей, верно?

В палату вошёл худой мужчина со взлохмаченными волосами. У него

был неопрятный вид, на халате несколько капель от кофе, лицо помятое, словно он только проснулся.

– У моего друга есть дочь. Она часто напевала эту песенку. Ты тот врач, о котором мне говорили?

– Похоже на то, – он покрутился в поисках стула, а затем сел на краешек кровати.

– Не боишься? – скривил я губы в натянутой улыбке.

– У нас должны сложиться доверительные отношения. Вам нужно днём больше спать.

– Тебе тоже. Так что будем делать?

– Расскажите мне о чём вы думали, о ваших ощущениях, начиная с того, как вы полетели вниз, – попросил он, открыв небольшой блокнот.

– Мне было страшно. Нет. Не так. Удивляюсь, как я не обделался. Это с самого начала была хреновая затея.

– Как насчёт мыслей? Можете вспомнить, о чём думали в тот момент?

– Не могу вспомнить, что давали вчера на завтрак, но, как ни странно, помню каждую секунду из того дня. Я почти достиг земли, и меня дёрнуло назад. Думал, что разобьюсь. В спине хрустнуло. Проскочила мысль, будто что-то случилось с позвоночником, и я могу остаться инвалидом, – я потёр ладонью лоб, а затем несколько раз по нему ударил. – Как видите, не ошибся. Больше ничего не помню, наверное, отключился.

– Отлично. Это всё, что мне нужно было услышать. Я бы попросил вас устроиться поудобнее, но, кажется, у вас с этим нет проблем.

– Ты не будешь мне тыкать под нос всякие дебильные карточки?

– В этом нет необходимости. Расслабьтесь, закройте глаза. Подумайте о том дне. Вернитесь в него.

– Ты предлагаешь мне гипноз?! – возмутился я.

– Если вы против, я попрошу медсестру возобновить инъекции галоперидола.

– Уговорил.

– Итак, ваши ноги всё ещё касаются вышки. Вы готовитесь прыгать... Я хочу, чтобы в тот важный момент вы изменили свои мысли. Не обращайтесь внимания на хруст. Вы его не слышите...

Сеансы длились месяц. Спустя неделю, я начал чувствовать, когда мои ноги кололи иголкой. Ещё через две – вставал с помощью медсестёр. Меня перевели в другую больницу. Реабилитация длилась полгода. Я всё ещё неуверенной походкой направлялся к выходу, у которого меня ожидала жена. В руке я держал выписку. В окончательном диагнозе было записано всего два слова: «психоз, самовнушение».

МИХАИЛ ВАЙМАН

* * *

Не знаю, как могло случиться,
Весенние затмились небеса.
А прежде я парил как птица,
ловил созвездий голоса.
Теперь моя душа — пустыня,
а жизнь бесцельна и пуста,
остался в ней лишь гнёт унынья,
о чём молчат мои уста.
Я не сберёг свои стремленья,
в моих глазах огонь погас.
О Боже, дай мне вдохновенья —
хоть на полдня иль хоть на час.

* * *

*Моей дочери Елене
и моим внучкам Юле и Наташе*

На вас я с первых дней рожденья
смотрел, не открывая глаз,
с глубоким чувством наслажденья
так нежно, как лишь в первый раз.

Прошла пора годов мятежных,
кошмарных снов, но и сейчас,
на вас смотрю всё так же нежно,
но как, увы, в последний раз.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Улыбкой, нежным взглядом или
безмерной властью красоты,
две женщины меня пленили,
две женщины моей мечты.

За них я – хоть в огонь и в воду,
за ласковый в глазах их свет,
за их успехи и свободу,
за счастье их на много лет.

И пусть они, беды не зная,
в блаженстве лет до ста живут.
Одну зовут малышка Тая,
другую Юлией зовут.

Порою снятся мне их лица,
храни, Господь, их от невзгод.
Той, что постарше, чуть за тридцать,
той, что моложе – только год.

НА БЕРЕГУ ЕВФРАТА

Сон повторялся. Тяжкая утрата
тебе приснилась в сумрачную рань,
что ранен я на берегу Евфрата,
в чужую землю льётся кровь из ран.

Изгибы губ покрыты алой пеной,
на грудь сожжённую ползёт туман густой.
Слабеет пульс. Снижаясь постепенно,
уже кружатся птицы надо мной.

Но сон не кончен, снова были горы,
и снова голос был из темноты.

И ты увидела восточный белый город.
Дамаск, должно быть, догадалась ты.

Настанет утро, в этот город дальний
ты улетишь и на закате дня
среди площадей и незнакомых зданий
в предсмертных муках ты найдёшь меня.

И к моему приникнув изголовью,
больничную не нарушая тишь,
ты исцелишь меня своей любовью,
и нежностью своею воскресишь.

В твоих глазах я обрету спасенье,
избавлюсь от кровоточащих ран.
И эту нашу тайну излечения
понять не удаётся докторам.

Исай Кузнецов

DAS WAR DEIN KIND

Я долго вертел в руках конверт с черной каймой по краям, прежде чем его вскрыть. Конверт с немецкой маркой, со штампом города Мюнхена и моим адресом, написанным по-русски. В конверте, на плотной тисненой бумаге, тоже обведенной траурной каймой, старинным готическим шрифтом сообщалось о трагической гибели в автомобильной катастрофе Анни, девятнадцати лет, последовавшей 18 мая 1965 года, о чем с прискорбием извещали её родители, Эльза и Дитер Данеманн. Не приглашение принять участие в похоронах, а именно извещение о смерти, какое принято там, на Западе, посылать близким, друзьям и всем, кто хорошо знал умершего.

Тут же – фотография погибшей, совсем юной, почти девочки, сделанная, по-видимому, когда ей было лет четырнадцать – пятнадцать.

Девушка на фотографии улыбается. Улыбается открыто, доверчиво, хотя не без легкого детского лукавства. Мало похожа на немку – черная, чуть вьющаяся челка, темные, явно не голубые глаза, хорошенький носик, полные, четко очерченные губки. Прелестная, симпатичная девочка.

Странно...

В Мюнхене я не бывал, ни супругов Данеманн, ни их дочь не знаю, никогда о них ничего не слышал. Однако на конверте стояло не чье-нибудь, а мое имя. Почему-то именно мне прислали из Мюнхена это извещение. Почему?

И вдруг заметил в углу, под фотографией, сделанную аккуратным, похоже, женским почерком приписку:

Das war dein Kind.

Это был твой ребенок...

Никакой подписи. Только это – *Das war dein Kind.*

Первую мысль, что это чей-то розыгрыш, я сразу отбросил – слишком бестактная шутка, трудно представить кого-либо из моих знакомых, способных на подобный розыгрыш. Все-таки извещение о смерти!

Das war dein Kind... Мой ребенок. Эта милая девчужка – моя дочь? И я узнаю об этом только после её гибели? Но как это может быть? Я должен был знать о её существовании! Ну... хотя бы предполагать... И кто такая эта Эльза Данеманн, чье имя ничего мне не говорит? Что заставило её прислать мне это извещение с такой ошеломляющей припиской? А то, что извещение прислано именно ею, Эльзой Данеманн, я почему-то не сомневался.

Но если правда, что на фотографии моя дочь, то почему фрау Данеманн сочла возможным сообщить мне об этом только после её гибели? Вернее, почему вообще решила об этом сообщить? Написано – *Dein Kind... Dein*, твой... Значит, знает меня настолько хорошо, что обращается ко мне на «ты»...

Мне только что исполнилось сорок два года. Никогда не был женат, детей у меня нет, и я нисколько об этом не сожалею. Свободный человек... И тем не менее это странное извещение, с такой сногшибательной припиской, выбило меня из колеи.

Я открыл окно – в комнате было душно.

Но что, собственно, произошло? Где-то в Мюнхене умерла незнакомая мне девушка, которая, если верить этой приписке, была моей дочерью. А почему я обязан этому верить? И даже если поверю, что из этого следует? Что я должен делать? Выразить сочувствие? Кому? Вряд ли господин Данеманн в курсе того, что Анни не его дочь. Впрочем, если Анни действительно моя дочь, фрау Эльза после её гибели могла признаться ему в этом. Не знаю зачем, но не исключено. У женщин бывают самые странные причуды и резоны. Можно, конечно, выразить сочувствие матери. Но на конверте нет обратного адреса. Ясно, что она не ждет и не хочет, чтобы я откликнулся. Не следует ли из этого, что её муж ничего об этом не знает?

Я снова и снова перечитывал извещение, разглядывал приписку, адрес на конверте.

Анни исполнилось девятнадцать лет. Значит, родилась она, скорее всего, в начале сорок шестого... И если это не мистификация, то Эльза Данеманн должна быть оттуда, из сорок пятого... Но среди тех, с кем я был в близких отношениях в ту далекую весну сорок пятого, и кто мог бы, предположительно, стать матерью моего ребенка, никого с таким именем не было. Впрочем, прошло двадцать лет, имя могло выветриться из памяти. А то и вовсе было мне неизвестно. Случалось такое... Нет, она не из случайных, я должен был знать её близко, неспроста это – *Dein*.

Я всматривался в лицо этой девочки, пытаясь представить себе её мать, которая тогда была, по всей вероятности, лет на пять-шесть старше. Но черты этого детского личика никого мне не напоминали. Никого...

Порывшись в ящиках письменного стола, достал папку со старыми выцветшими фотографиями тех лет.

Лейтенант Вадим Смольников, собственной персоной...

Лихо заломленная, сдвинутая набекрень пилотка, ордена Красного знамени, Отечественной войны, медаль за оборону Сталинграда... Симпатичный брюнет, с выбивающейся из-под пилотки густой шевелюрой, от которой ныне осталось одно воспоминание. А тогда... Красавцем, пожалуй, не был, однако у женщин успехом пользовался, И, разумеется, не терялся.

Рядом – Сережка Вожеватов и его подружка, медсестра Валечка Андросова, ныне тоже Вожеватова... Сережка – самый близкий мой друг, с которым вместе, окончив курсы лейтенантов в сорок втором, прошли весь путь от Сталинграда до Германии. Да и сейчас видимся частенько.

Стоим, обнявшись. За нами – Эльба, развалины Дрездена. Девятое мая...

Я перебираю фотографии. Однополчане, в группах и порознь, те, что не дожили до победы, и те, кого встречаю изредка и сегодня. Большинство снимков сделано уже в Германии – увлечение фотографией стимулировалось множеством трофейных фотоаппаратов. Не миновало это увлечение и меня.

Снимал все подряд: немцев, стоящих у армейского котла, дорогу, забитую беженцами, пленных американцев, размахивающих звездным флагом, разбитую витрину магазина с манекенами, изрешеченными осколками, улицу немецкого города, сплошь увешанного белыми полотнищами – знаком капитуляции, того же Сережку за рулем трофейного «фольксвагена»...

На некоторых фотографиях женские лица.

Верочка Биргер, телефонистка, самая неприступная из всех девушек, служивших в нашей части, Катюша Браславская, её подружка, не столь привередливая, Маруся Солодко из Киева, угнанная в Германию и встреченная нами в Оппельне, две еврейки из Трансильвании, из города Тыргу-Муреш, только что освобожденные из лагеря, не помню, как их звали...

И наконец те, кого хотелось рассмотреть особенно внимательно, – немки.

Лотхен... Или это не Лотхен, а Магда? Нет, все-таки Лотхен. Магда – та, что с веточкой сирени... Криста... Габи... И еще одна... Как же её звали? Надо было писать на обороте имена тех, кого снимал!.. Бригитта? Ну да, Бригитта Роор, веснушчатая буфетчица на вокзале в Мейсене, веселая, разбитная бабенка... Все постепенно забывается... Пожалуй, лучше всех помнится Габи, наверно потому, что наши отношения с ней были более длительными, не такими мимолетными.

Я сравниваю эти лица с лицом Анни. Ничего общего. Все, кроме Габи, – блондинки... У Габи, пожалуй, такая же, чуть лукавая улыбка. У Кристи похожий пряменький носик. Ну и что? Ни о чем это не говорит.

Во всяком случае, никакой Эльзы среди них нет.

Говорят, что опытные криминалисты могут со стопроцентной уверенностью определить сходство по фотографии. Не обращайтесь же мне к криминалистам!..

И вообще, почему я, черт побери, должен ломать голову и гадать на кофейной гуще? Тем более что это тот самый случай, когда теряешь то, чего вовсе и не имел. Да и что это извещение в моей жизни меняет? Ничего не меняет.

Я засунул папку с фотографиями обратно в стол и пододвинул к себе начатую еще утром статью для журнала «Смена». С полчаса пытался разобраться с этой чертовой статьей, пока не понял, что ничего толком не соображаю, голова занята другим.

Отложив статью, позвонил Сережке. Он был дома и смотрел телевизор. Я сказал, что хочу прийти.

– Приходи, – сказал он. – У меня есть отличный коньяк.

После демобилизации мы поступили с ним в автодорожный институт. Вообще-то, я мечтал стать художником, даже рискнул пробиться к Фаворскому, показывал ему свои рисунки. Мастер отнесся ко мне благосклонно. Вернее, снисходительно. На мой вопрос, стоит ли подавать в художественный институт, ответил уклончиво.

– Попробуйте, – сказал он, поглаживая бороду. – Вы молоды, время проверить себя у вас есть.

Времени, как оказалось, не было – началась война.

В автодорожный поступил за компанию. Сережка был влюблен в автомобиль, уговорил поступать с ним. Мне было все равно. Уверенности в своем таланте не было. Не было, впрочем, и особой склонности к автодорожному делу, да и вообще к технике, однако с дипломом благополучно справился.

Сейчас Сергей заведует гаражом в министерстве легкой промышленности, а я, поработав на автомобильном заводе сменным инженером, через три года сбежал и подался в таксисты. От скуки стал записывать свои наблюдения над пассажирами. Один мой приятель показал их в «Вечерке». Напечатали. Назвали довольно банально – «Вы вызывали такси?» Заплатили неплохо. Мне понравилось. Так я и заделался журналистом, если то, чем я занимаюсь, можно назвать журналистикой – этикие зарисовочки, наблюдения, вроде тех, о пассажирах такси. В прошлом веке это, кажется, называлось физиологическими очерками. Что-то в таком роде.

Когда я пришел, Сергей, сидя за круглым столом, накрытым тяжелой скатертью с бахромой, играл со своим двенадцатилетним сынишкой Вовкой в подкидного дурака. Валя сидела в кресле и вязала. Семейная идиллия...

Сергей бросил карты на стол, шлепнул Вовку по заду.

– Все! Иди делать уроки!

Вовка, скорчив недовольную гримасу, собрал карты и ушел. Валя отложила вязанье, поцеловала меня в щеку и тоже вышла.

– Пойдем на лестницу, покурим, пока Валька закуски готовит, – сказал Сергей.

Курить у них в комнате не разрешалось. Одна из прелестей семейной жизни.

На лестничной площадке было прохладно, из соседней квартиры пахло жареной картошкой.

– Не хочешь сменить свой «Москвич» на новенькую «Волгу»? – спросил Сергей, когда мы закурили. – Могу устроить.

– Подумаю.

– Думай, только побыстрей.

Я кивнул.

– Ты какой-то невеселый, – прищурился Сергей. – С Танечкой поссорился?

Танечка, Татьяна Андреева, – молоденькая манекенщица из Дома моделей... Познакомился с ней у Сергея в гараже, где чинили её машину.

– Да нет, просто попалась на глаза старые фотографии, вспомнил войну, весну сорок пятого...

У нас не было никаких тайн друг от друга, и все же о письме из Мюнхена рассказывать почему-то не хотелось.

– Понятно, – кивнул Сергей.

Мы помолчали.

– Ты помнишь Эльзу? – спросил я.

– Эльзу? Какую Эльзу? Немку? Из этих... твоих?

– Ну...

Сергей затыкнулся, посмотрел куда-то вверх, покачал головой.

– Не помню. Вроде, не было никакой Эльзы. А что?

Я уже собрался что-то соврать, но выручила Валечка – позвала к столу.

Коньяк и впрямь оказался отличным. Коллекционный. Приятель из Еревана привез. У него этих приятелей куча, такая уж у него должность – заведующий гаражом, не хухры-мухры.

Мы еще сидели за столом, когда появилась Лялька.

Ляльку, Сережкину дочь, знаю с самого её рождения. Вместе с Сережкой ездил за ней и Валею в родильный дом, дарил ей кукол, разных зверушек,

даже как-то по Валиной просьбе водил её в зоопарк. Одним словом, делал все, что положено другу семьи. Зовет меня дядей Вадей. Окончила школу, готовится в институт. Девчонка как девчонка. Хорошенькая, но ничего особенного.

И вот ведь какая ерунда... Смотрю на нее, а в голове, занозой, дурацкая мысль: где-то, за тысячу километров отсюда, жила такая же девчонка, играла в куклы, бегала в школу, росла, постепенно превращалась в женщину... Погибла в автомобильной катастрофе. В девятнадцать лет... Моя дочь? Mein Kind? Чертовщина какая-то! Если фрау Данеманн хотела вывести меня из равновесия, то своей цели она добилась.

– Ты что? – окликнул меня Сережка.

– На твою дочку загляделся! – усмехнулась Валя.

Глупо, но я почему-то растерялся. Все засмеялись, Лялька озорно вскинула голову.

– А что, из нас вышла бы неплохая пара! Не правда ли, дядя Вадя?

Отшутился, довольно неуклюже.

– Ты что-то плохо выглядишь, Вадик, – сказала Валя. – Может, сердце? Дать тебе капли Вотчала?

Медсестра. Хлебом не корми – дай кого-нибудь полечить.

– Сердце у него в полном порядке, Валечка. А выдержанный коньяк снимает бледность лучше всяких твоих капель, – сказал Сергей, наливая коньяк в мою рюмку. – Поехали!

Выпили. Посидел еще немного и ушел.

Было еще светло. Домой ехать не хотелось. Позвонил из автомата Татьяне. Она оказалась дома. Купил бутылку «Хванчкары» и отправился к ней. Танька встретила меня в тонком, почти прозрачном халатике, под которым ничего не было. Обняла, прижалась ко мне. Именно то, что мне требовалось. Пресловутое извещение тут же вылетело из головы.

Вернулся утром домой в отличном настроении, не спеша, с удовольствием, выпил пару чашек кофе и сел за статью. Часам к двум закончил, отстукал на машинке, позвонил в редакцию, предупредил, что приеду через час. Полез в ящик за скрепками и наткнулся на конверт с траурной каймой, о котором успел начисто забыть.

Ну что ж, подумал я, уж такая штука жизнь, то и дело предлагает самые неожиданные ситуации. Нормально. От этого никто не застрахован. Где-то жила девочка – моя дочь, не моя, значения не имеет. Я её не знал, о её существовании не подозревал. Это из другой, не из моей жизни. Девушку, конечно, жаль, что и говорить, но причем здесь я?

А притом, подумалось, что именно тебе пришло это извещение...

Снова вытащил папку с военными фотографиями. Вообще-то я редко

достаю эту папку, особой любви предаваться воспоминаниям у меня нет. Но тут случай особый.

Положил рядом – извещение с фотографией Анни и те самые снимки. Криста... Магда... Лотхен... Габи...

Почему-то особенно долго смотрю на фотографию Габи.

Габи... Стройная, изящная, в белой кофточке и юбке с лямками, с копной черных волос, почти девочка, стоит на скале, запрокинув голову, и смеется. Смеется весело, безудержно, опершись на железную ограду, за которой – пропасть. Это Бастай, Саксонская Швейцария, горный курорт Ратен, где мы с ней в июне сорок пятого провели двое суток...

Удивительное было время! Кончилась война. Могла кончиться зимой, осенью, в весеннюю слякоть. Кончилась в мае. И весна была прекрасной, солнечной, сама природа радовалась нашей победе, как патетически выразился не то Илья Эренбург, не то Константин Симонов. Весна была и в самом деле необыкновенной.

После окончания войны наша часть стояла в небольшом городке на Эльбе, километрах в двадцати от Дрездена.

Однажды, в конце мая, я отправился к садовнику купить клубники. У ворот на траве сидели трое – молодая женщина с крохотной девочкой, высокий однурукий парень лет двадцати пяти и девушка. Они проводили меня недобрый взглядом, и я услышал, как однурукий, глядя мне вслед, сказал, обращаясь к девочке, разумеется по-немецки:

– Этому русскому офицеру клубника, конечно, нужней, чем ребенку, не правда ли, Кетхен?

Надо сказать, моя мать считала, что её дети должны знать хоть один иностранный язык. Сестру учили английскому, меня – немецкому. Благодаря маминой настойчивости и твердости характера, немецкий языком я владею вполне прилично.

Я обернулся и спросил, что он имеет в виду. Парень смутился – не ожидал, что я пойму его слова.

Ответила девушка.

– Нам не продают. Продают только русским. Садовник сказал Манфреду, что это распоряжение комендатуры.

Я посмотрел на нее. Она была удивительно хороша. Девушка смутилась и покраснела.

Манфред поднялся и взял за руку девочку, собираясь уходить.

– Пойдемте со мной, – сказал я. – Не может быть такого распоряжения! Просто он плутует.

Они переглянулись. Манфред пожал плечами, явно хотел сказать что-то язвительное, но удержался.

– Я пойду. – Девушка поднялась, взяла у женщины плетеную корзиночку, и мы направились к воротам.

– Пожалуйста, не обижайтесь на Манфреда, – сказала она по дороге. – Во время бомбежки Дрездена он потерял всю свою семью.

Мне понравилось, как она это сказала, понравилась её добрая, виноватая улыбка, будто она извинялась не за Манфреда, а за себя.

Я сказал ей об этом. Она рассмеялась.

По дороге объяснила, что Манфред – двоюродный брат Гильды, женщины с девочкой, учительницы музыки, у которой она берет уроки. Выяснилось, что она играет на рояле. Я выразил желание послушать ее. Она снова рассмеялась.

– Вот уж не думала, что русские офицеры любят музыку!

Я сказал, что в детстве меня учили играть на скрипке, что вызвало у нее искреннее удивление – оказывается, русские тоже учатся музыке! Странные у немцев представления о русских...

Разговор с садовником был коротким. Он послушно взял у девушки корзинку и молча наполнил её ягодами. Мое вмешательство было ему явно не по душе.

– Спасибо, господин офицер, – сказала девушка, когда мы шли обратно.

– Меня зовут Вадим, – сказал я.

– Ва-ади-им... – повторила она протяжно, мое имя звучало у нее как-то странно и забавно. – А меня – Габи, – она улыбнулась.

Габи, Габриель. Громоздкое имя, по правде говоря. Впрочем, все звали её Габи. Это звучало приятней и как-то интимней. Так звали её и дети в приюте, где она работала воспитательницей, дети, потерявшие родителей, погибших на фронте и под бомбежками. Они любили ее. Приходя к ней в двухэтажное здание с голубыми занавесками на окнах, я заставал её играющей на рояле простенькие мелодии и песенки, которым дети подпевали, видел, как они льнут к ней, как огорчаются, когда она уходит. Ко мне эти дети относились настороженно, а кое-кто и враждебно – русский, один из тех, кто сделал их сиротами. И надо думать, огорчались тем, что их Габи уходит куда-то «mit einem russischen Soldaten».

Не следовало бы мне ходить туда.

Габи будто и не замечала этого. Меня вообще слегка удивляло то, что она не стеснялась появляться со мной в самых людных местах, – немецкая девушка с русским лейтенантом. Казалось, не замечала осуждающих взглядов.

Когда я уезжал – нас переводили под Вену, – она не плакала. Только еле заметно вздрагивали губы. И неожиданно сказала тихо, чуть слышно:

– Я люблю тебя... – Впервые произнесла эти слова.

Больше я её никогда не видел...

А не было ли у кого-нибудь из них второго имени? Что-нибудь вроде Криста-Эльза или Эльза-Лотта? Вполне возможно. И если я не нахожу сходства, то совсем не обязательно, чтобы дочь была похожа на мать.

Тогда пусть это будет Габи!

Я вглядывался в фотографию Анни. Нет, на Габи она не похожа. Но что в её лице показалось вдруг знакомым – глаза, брови, овал лица... Черт побери!.. Она похожа на меня! На мою детскую фотографию. Я вытащил старый семейный альбом, нашел ту фотографию, где мне десять лет.

Никакого сомнения. Анни – моя дочь.

Ночью был шторм. К утру море слегка поуспокоилось, но волны все еще накатывались на мелкую гальку пляжа и медленно отступали, оставляя за собой бурые разводы водорослей.

На мокрой гальке лежало неподвижное тело девушки в голубом купальнике. Вокруг толпилась отдыхающие, в большинстве – женщины. Я подошел поближе и узнал ее. Еще вчера наблюдал за ней на теннисном корте. Мы с Таней ждали своей очереди. Нет, не с Таней Андреевой, с другой, но тоже Татьяной. Почему-то мне особенно везет на это имя, она – третья Татьяна в моей жизни. Девушка играла с очень высоким, широколицым, плечистым парнем и рядом с ним казалась почти миниатюрной. Играла отлично, легко и весело. Смотреть на нее было одно удовольствие.

Иногда девушки её возраста вызывают в моей памяти ту, о которой я ничего не знаю, хотя она была моей дочерью. Я уже давно не вибрирую по этому поводу, как тогда, в шестьдесят пятом. Прошло шесть лет. А в те дни, под впечатлением от неожиданного сообщения о гибели Анни и о том, что она моя дочь, чему не сразу поверил, я машинально, стал рисовать её, в самых разных проявлениях: смеющейся, читающей, задумчивой, на улице города, в лесу, совсем ребенком и школьницей. Это было какое-то наваждение. Сделал десятка два рисунков, да еще написал гуашью её портрет, но придал ей некоторые черты Габи и отчасти свои. Портрет висит у меня в комнате, над тахтой, и вызывает у моих гостей двусмысленные намеки. Я молчу. Кто она, не знает даже Сергей... Я говорю, что это просто моя фантазия.

Потом я все реже вспоминал Анни.

Но, глядя на утонувшую девушку, еще вчера такую веселую и жизнерадостную, я невольно подумал: вот так и Анни ушла из жизни в самом её начале...

Женщины, окружавшие тело девушки, расступились и пропустили худощавого мужчину в майке, приблизительно моего возраста. Ссутулившись, он неотрывно, широко раскрытыми глазами смотрел на мертвую девушку,

пока не появились какие-то люди с носилками. Он упал на колени, прижался к её лицу, что-то бормоча и всхлипывая.

– Это её отец, – шепнула стоявшая рядом со мной женщина.

Отец... Я смотрел на этого смятого горем, уже немолодого человека, чувствуя, как снова возвращаются ко мне те мысли и чувства, которые владели мной летом шестьдесят пятого и которые, как мне казалось, давно меня оставили.

Вечером мы с Таней сидели на балконе, глядя на лунную дорожку, прорезавшую окончательно успокоившееся, удивительно гладкое море. Я курил сигарету за сигаретой и молчал.

– Жаль Анечку, – нарушила молчание Таня.

Я вздрогнул.

– Аня? её звали Аней?

– Да, Аней. Она только что кончила школу, сдала экзамены в институт.

– Пойду, пройдуся, – сказал я, стараясь не глядеть на Таню, и быстро вышел.

Я шел вдоль берега. Быстро, почти бежал. Так бывает со мной, когда о чем-то напряженно думаю. Под ногами осыпалась и шуршала галька...

Ее звали Аней...

Какая-то мистика! Если бы я был суеверным, то решил бы, что это напоминание свыше. Но я не суеверен, ни в какие сверхчувственные явления не верю. Какая там мистика, просто совпадение! Мало ли на свете людей с одинаковыми именами. Надо выбросить все это из головы. Ну, утонула девушка. Здесь каждое лето кто-нибудь тонет. Жалко? Жалко, что и говорить...

Но какое все-таки странное совпадение!

Из темноты, с моря доносились веселые голоса и смех любителей ночного купания. Кто-то тренькал на гитаре, напевая песенку Окуджавы о шарике, который улетел.

Захотелось уехать в Москву, побыть одному, без Тани, совсем одному...

Не уехал. Уехала, раньше срока, Татьяна. Почувствовала мое отчуждение и уехала. Я не удерживал. Расстался с Татьяной спокойно. Надоело ловить на себе её тревожные взгляды, отвечать на вопросы «Что с тобой?», «Почему ты все время молчишь?». Уехала – и хорошо. Я остался один.

Каждый день поднимался в горы и, пристроившись на скале, смотрел сверху на спящую голубизну моря, на скользящие вдоль блеклого горизонта белые пароходики и без особой радости думал о возвращении в Москву, в свою двухкомнатную квартиру. В Москве начнутся назойливые звонки от прежних моих привязанностей, из журналов, ждущих моих статей, и все это – изо дня в день, изо дня в день...

Ни работать, ни видеть кого бы то ни было не хотелось. Хотелось сидеть на этой скале, похожей на кресло, и думать.

Впрочем, думать не получалось. Мысли уходили в прошлое.

Вот так же когда-то, на Бастае, мы с Габи любовались извивающейся далеко внизу Эльбой и расстилавшимися под нами зелеными холмами с затерявшимися в их зелени аккуратными домиками. И среди них тот, где мы провели две ночи... И руки, которыми она меня обнимала, – маленькие, с коротко остриженными ноготками, совсем почти детские... Да, пожалуй, ни разу и ни с кем мне не было так хорошо, как тогда... Или это просто ностальгия по ушедшей молодости? Мне тогда было всего двадцать два...

Неожиданно пришла в голову нелепая мысль – я должен увидеть ту, которую зовут Эльзой... И пусть это будет Габи... Габриэль-Эльза Данеманн...

Сколько раз доводилось слышать от других недоуменное признание: «Не ожидал этого от себя». Вот и я – не ожидал от себя такого! Человек я не сентиментальный, не в моем репертуаре предаваться лирическим воспоминаниям, к длительным привязанностям не склонен, избегаю встречаться с теми, с кем был близок прежде. Дорожу спокойствием и собственной независимостью. В общем, кошка, которая гуляет сама по себе.

Хочу увидеть Эльзу, мать моей дочери? Не похоже на меня. Не бывало со мной такого. Никогда. Или плохо себя знаю? А может ли человек знать о себе все?

В Москве шли дожди, начиналась осень, пошла обычная круговерть, работа, хождение по редакциям, снова объявилась Татьяна, О том, что творилось со мной на отдыхе, старался не думать. Получалось, но не очень...

Как-то, возвращаясь из «Известий», встретил нашего бывшего начхима, Кольку Шаповалова. Зашли в шашлычную, на улице Герцена, выпили, повспоминали маленько. Парень он был видный, любил хвастаться своими мужскими победами, да и было чем.

– А ты не думаешь, – спросил я его между прочим, – что где-то в Польше или Германии живут твои дети?

Он расхохотался.

– Запросто! Штук пять, а то и больше. Да не только мои. Там, в Германии, с чистой расы дело нынче обстоит не слишком благополучно. А думаешь, у нас, в России и на Украине, нет немецких подарков? Будь здоров сколько! Нормально. Война. А бабы, они повсюду бабы. Истосковались по мужикам, куда денешься!

Да, так было во все времена. Победители всегда оставляли побежденным свои «подарки», как выразился Колька Шаповалов.

Что и говорить, мыслит он вполне здраво. Как говорится, это его не

колышет. В отличие от меня. Неожиданно пришла мысль: а не потому ли, что у него есть свои дети, двое мальчишек и девочка, а у меня – никого? Но меня вполне устраивает, что детей у меня нет. Так в чем же дело? Может быть, в возрасте? Затосковал, старый холостяк, по семейному уюту?

Нет, так называемый, «семейный уют» никогда меня не прельщал.

В нашей семье главным человеком была мать. Она, как принято говорить, вела дом. Все решения принимала она. Отец, артист кукольного театра, человек мягкий, во всем полагался на нее. Если с чем-то и был не согласен, то и тогда не возражал, не спорил, а только как-то по-особенному улыбался. Мы с сестрой любили его, нас огорчало его беспрекословная подчиненность матери. Я мальчишкой всё ждал, что он однажды стукнет кулаком по столу и крикнет: «Хватит! Я в доме хозяин!» Уже будучи постарше, спросил его, почему он никогда не возражает маме.

– В семье должен быть мир, – сказал он.

Не хочу такого мира и такой семьи, решил я тогда.

Сестра, старше меня на три года, вышла замуж перед самой войной. Вот уж никак не ожидал, что она окажется таким же деспотом в своей семье, как и мама. Неудивительно, что семьи я не завел, остался холостяком. Знаю, бывает иначе, например, как у Сергея с Валей. Ну и что? Бывает. Рисковать нет никакого желания. Жениться уговаривали все, кому не лень. Пытались завладеть мной и мои милые подружки. Не сдавался.

А мысль об Эльзе то и дело возвращалась, пока желание увидеть её не стало прямо-таки навязчивой идеей.

Увидеть? А как?

Чтобы поехать в Германию, в Мюнхен, надо заручиться приглашением. Пригласить меня некому. Можно, конечно, поехать с туристской группой, да только не по мне ходить табуном. Это я уже проходил, года три назад соблазнился возможностью поглядеть на Англию. И все! Зарекся. Хотя и продал свои наблюдения над туристами в «Комсомольскую правду».

Помог случай. Пришел как-то весной в спортивную газету, принес очерк о поклонниках «Спартака». Полупарнев, помощник главного редактора, начал читать при мне. Читает, хмыкает – нравится. Потом поглядел на меня, прищурившись, и говорит:

– А что, если послать тебя в Мюнхен, на Олимпиаду?

Я даже дыхание затаил.

– Неплохая идея, а? Ты не против?

Я был не против.

Найти адрес супругов Данеманн оказалось проще простого. На другой день после приезда в Мюнхен зашел в кабину автомата и, полистав

«Телефонную книгу», довольно быстро обнаружил адрес Дитера Данеманна. Как потом выяснилось – за городом, полчаса на электричке. Однако приходилось целыми днями торчать на стадионах, где многоязычная толпа болельщиков, заполнившая Мюнхен, выплескивала свои эмоции. Так что выбрался я туда только через несколько дней. Впрочем, не хочу врать, была и другая причина: побаивался этого посещения. Откуда мне знать, кто она на самом деле, да и хочет ли меня видеть. И как воспримет мое появление её муж? Мой приход может оказаться нежелательным вторжением в их жизнь. В какой-то момент окончательно решил не встречаться с этой Эльзой Данеманн.

И все-таки не выдержал, поехал.

Белый двухэтажный особняк с двумя балконами, заросший по фасаду, между окон, диким виноградом. За невысокой узорной решеткой, в маленьком, по-немецки ухоженном садике девушка в джинсах и голубой кофточке поливала из лейки невысокие кусты с мелкими, ярко-красными цветами. На калитке медная дощечка: «Rechtsanwalt Dieter Danemann», Адвокат Дитер Данеманн. Я нажал кнопку звонка. Из раскрытой двери особняка донесся мелодичный перезвон.

– Калитка открыта, – сказала девушка, не оборачиваясь.

Я вошел, под ногами захрустел гравий. Она обернулась. Нет, не девушка, женщина. Коротко стриженные черные волосы, испещренные седью. Но выглядит молодо, на вид не больше тридцати. Габи? Но ей должно быть за сорок! Глаза вроде бы те самые, и в то же время какие-то другие, незнакомые...

– Фрау Эльза Данеманн? – произнес я неуверенно.

Она взглянула на меня, опустила лейку, подошла ближе. Долго смотрела на меня, на мгновение закрыла глаза и, снова открыв, сказала:

– Ты можешь называть меня Габи. Как прежде.

Я вслушивался в её голос и не сразу сообразил, что слова эти она сказала по-русски. Стоял растерянный и молчал. Голос, глаза... да, это её голос, её глаза – Габи...

Мне очень хотелось верить, что Эльза – это все-таки Габи. Я почти убедил себя в этом. Но теперь, глядя на нее, не мог до конца осознать, что женщина, стоящая передо мной, – та самая Габи!

Она, не отрываясь, смотрела на меня, я на неё.

И постепенно за её сегодняшним обликом открывался другой, давний, сохранившийся в моей памяти гораздо отчетливей, чем я думал. Наверно, то же самое происходило и с ней. Может быть. Не знаю. Была в её взгляде какая-то отстраненность, даже настороженность. Не выдержав её взгляда, невольно отвел глаза.

– Пойдем в дом, – сказала она, уже по-немецки и, подойдя к раскрытой двери, пропустила меня вперед.

Она провела меня в просторную комнату с тремя окнами, распахнутыми в сад. Белые стены. Белые полки с книгами. Черный рояль, черный кожаный диван, несколько таких же кресел, низенький журнальный столик на изогнутых ножках, и всюду цветы – на окнах, на рояле, на столике. Над дверью – портрет Анни. Я долго смотрел на девушку, сидящую на подоконнике, задумчиво глядящую перед собой, с книгой в опущенных руках.

– Das ist dein Kind – сказала Габи.

Я обернулся.

– Это твоя дочь, – повторила она по-русски. Чисто, хотя и с сильным акцентом.

Губы её чуть заметно дрожали. Как тогда, в сорок пятом, когда мы прощались.

– Я знала, что тебя увижу, – сказала она по-немецки, очень тихо, и совсем еле слышно добавила: – В другой жизни.

Не люблю мистику. Но в словах Габи её и не было. Разве не в другой жизни мы встретились?

Я шагнул к ней, но она остановила меня взглядом.

– Подожди меня. Я пойду переоденусь, – сказала и вышла.

Как странно она держится... Спокойно, уверенно, будто в моем появлении ничего неожиданного нет, будто и в самом деле ждала этой встречи...

Я подошел к полкам. Немецкая, русская, французская классика, современные авторы, множество русских книг – Толстой, Чехов, Паустовский, Эренбург, и на немецком, и на русском. Багрицкий... Когда-то, в том домике в Ратане, я читал ей его стихи – ей, ни слова не понимавшей по-русски, но слушавшей так, будто понимает каждое слово. Синяя книжка «Библиотеки поэта», Багрицкий... Изучала русский язык! Я снял книжку с полки, открыл. Из нее выпала фотография. Я поднял ее. Мы с Габи стоим, обнявшись, возле здания ратуши, смеёмся. На ней та же белая кофточка и юбка с ляжками, как на той фотографии, что у меня. Кто снимал – не помню. Я вложил фотографию в книжку, поставил на место.

Так-то, дорогой Вадим Михайлович... Жил себе и жил, не подозревая, что все эти годы тебя помнила, думала о тебе, вспоминала некая Габи, которую ты начисто позабыл. И если бы не то извещение, никогда бы и не вспомнил...

Вошла Габи. В темно-серой юбке, в кремовом жакете, через плечо белая кожаная сумочка.

– Пойдем, – сказала она.

У калитки стоял коричневый «оппель». Она села за руль, я рядом. Она

молчала. Я ни о чем не спрашивал. Догадывался, куда мы едем. Почему-то ехали очень долго. Остановились на окраине небольшого селения. На горизонте, за высокими зелеными холмами, в белесой дымке, виднелись покрытые снегом горы.

Небольшое чистенькое кладбище, выстроившиеся ровными рядами могилы с каменными надгробиями и крестами. Габи шла впереди, я за ней. У небольшого надгробия она остановилась.

На черном мраморе, золотыми буквами было выбито:

Anni Smolnikoff

1946 – 1965

А ниже – «Анни Смольникова», по-русски.

Я почувствовал, как горло у меня сжимается, и я не могу выдавить из себя ни слова. Я только взглянул на Габи.

– Да, – сказала Габи. – Анни Смольникова... Разве не так?

У меня было такое чувство, что вижу я все это со стороны, что не я здесь стою, а кто-то другой, и все это происходит не со мной. Я опустился на стоявшую рядом каменную скамейку. Габи села рядом.

С ветки стоящего неподалеку дерева спрыгнула белка, уселась на надгробие и с любопытством поглядывала на нас. Габи достала из сумки горсточку орехов и протянула ей. Белка прыгнула к ней на руку и стала быстро их уплетать, изредка поглядывая на Габи.

Покончив с орехами, белка еще раз взглянула на Габи и, сделав пару прыжков по дорожке, скрылась в ветвах старого дуплистого дерева.

– Здесь много белок. Они почти ручные, – сказала Габи.

Я молчал. Мне нечего было сказать этой совершенно непонятной мне женщине, сохранившей такую непостижимую верность своему чувству к человеку, с которым случайно свела её война, которого и знала-то не больше месяца... к человеку, вовсе не заслуживавшему такой верности...

Габи наблюдала, как я, не отрываясь, гляжу на надпись надгробия и, будто отвечая на мои мысли, сказала:

– Это была любовь. Ты этого тогда не понял?

Не понял...

Да, прощаясь, она сказала, что любит меня. Но кто не говорит эти слова в такие минуты? Для меня это было всего лишь одно из увлечений. Разве мог я предположить, что эта милая, веселая девчушка, казавшаяся мне такой доступной, решится иметь ребенка от русского солдата? Что, даже выйдя замуж, не скроет от мужа, кто его отец?

Да, не понял...

А если бы понял? Что я мог, советский человек, сделать, если бы понял, если бы даже полюбил? Жениться? На немке? Никто, никогда бы мне этого не разрешил. Дезертировать? Такое и в голову не могло прийти.

– Анни знала? – спросил я после долгого молчания.

– Да, знала, – сказала Габи. – Я все ей рассказала, когда она пришла домой после конфирмации. Показала ей твою фотографию. Она долго смотрела на нее и заплакала. Дня два была сама не своя. Потом пришла ко мне рано утром, легла со мной в постель и спросила: «Ты его очень любила?» Я ответила – да. «Хорошо, что ты не скрыла это от меня». Обняла меня и опять заплакала. Она очень любила Дитера.

– А Дитер? Он тоже знал?

– Мы поженились еще до рождения Анни. Дитер – двоюродный брат Манфреда, если ты его помнишь. Он знал о тебе, и сам, несмотря на это, сделал мне предложение. Дитер – замечательный человек. Он всё понимает. Всё...

Она встала.

– Я сейчас вернусь.

Ушла. Я остался один.

«Это была любовь»... Была... И прошла? Или все еще любит? Я не мог ответить себе на этот вопрос – Габи оставалась для меня непостижимой. Прошло больше двадцати лет... Какая любовь может выдержать такой срок? Скорее всего, её любовь ко мне была полностью перенесена на дочь, нашу дочь... Но этот Дитер, который все знал и все-таки сделал ей предложение!.. Какая странная, непонятная штука – жизнь!

Габи вернулась с большим букетом белых роз.

– Положи их. От себя, – сказала она, протягивая мне цветы.

Я взял их и положил на нежную зелень могилы.

На обратном пути Габи остановила свой «оппель» возле маленького придорожного кафе со смешным названием «Drei Blumen» – «Три цветка». Мы вышли из машины и присели за один из столиков, стоявших перед входом. Вокруг прыгала небольшая стайка черных дроздов.

Подошла молоденькая, вызывающе рыжая официантка, приветливо поздоровалась с Габи, назвав её фрау Эльза.

– Бренди? – спросила Габи.

Я кивнул.

Габи заказала бренди и кофе.

– Она знает тебя? – спросил я.

– Да, её зовут Ингой. Дочь хозяина кафе. Она была еще девочкой, когда погибла Анни. Я всегда заглядываю сюда, возвращаясь домой.

– Почему Анни похоронили так далеко?

– Здесь лежит моя мама. Мы приезжали сюда с Анни. Ей тут нравилось. Она любила смотреть на горы.

Инга принесла бренди и кофе.

– Что слышно от Пауля? – спросила её Габи.

– Ему осталось служить два месяца, – сказала Инга.

– Значит, скоро свадьба?

– Если я не передумаю. – Инга засмеялась, покраснела и отошла.

– Хорошая девочка, – проговорила Габи, провожая её задумчивым взглядом.

Другая, совсем другая, и все же по-прежнему удивительно хороша. Ушла её прелестная, по-детски наивная доверчивость, способность беззаботно, заразительно смеяться. Но все пережитое не смогло лишить её того необъяснимого очарования, так поразившего меня при первой нашей встрече.

– Эльза... Почему – Эльза? – спросил я.

Она ответила не сразу.

– Меня зовут Эльза Мария Габриэль. Габи осталась там, в сорок пятом... Мне нравилось, как ты произносил мое имя. И я решила, пусть оно останется только для тебя. – Она смущенно улыбнулась. – Типичная немецкая сентиментальность, не правда ли?

Улыбнулась в первый раз. И улыбка была такой, что сразу стала на все эти двадцать семь лет моложе.

– Ты все же приехал, – сказала она. – Наверно, это было непросто?

Куда-то ушла та отстраненность, которая смущала меня, держала на расстоянии. Её правая рука с обручальным кольцом лежала на столике, такая же маленькая, изящная, почти детская, но уже не с коротко остриженными ногтями. Захотелось дотронуться до нее, погладить. Не решился. Молча, поднял рюмку. Она тоже. Выпили. Помолчали.

– Как ты меня нашла?

– Не я. Это Анни нашла тебя.

– Анни?

Габи рассмеялась. И снова я узнал в ней ту, прежнюю.

– Она решила, что раз уж она наполовину русская, то должна знать язык своего отца. – Габи снова улыбнулась. – Стала изучать русский. Как и я еще раньше. Говорила по-русски хорошо, лучше меня. Поступила на филологический факультет, хотела стать специалистом по русской литературе. Как-то попался ей журнал с твоим сочинением про старушек, торгующих цветами. Там была твоя фотография. Спросила: «Это ведь он?» Я сказала – да, это он. Долго рассматривала твою фотографию, сравнила с той, старой. Она гордилась тем, что её отец – писатель.

– Журналист, – поправил я.

– Во всяком случае, узнать твой адрес не представляло труда. Она мечтала увидеться с тобой. В апреле шестьдесят пятого купила путевку в Советский Союз. Должна была поехать в Москву в июне... А в мае... – Она недоговорила и отвернулась.

Невольно подумал: а был ли я тогда в Москве, в июне шестьдесят пятого? Да, был. Могли с ней встретиться. Могли...

И вдруг, впервые, ощутил гибель Анни как свою, личную, невосполнимую утрату. Погибла не некая незнакомая мне Анни Данеманн, а именно моя дочь. Моя дочь, которую мог полюбить. Мог? Нет – я уже любил ее...

Я взглянул на Габи. Черт возьми! Она будто читала мои мысли! В её взгляде было сочувствие... Ко мне!

– У тебя есть дети? – спросила она.

Я покачал головой.

– А у тебя была одна Анни?

– Нет. У меня есть сын, Тео, Теодор. По-русски Федор. Федя, да? Ему двадцать лет, учится во Франкфурте на менеджера.

Двадцать лет. Родился в пятьдесят втором, подсчитал я зачем-то... Сын Дитера... Похоже, ревную. Надо же!

– Расскажи о себе, – попросила Габи.

Я задумался. Что, собственно, рассказывать? Ну, окончил институт, работал инженером, потом стал журналистом, холост... Получалось, будто отвечаю на вопросы анкеты. Никаких особо ярких событий. Я что-то мямлил. Габи слушала внимательно, чуть наклонив голову.

– Почему ты не женился? – спросила она.

– Так уж вышло, – ответил я неопределенно.

Потому, что такой, как ты, больше не встретил, – вот как надо было ей ответить. Красиво, что и говорить, да только неправда.

И неожиданно подумалось: а может быть, правда? Не женился именно поэтому, сам того не сознавая?

И вдруг меня прорвало. Я стал говорить. Вспомнил тот день, когда получил извещение о смерти Анни, как пытался угадать, кто такая Эльза Данеманн, как вдруг понял, нет, скорее, почувствовал, что Анни – моя дочь, как рисовал ее, пытаюсь представить её себе, как думал о ней, глядя на девушку, которую тоже звали Аней, лежащую на мокрой гальке черноморского пляжа, как вспоминал те двое суток в Ратене и все, что было связано с ней, с Габи, как хотелось, чтобы Эльзой Данеманн оказалась именно она. Я говорил, говорил, говорил...

Что со мной произошло? Я знаю, как разговаривать с женщинами. Умею вызвать у них доверие, расположить к себе. Не было случая, чтобы я терялся перед ними. Не раскрывался до конца, всегда оставалось, что-

то, до чего никого из них не допускал. И вдруг начисто потерял то, что ценил в себе более всего, – умение не терять контроль над собственными чувствами.

Едва ли я сознавал, что это было не что иное, как запоздавшее на двадцать семь лет признание в любви.

Габи это почувствовала.

– Какие мужчины все-таки глупые... – сказала она с легкой усмешкой.

– Ты действительно не понял тогда, что с нами было. А была любовь, на которую ни ты, ни я не имели права. И не только потому, что ты – русский, а я – немка. А потому, что мир устроен так, что человек не властен над собой. Мы живем в мире, где человек не хозяин себе. Я этого не понимала. Ты – понимал. Или чувствовал. Но я-то знаю – ты не просто завел легкую интрижку с симпатичной немочкой. Ты любил меня. Женщина всегда умеет отличить настоящее чувство от чего-то другого. Обмануть её можно, только если она сама того хочет. А то, что ты все забыл, так это – самозащита. Память всегда помогает забыть то, с чем тяжело жить.

– А ты?

– Я, наверно, оказалась сильнее, а может быть, слабей, не знаю. Или свободней, чем ты... Я часто спрашивала себя: как я, потерявшая на восточном фронте отца и единственного брата, могла полюбить русского? А я полюбила не русского – я полюбила человека, который смотрел на меня так, как никто до этого не смотрел. И после него – никто. И еще – в тебе не было ни ненависти к нам, немцам, ни чувства превосходства победителя, как у других русских. Было понимание, сочувствие... До тебя у меня был друг, очень красивый, очень порядочный... Мне казалось, что я люблю его. Но только когда узнала тебя, поняла, какой бывает настоящая любовь... А потом ты уехал... Я знала, что мы никогда больше не увидимся. И все-таки родила Анни. Нелегко было на это решиться. Но я хотела сохранить свою любовь. А когда Анни не стало... Захотелось, чтобы не я одна оплакивала нашу дочь.

Она взглянула на меня – беспомощно, даже виновато.

– Ты не сердись на меня за это?

Я не стал отвечать, она знала мой ответ.

– Не надо ни о чём жалеть, – сказала она задумчиво. – Я благодарю Господа, что Он подарил мне это недолгое счастье. А долгим оно и не бывает.

Когда я ложусь отдохнуть и закрываю глаза, в темноте начинают мелькать какие-то круги, косые линии, зигзаги, полосы, потом, уже на грани сна, на какое-то мгновение, возникает лицо Габи, я хочу удержать его, но

оно расплывается, меняет очертания, на его месте появляются, сменяя друг друга, какие-то чужие, незнакомые лица... Я силюсь вернуть его, но это не в моей власти, оно так и не возвращается...

Только иногда, очень редко, мне снится Бастай. Мы стоим, обнявшись, и смотрим вниз, на Эльбу, на домики, разбросанные по склонам зеленых холмов...

Анатолий Самбур

ПРИЗЫВЫ К ОПТИМИЗМУ

1

Да, нас болезни окружили...
Как мы без них когда-то жили?
И нет такого в медицине,
Чем не болеем с вами ныне.
Что ни увидим, ни прочтём, –
В себе тотчас это найдём.
Сейчас мы в форменной блокаде,
Как ленинградцы в Ленинграде.
И вообще, как будто в гетто:
И то нельзя, нельзя и это.
Я перечесть могу навскидку:
Копченья, жареную рыбку,
И буженину, отбивную.
А водку – сам уж не рискую, –
Сидишь в компании – не пьёшь.
Без стопки друга не найдёшь.
Да и автобус не догонишь,
По лестнице идёшь и стонешь.
Рассыпался на все пределы:
Суставов нет. Что держит тело?
Нет! Так не может продолжаться.
Из гетто нужно выбираться.
Довольно нам стонать и ахать,
Безропотно идти на плаху!
Нельзя на всё смотреть с трагизмом –
Вооружимся оптимизмом.

Почаще слать себе призывы:
Проснулись – радуйтесь, что живы!
Себя пощупал и потрогал:
Да, это я. И слава Богу!

2

А врач коль что–то обнаружил,
Скажи себе: «Могло быть хуже».
У организма столько силы,
Что уничтожит все бактерии.
Отбрось понятие «невозможно»:
Раз очень хочется, то – «можно».
Но всё ж не забывай о том,
Что нужно действовать с умом.
Секс, например. Коль сможешь, – можно.
Но только очень осторожно!
Причём, – в присутствии врача,
Чтоб не дал дуба сгоряча.
Но если неприёмный час, –
Есть Служба помощи для вас.
Дадут таблетку, успокоят,
А будет холодно, – укроют.
И дельный вам дадут совет.
Проблем ни в чём, как видим, нет.
А коль болит внутри, снаружи, –
Не паникуй: бывает хуже.
Считай от ста наоборот,
И боль когда–нибудь уйдёт.
Так что не будем слёзы лить.
Пока живём, – давайте жить!
Общаться чаще и дружить.
И не стесняться слать приветы
По телефону, интернету,
Воочию, по СМС,
Желать здоровья, ждать чудес.
И вот за это всё, друзья,
Давайте выпьем, хоть нельзя!

БОГ, ДАРВИН И ЧЕЛОВЕК

1

Учёные познали всё,
Проникли даже в атом.
Но «Номо» как произошло,
Ещё идут дебаты.
Одни твердят: «Всё создал Бог,
И фауну, и флору.
Адамом он подвёл итог.
И нет здесь места спору!»
Другие, «Дарвин и сыны»,
Доказывают рьяно:
«На нём все признаки видны,
Что он — от обезьяны.
Прошёл естественный отбор,
Всех растолкал локтями,
На ноги встал. И вот с тех пор
Зовут их всех «Людьми».
Вопросы есть к тем и другим,
Простые, от народа:
Чего ж его создали злым,
Губителем природы?
Уничтожает всех и вся —
Животных, воду, листья.
Таких же нет среди зверья.
Кто предок, дарвинисты?
Историей за тыщу лет
Ещё до нашей эры
Отмечено, что человек
Всё разрушал без меры.

2

И не было ещё макак
И разных там горилл,
А человек не мог без драк,
И без убийств не жил.

Но если его сделал Бог,
Как сделал воду, сушу,
То наперёд не знать не мог,
Что люди всё разрушат,
Сожгут, затопят, разорвут
Прогрессом, термоядом,
Живое всё переведут,
Весь мир отравят ядом.
Вопрос теперь неясен всем,
От чукчи до узбека,
Не «Кто?», не «Как?», а вот «Зачем
Создали Человека?»

Степан Левин

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Поговорим о будущем России. Это должно интересовать всех, поскольку Россия имеет возможность лишить будущего весь мир. Предлагаю применить метод исторических аналогий. Заглянем в недавнее прошлое, а именно в семидесятые годы прошедшего столетия. Всякий, кто жил в те времена, не может не заметить сходства нынешней России с тогдашним Советским Союзом, и сходство это постоянно усиливается. Семидесятые это, безусловно, вершина могущества Советского Союза. Он прочно занимает вторую позицию в мировой иерархии и существует не в печальном одиночестве, как нынешняя Россия (Кто у нас там в союзниках – Минск, Ереван? И те уже разбегаются). У СССР полдюжины верных вассалов в Европе, союзники в Азии, Африке, Америке. Такую ситуацию, как в ООН в 2014г., когда из ста голосующих стран лишь две поддержали Россию, было совершенно невозможно представить. Нынче все ужасаются (или радуются), какую мощную пятую колонну имеет Путин, всякие марин ле пен и шрёдеры. Да ерунда это всё! А компартия Франции, 500 тыс. членов, не хотите? А итальянская компартия, полтора миллиона? И так повсюду. СССР обладал могучим оружием, имя которому марксизм. Можно сказать, идеологической атомной бомбой. Сотни миллионов людей по всему миру всё ещё верили в учение старого Карла, а Москва была Меккой этой религии. Отсюда окормлялись духовно и материально сотни коммунистических, рабочих и прочих левых партий и движений. Здесь овладевали марксизмом посланцы всех континентов, отсюда самые мощные в мире радиостанции излучали явную пропаганду и тайные указания.

Бомба для Сталина

Этот наш меч-кладенец сыграл совершенно судьбоносную роль в создании советского атомного оружия. На Западе было известно всегда, а мы узнали об этом во времена гласности, что советские спецслужбы добыли в Америке важную информацию для наших ученых. Но лишь после того, как в 2007 году были рассекречены и опубликованы документы об этой

истории (всего лишь малая часть), стали видны колоссальный масштаб и ценность этой информации. И всё это благодаря старику Карлу. Нашим разведчикам не пришлось никого вербовать, подкупать и шантажировать. Все без исключения информаторы – и «кембриджская пятёрка» в Англии, и все американцы, и главный источник Клаус Фукс были коммунистами. Они сами приходили в советское посольство, сами искали связи и совершенно бескорыстно, рискуя свободой и жизнью (многие лишились и того и другого), помогали первому государству рабочих и крестьян. Бедные слепцы! Знали бы они, что рабочие и крестьяне в этом государстве на положении бесправных холопов.

Военная сторона могущества СССР была, пожалуй, еще круче. Ядерный паритет с Соединенными Штатами, достигнутый к середине семидесятых, обеспечивал неприкосновенность СССР, но мы все равно содержали самую мощную в мире армию. И когда явная и тайная политика не справлялись, «оплот мира и социализма», не колеблясь, прибегал к военной силе. Предварю дальнейший рассказ небольшим, но важным отступлением.

Хотят ли русские войны?

Советские люди были уверены, а россияне верят и сейчас, что мы самая мирная страна. Мы всегда только защищались. Русские вообще никогда ни на кого не нападали. Это типичный пример советского лицемерия и двоемыслия: все знали о захвате трёх прибалтийских республик, об оккупации половины Польши и трети Румынии, но это называлось «присоединение», «освободительный поход» – и уже, вроде как, не война. А нападение на Финляндию? Абсолютно постыдная агрессия против маленькой, мирной соседней страны! Войной тоже старались не называть, говорили «зимняя кампания» (против Деда Мороза?). Напали и оттяпали кусок территории. Для нынешнего российского читателя, который пробавляется историей от Мединского, приведу пару эпизодов той войны.

Преступление...

30 января 1939г., в день начала войны, советская авиация бомбила Хельсинки. Двадцать бомбардировщиков ДБ-3 сбросили более полусотни тонн бомб на совершенно мирный, не готовый к нападению город, сотни убитых и раненых. Тут Сталин показал, как надо начинать войны. А советскому народу, самому доброму в мире, объяснили, что наши само-

леты сбрасывают хлеб для голодающего населения. Это подлое убийство мирных жителей должно стоять в одном ряду с Герникой, Ковентри и Роттердамом. Но кто из наших об этом помнит?

...И наказание

У финнов были маленькие, но вполне боеспособные ВВС, и они давали достойный отпор многократно превосходящему Красному воздушному флоту СССР. 6 января 1940г. семь бомбардировщиков ДБ-3 шли на бомбежку. На перехват вылетел капитан Йорма Сарванто на «Фоккере». В течение 4 минут он сбил шесть(!) советских самолетов, еще один сбил его ведомый. Этот бой оказался самым результативным боевым вылетом в истории Второй мировой войны.

На сопках Манчжурии

Ещё одна совершенно неосознанная россиянами война – это советско-японская война 45-го года. В сознании советского и нынешнего российского человека она представляется таким продолжением ВОВ – разбили немецких захватчиков, а потом японских. И никто не хочет признать тот очевидный факт, что Сталин напал на Японию абсолютно так же, как и Гитлер на СССР, вероломно нарушив договор о ненападении между СССР и Японией от 41-го года. Он даже в мелочах следовал фюреру: объявление войны было передано послу Японии за час до начала советского наступления. Что еще характерно: Соединенные Штаты подверглись нападению Японии, три года воевали, ценою огромного напряжения сил и больших потерь разгромили японскую военную машину и не взяли себе при этом ни сантиметра японской территории, а СССР напал сам, когда уже шли переговоры о капитуляции и японцы практически перестали воевать, и захватил себе часть Курильских островов. А японские военнопленные, числом миллион, взятые без всякого сопротивления, вкалывали на лесоповале и на стройках коммунизма аж до 1950 года – в нарушение 9-й статьи Потсдамской декларации, под которой стоит подпись СССР и где определено: «японским военнопленным после их разоружения будет разрешено вернуться на родину и продолжить мирную жизнь». Американцы, естественно, всех своих военнопленных отпустили.

Так что вечная русская мантра «лишь бы не было войны» означает:

лишь бы не было войны у нас, а где-то там мы можем воевать сколько угодно.

Ну и воевали, – практически, всегда. Сейчас говорят о гибридных войнах как о новейшем российском изобретении. Это не так. «Оплот мира и социализма» вел необъявленные войны постоянно. Помощь коммунистическим «северным» режимам в Корее и во Вьетнаме в их агрессии против «южан», гражданские войны в Африке, Ближний Восток, Куба – всё это делалось втихаря, неофициально.

Анекдоты тех лет

Вьетнамский летчик на МИГе дерется с тремя американскими Фантомами. Плохи его дела. Читает в инструкции: «в крайней ситуации нажмите большую красную кнопку». Жмет. Вдруг чья-то мощная рука сзади пригибает его голову и голос по-русски: «А ну-ка пригнись, косоглазый, не мешай целиться!».

Арабы возмущаются: зачем вы шлете нам ракеты «земля-воздух», шлите ракеты «земля-самолет»!

Ну и, конечно, самый длительный конфликт, в котором участвовал СССР, арабо-израильский. Три больших войны и военное противостояние на протяжении 30-ти лет. Политическая поддержка, поставки вооружений, обучение, военные советники, а иногда и прямое участие. Израиль показывал чудеса храбрости на полях сражений, но всё это сводилось на нет безразмерной советской военной помощью. В 67-м году Израиль уничтожил военно-воздушные силы Египта, Сирии, Иордании, разгромил сухопутные армии, захватил трофеями сотни танков. И что же? Где-то далеко на Волге и на Урале включились конвейеры, и через год арабские армии были вновь вооружены до зубов. Для Израиля это была война с непобедимым драконом. А временами это была уже война между СССР и Израилем. Во время так называемой войны на истощение в Египте была размещена тридцатитысячная группировка советских войск – ракетчики, летчики, моряки. Тогда-то и произошли первые прямые столкновения советских солдат с израильскими.

В небе над Суэцем

Египетские летчики стали жаловаться, что их МИГ-21 уступает израильским Миражам и Фантомам. Советское командование, дабы доказать обратное, отправило в Египет наших летчиков-истребителей. Израиль, естественно, сразу об этом узнал из радиоперехвата, говорят, даже общались.

Поначалу советские и израильтяне соблюдали настороженный нейтралитет, но затем советские захотели всё же подраться. Два МИГа обстреляли израильские самолеты, один из них был повреждён. Тогда израильтяне решили проучить задир. Была создана группа из опытных израильских пилотов, каждый имел на своем счету несколько побед. И 30-го июля 70-го года в небе над Суэцем сошлись 20 советских и 7 израильских машин. В первых же атаках пять советских были сбиты, остальные поспешно вышли из боя. Видимо, боевой опыт не заменить никакими тренировками. Может быть, в следующий раз советские выступили бы лучше, но такой возможности им не дали, они были выведены из Египта.

Это всего лишь маленький эпизод, в целом, надо признать, большинство кремлевских военных затей были успешны. То есть до Афгана проигрыша не было ни одного, в худшем случае, ничьи, как в Корее или на Ближнем Востоке. А некоторые победы можно в полном смысле назвать блестящими, поскольку были они достигнуты «не числом, а умением». Я бы отнес к таким ангольскую эпопею.

Куба, любовь моя

Когда в Анголе, после ухода португальцев, разгорелась гражданская война, наши поддержали движение МПЛА, оно позиционировало себя как социалистически ориентированное. В принципе любой вчерашний каннибал мог назвать себя марксистом, и тут же получал военную и политическую поддержку. Так вот, когда пришло время помогать нашим в Анголе, у кого-то в Кремле возникла совершенно гениальная идея – использовать кубинский контингент, причем чернокожий. Решалось сразу множество проблем. Посылать туда наших не хотелось, белых людей в тех краях не любят, разве что на гриле. А тут чернокожие, испаноговорящие, то есть легко могут выучить пару португальских слов, и к тому же, 30 тыс. молодых людей постоянно отсутствуют на Кубе – решается проблема безработицы на «острове свободы». Так они там, вахтовым методом, сменяясь каждые три месяца, воевали и выиграла войну. Впрочем, наши советники тоже там были.

Можно сказать, что в семидесятые Советский Союз шел от победы к победе. А что же Запад? Запад, как всегда, вяло отбивался. Конечно, сопротивление было, иногда удавалась осудить какие-то советские безобразия в ООН, где-то получалось притормозить Советы, но в целом, Запад отступал и отступал. Причин тому было предостаточно. Это и всегдашний западный страх перед потерями, и трусливое желание договариваться лю-

бой ценой, и разобщенность, и бесчисленные пятые колонны, а главное, оборонительная позиция Запада при активной наступательной стратегии СССР.

Обреченный дом

Возникает вопрос, как же так случилось, что уже следующее десятилетие после победных семидесятых оказалось последним для Советского Союза и мы стали свидетелями агонии и конца великой империи? Можно ответить просто: все империи когда-нибудь разваливаются, пришло время и нашей. Такой ответ неинтересен, потому что слишком общий, как говорят математики, тривиальное решение. Попробуем разобраться в деталях. Первое, что приходит всем на ум, – это неудачное устройство страны. Союз суверенных республик. Вплоть до отделения. Вот они и отделились. Построенное по сталинской конституции государство состояло из союзных республик, в которых имелись, в свою очередь, автономные республики и ещё более мелкие образования, автономные национальные округа. Такая матрёшка. Свою родную маленькую Грузию «отец народов» нарезал аж на три автономии (две на наших глазах уже фактически отделились). Каждая союзная республика имела весь государственный антураж – свой ЦК, свой Совмин, свой Верховный Совет и так далее. Сейчас уже никто не помнит, но в Москве были даже посольства союзных республик (их, правда, называли представительствами). Вся страна, естественно, управлялась железной рукой из центра, а все эти совмины несли чисто декоративную функцию. Но люди-то в республиках были не декоративные. Они постепенно привыкали к мысли, что они живут в суверенной стране. Некоторые республики были буквально выпестованы Кремлем, до революции их нации еще даже не сложились. При этом центр, с одной стороны, жестко искоренял любые проявления стихийного национализма – во все постсталинские времена большинство политзаключенных составляли «националисты» – прибалты, украинцы и прочие. А с другой, возвращал казенный официальный национализм в совершенно диких формах. Вот какой рассказ слышал я от замечательного советского историка академика Фёдорова.

Стулья для академиков

Как-то в конце сороковых годов оказался он в одной из южных республик. По своим историческим делам, что-то искал в архивах. И вдруг получает депешу из Президиума Академии наук: бросать все дела и немедленно

занияться организацией республиканской академии наук. В Москве принято решение создать в каждой республике свою академию. И вот, Фёдоров собирает со всей республики образованных представителей коренной национальности – врачи, учителя, агрономы – всего набралось человек триста – усаживает их в актовое зал и начинает читать нудный доклад о том, что такое академия наук, как она устроена и для чего нужна. Спустя десять минут один из потенциальных академик сползает со стула и устраивается на полу, поджав ноги – так ему было привычнее и удобнее. Затем ему последовали ещё двое, затем ещё. Через час уже большинство слушателей сидели на полу. И когда число усидевших на стульях оказалось равно числу академических вакансий, Фёдоров сказал: вот эти и будут академиками.

Байка, конечно, но очень колоритная. А вот это уже не байка. Дагестанский народный поэт Сулейман Стальский был официально провозглашен «Гомером 20-го века». А потом в Казахстане нашелся свой великий поэт Джамбул Джабаев, и его тоже признали «Гомером 20-го века». Гомеры плодились у нас как кролики.

И без того хлипкая союзная конструкция еще и нещадно раскачивалась властью. С конца сороковых годов в СССР началась официальная кампания возрождения великорусского шовинизма. Этим был нарушен договор, заключенный когда-то Лениным с национальными движениями в России – те пошли за ним в обмен на обещание равноправия. А тут опять, снова-здорово, появился старший брат! Результат был предсказуем – усиление антирусских настроений. Власть это отслеживала, что-то предпринимала, но совершенно запуталась, пытаясь найти грань между «хорошей» национальной гордостью и «плохим» национализмом. В середине семидесятых, вдруг – видимо от отчаяния – решили припасть к истокам. Вспомнили марксову теорию об отмирании наций в пролетарском государстве. Было объявлено, что у нас сложилась «новая историческая общность – советский народ». Довольно скоро идея эта заглохла. Но самым роковым для Союза фактором стало формирование национальных элит. Все эти секретари ЦК и председатели совминов были честолюбивые и властолюбивые люди. И очень хитрые. Они ловко изображали покорность центру, охотно помогали отлавливать и сажать националистов – это же будущие конкуренты! – и, в тоже время, выстраивали свою власть на местах. И у них, конечно, возникали, не могли не возникнуть, мечты о самостоятельности. Потом пришла перестройка с гласностью, и волна национализма превратилась в девятый вал. Заметим, первыми начали как раз русские националисты. А главы республик терпеливо ждали своего часа и, когда в телевизоре явилась перекошенная от страха физиономия Янаева,

мужики поняли – теперь можно. «Сплоченный навеки» и «нерушимый» развалился. В три дня.

Впрочем, никто не может поручиться, что, если бы вместо союза была федерация, всё пошло бы иначе. Мы сейчас видим, как благополучные, свободные от всякого угнетения страны, такие, как Англия, Бельгия, Испания, сотрясаются от сепаратизма. Видимо, единственный способ существования стабильного многонационального государства – это американская модель. Нет никаких запретов, каждая нация имеет возможность развивать свою особую культуру, учиться и учить на своём языке, издавать литературу, газеты и т.д., и т.п., но с одним условием – всё за свой счёт. Государство не имеет к этому никакого отношения. И никаких национальных административных образований.

Неправильное устройство, разумеется, важная причина, но далеко не единственная. Свои партии в похоронном оркестре по СССР сыграли и плановая экономика, и колхозное сельское хозяйство, но в это углубляться не станем. Тем более что такие материи обсуждать надо с цифрами. Хочу здесь только упомянуть еще об одном факторе, его трудно измерить цифрами, но он очень чувствовался в конце советской эпохи – гниение системы. Построение коммунизма, что вообще-то было нам обещано к 80-му году («Партия торжественно обещает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»), перенесли на бесконечно отдаленное будущее («Коммунизм – светлое будущее человечества!»). Великая цель испарилась, и все занялись своими делами. Гниение шло, как и положено, с головы. Власть совершенно отделилась от остального населения. Они создали для себя как бы параллельную страну. У них были свои магазины, распределители, для них изготавливали отдельные продукты питания, лечились они в специальных больницах и поликлиниках, отдыхали, естественно, тоже отдельно. Когда приходилось покупать билеты на поезд, самолет, в театр, всегда мы слышали слово «бронь». То есть, эта шайка бронировала для себя возможность получить билеты без очереди. Система привилегий тиражировалась на всех уровнях. Даже в самом захудалом райцентре был свой закрытый буфет при горкоме, свой спецех колбасный, кондитерский и так далее. В стране имели хождение даже несколько валют, помимо обычного рубля, – простые сертификаты, сертификаты с полосками и ещё что-то. Власть пыталась скрываться, но творилось все в таких масштабах, что, конечно, население знало. И это стало, как мы помним, главной болевой точкой в начале перестройки. Именно на борьбе с привилегиями поднялся Ельцин.

«Нельзя загонять крысу в угол!» (В. Путин)

Рано или поздно все упомянутые предпосылки – вкупе с еще множеством других – погубили бы Советский Союз, вопрос только когда. Вполне можно представить, что его хватило бы ещё лет на двадцать. Чтобы все эти причины актуализировались, должны были произойти некие события, обострившие ситуацию. Частое объяснение: Советский Союз проиграл экономическое соревнование и потому погиб. Объяснение нерелевантное. Экономическое соревнование – это не спортивное состязание, где судья решает: «Ты выходишь в следующий круг, а ты выбываешь». Мы знаем страны, которые проиграли всё, что можно и, тем не менее, существуют по сей день. Более правдоподобный, но не исчерпывающий ответ: подешевела нефть, и не на что стало покупать продовольствие. Но ведь мы знаем – нефть подешевела не сама по себе, цену сознательно сбил Рейган. Тогда мы должны пройти дальше по цепочке вопросов-ответов. А с какой стати именно в это время Рейган вдруг так вызверился, да и весь Запад, позорно и трусливо пасовавший перед Кремлем, вдруг сплотился вокруг американского президента? Вот тут и возникает аналогия с крысой, загнанной в угол, о которой так любит рассказывать наш президент. И встает вопрос, что же такого сделал Советский Союз, что крыса не расплакалась, как всегда, а показала зубы. Ответ, мне кажется, ясен: Афган и ракеты средней дальности.

«Ограниченный контингент»

Вначале про Афган. Начинаясь он, как и многие другие советские авантюры в странах третьего мира. Замутили социалистическую революцию, заслали советников, агентов – всё как обычно. И реакция Запада было тоже вполне рутинной. Понятное дело, осудили за вмешательство, покричали и всё схавали. Но дальше пошло необычное. Наши ввели «ограниченный контингент», который оказался войсковой группировкой с артиллерией, танками и авиационной поддержкой. Это уже походило на настоящую оккупацию, чего Советский Союз не позволял себе ни разу после второй мировой – Венгрия и Чехословакия не в счёт – это «внутрилагерные» разборки. Ещё всех поразила интенсивность военных действий – сразу же начались бомбежки, применение артиллерии, счёт жертв среди мирного населения пошел на сотни. Советский Союз вышел здесь далеко за рамки, которых до тех пор придерживался. Реакция Запада оказалось тоже неожиданно резкой – бойкот Олимпиады, укрепление режима санк-

ций. Самый жесткий ответ пришел из Белого дома: президент Рейган, отбросив всякую дипломатию, объявил Советский Союз «империей зла» и пообещал предпринять все, чтобы эту империю сокрушить. Европейцы, как всегда, реагировали сдержанней. В глубине души, скорее всего, вздохнули с облегчением: новая авантюра Кремля началась не в Европе и не на Ближнем Востоке, а где-то im Arsch der Welt. Тем более, им было о чем беспокоиться и помимо событий на далеком Гиндукуше. Неожиданная проблема возникла под самым боком – ракеты средней дальности.

Замечательный сосед

Первым забил тревогу канцлер Шмидт, до того большой друг Советского Союза. Разведка показала, что Советы развертывают на своих западных границах совершенно новые ракетные комплексы. Специалисты определили, что это новейшие твердотопливные ракеты средней дальности «Пионер» (SS20 по классификации НАТО). Мобильная платформа, мгновенный старт, время подлёта пять минут – спасения нет. Европейцы возопили «за что?!», потребовали объяснений. Было и объяснение: «Ничего особенного, просто мы меняем устаревшие ракеты P12 и P14 на новые». «Но это же совершенно разные вещи, P12 и P14 жидкостные ракеты шахтного базирования, мы прекрасно знаем, где они находятся, поэтому они не так опасны. К тому же, замена – это когда что-то одно привозят, а что-то другое увозят! А здесь вы новые привозите, а старые остаются на боевом дежурстве!» В ответ: «Спокойно, не надо нас торопить, поставим новые, все проверим, тогда будем вывозить старые. Постепенно. Когда-нибудь. И вообще, больной, успокойтесь, дышите глубже. А вскакивать и размахивать руками не надо, не то нам придется вас обездвигить!». Вот такой, примерно, диалог. Пока охали да ахали, на границах Европы оказались размещены 440 новейших ракетных комплексов «Пионер». Треть с моноблоками по 1 Мт, остальные с тремя разделяющимися головными частями по 150 Кт. Всего 350 Мегатонн «полезного груза». Чтобы понять, что это такое, перейдем от сухих цифр к «мокрым». 350 Мегатонн это 17550 хиросимских бомб. Учитывая, что Хиросима унесла 80 тыс. жизней и то, что Западная Европа по плотности населения не уступает Японии, мы можем подсчитать число запланированных смертей – 1,5 миллиарда. В Западной Европе тогда проживало около 200 млн. чел., таким образом, было запланировано тотальное уничтожение всего живого на континенте с семикратным запасом. Чувствуется русский размах. Ну и, понятно, римы-лондоны-парижи с их луврами и санпьетрами – в пыль. А не фиг! Шок

усиливался ещё и тем обстоятельством, что никакого разумного, и вообще никакого, объяснения этому поведению Кремля не было. Советский Союз вместе с другими странами Варшавского договора и без того имел тотальное преимущество над странами НАТО на европейском театре. В живой силе в два раза, по танкам в пять раз, по самолетам в два раза. Не забыта была и ядерная составляющая: против 18 французских ракет и 16 английских стояли полсотни Р12 и Р14, а превосходство по мегатоннам было десятикратным. Уже этих ракет хватало, чтобы уничтожить половину Европы. Запад оказался перед выбором – или сдаваться окончательно, или всё же попытаться сопротивляться. Качнуться могло в любую сторону.

«Кадры в период реконструкции решают всё» (И. Сталин)

Всё решил личный фактор. Позволю себе поправить Великого кормчего: кадры всегда решают всё. Так сошлось, что в то время лидерами Запада были два сильных, решительных и нетрусливых человека – президент Рейган и «железная леди», премьер Маргарет Тэтчер. Им удалось сплотить вокруг себя остальных европейцев, и 12-го декабря 89-го года на сессии НАТО было принято так называемое «двойное решение»: разместить в Западной Европе американские ракеты средней дальности Першинг и крылатые ракеты Томагавк. Наши не поверили своим ушам, поспешили сами себя успокоить, дескать, как приняли решение, так и отменяют. Замылим, заговорим, кого надо запугаем, кого надо подкупим. Натурально, включили все рычаги давления и влияния. Всемирный совет мира, всякие антиядерные конференции, пацифистские движения – всё было задействовано. По всей Европе проходили массовые демонстрации против американских ракет, знакомые восточные немцы рассказывают, ходили, как на работу, через день. Помню, зачем-то проводили многотысячные, может, миллионные, демонстрации и в Москве под лозунгом «Нет – евро-ракетам!». Понятно, имелись в виду еще не существующие американские, про наши, уже развернутые сотни ракет, советский народ ничего не знал. А коли б знал, тоже бы не парился. Не на нас же направлено. Но всё оказалось впустую, и первые десятки Першингов доставили в Европу. Ситуация радикально поменялась. Наши, уже редко приходящие в сознание, кремлевские старцы, видимо, и до того не слишком отчётливо воспринимали действительность, а тут до них дошло, что на них, именно на них, будут направлены ядерные ракеты. И ракетка-то – тьфу, просто карандашик, боеголовочка всего 80 Кт, но «внутри» сразу все заиграло, потому что время подлёта и в нашу сторону – кто бы мог подумать? – те же пять минут, что

означает совершенно новую реальность. Если раньше у них было полчаса, чтобы спуститься в свои замечательные подземные убежища и на подземном поезде уехать из Москвы (что случится с москвичами, их совершенно не волновало), то теперь – никакого спасения. Что можно успеть за пять минут – разве что обцеловать «дарахих тоуварышей». Стало ясно – надо договариваться. Переговоры шли через пень-колоду – в Москве начались «гонки на лафетах». В 82-м умер Брежнев, Андропову было отпущено всего полтора года, правда, он успел отметить своим «планом Андропова». Типа: «Ребята, теперь всё по-честному! Отводим ракеты на безопасное расстояние – вы вывозите Першинги в Америку, а мы отводим свои за Урал». Понятно, дураков не нашлось, Запад соглашался только на полное уничтожение всех ракет. Следующие полгода правил «не приходя в сознание» Черненко, тому было вообще не до переговоров. А потом в Кремле явились новые люди и стали чесать свои умные репы. А нафига нам нужен этот Афган? Качаем туда несметные средства, назад получаем по полторы тысячи трупов в год, плюс 10 тыс. инвалидов. А ведь как хорошо всё было до того – разрядка, мир-дружба, Лёлик с Никсоном взасос целовались! А главное, зачем нужны эти ракеты? Кто это вообще придумал? Отвечают: «А Устинов». «Вот гад, тоже ведь улегся вовремя в стену, а нам здесь расхлебывай!». Ну и сломались, договорились о полном уничтожении. И пустили контролеров на наши базы. И даже на Воткинский ракетный завод, где производили «Пионеры». Рассказывают, начальник охраны, когда увидел у себя на проходной толстую чернокожую женщину в американской форме, бухнулся в обморок. И из Афганистана вышли. Столь масштабное отступление было впервые в советской истории. На волне примирения с Западом возникла идея улучшить, облагородить социализм, пришить ему «человеческое лицо». А этого, как оказалось, категорически нельзя было сделать. Социализм может существовать исключительно в тоталитарной форме. Дальше случилось то, что случилось.

Кто виноват?

Теперь, когда мы выяснили, как и почему это произошло, возникает, естественно, сакраментальный русский вопрос: «Кто виноват?». Попробуем разобраться и в этом тоже. Кто принял эти роковые для Советского Союза решения.

Восток – дело тонкое С Афганом никакой тайны и загадки нет. СССР поступил в данном случае, как обычно. Сработал хватательный рефлекс – есть возможность – хватай. И действовал совок своими стандартными ме-

тодами. Задача поначалу казалось простой. Во-первых, близко, под боком. Что удобно. Во-вторых, все были наши. Обычно, где-нибудь в Африке, мы поддерживали нашего условного лумумбу, а американцы или французы ихнего условного мобуту. Здесь же все были наши.

Президент Дауд был абсолютно наш, ел с руки, был окружён нашими охранниками и советниками, лечился в Москве, отдыхал в Сочи, офицеров отправлял учиться в советские академии. И революционеры тоже – Кармаль, Амин, Тараки – все наши, марксисты. Революция прошла, как по нотам: Дауда со всем семейством пристрелили, власть взяли, армия перешла на нашу сторону. Но тут же выяснилась ошибка номер один: три вождя для одной революции слишком много. Три марксиста, три весёлых друга тут же передрались. Амин и Тараки сговорились и выкинули из страны Кармаля, отправили послом в Чехословакию. И тут же сцепились друг с другом. Амин оказался проворнее – Тараки задушили подушкой. Тут в свалку вмешался Кремль. Решили вернуть в страну Кармаля, а Амина убрать. Поначалу хотели сделать всё бескровно, то есть отравить. Русская врач-диетолог, служившая во дворце Амина, добавила в вечернюю трапезу яду. Но тут случилось непредвиденное: русский врач, вызванный из посольства, откачал бедолагу – он же ничего не знал, а то бы, конечно, помог отравить. Пришлось брать дворец штурмом. Амин был застрелен, его пятилетний сын тоже. Ну и еще 200 человек охраны и обслуги. Интересно, оказалась ли среди них врач-диетолог?

А дальше пошло-поехало: «ограниченный контингент», выросший до целой, укомплектованной по штатам военного времени 40-й армией, одной бронетехники 2 тыс. единиц, больше, чем на всём германском фронте в 42-м году. И воевали не против могучего рейха, а против одной из самых нищих и отсталых стран на свете.

Долгие семь лет, используя танки, артиллерию, системы залпового огня, ковровые бомбежки и даже тактические ракеты, – и ушли ни с чем. А ведь планировалась короткая операция. Просчет чудовищный. Не учли горного театра военных действий, где танки и авиация не столь эффективны, не просчитали международной реакции, когда не только Запад, но и весь Восток, и даже арабы – вот и корми их после этого! – осудили СССР. И, главное, даже не могли себе представить, что нищий и забитый народ окажет такое сопротивление самой мощной армии мира. А ведь это бывает сплошь и рядом, когда трусливый и покорный по отношению к собственным угнетателям народ показывает чудеса стойкости и героизма в войнах. Советский Союз дорого заплатил за свои просчеты, но это несравнимо с теми бедствиями, которые мы принесли в Афганистан. Это был настоящий геноцид. Афганские потери составили около полутора

миллионов человек, в процентном отношении это больше, чем потерял Советский Союз в Великой Отечественной войне.

Дымилаь, падая, ракета...

Ну, а что же с решением о ракетах средней дальности? Все обычно велят на Устинова, но это верно лишь отчасти. Правильнее говорить устинов – с маленькой буквы. То есть, как символ военно-промышленного комплекса СССР, который Устинов всю свою жизнь курировал. Оборонная промышленность всегда была приоритетом для советских вождей, но к концу семидесятых ВПК не просто был частью промышленности, практически вся страна стала придатком ВПК. Тогда же и закрепились за ВПК роль центра советской науки. Большая часть её перекочевала в «ящики». Академия Наук практически тоже оказалась накрыта «ящиком» – большинство академиков были Генеральными конструкторами различных систем вооружений. Наука занималась, в основном, тем, что летает, самонаводится, взрывается и измеряется в мегатоннах. Помню, тогда казалось, что в Москве буквально все инженеры и ученые работали в «ящиках».

Два мира – два Шапиро

Наш ВПК был, естественно, не единственным в мире. В США имелся ВПК, ещё и помощнее нашего. И тоже стремился к бесконечному росту, это имманентное свойство всякого ВПК. Но в отличие от советского, он контролировался властью, даже не одной, а двумя: по всем крупным военным программам, помимо конкурсов и экспертиз минобороны, проводились обсуждения и утверждения в конгрессе. Четвертая власть во всё это тоже активно вмешивалась. Наши пропагандисты очень любили пересказывать разоблачения американских журналистов очередной проказы ихнего ВПК, типа молотков из чистого золота. Много было правдой. ВПК – это такой зверь, которого надо держать в узде. Если уж пользоваться этой метафорой, наш ВПК был совершенно необузданным (или разнузданным?). К концу семидесятых он не контролировался властью совершенно, практически, он и был властью. Яркий пример различия нашего и американского подхода, это развитие военной ракетной техники в обеих странах. В Штатах ещё в начале шестидесятых были проведены конкурсы на межконтинентальные ракеты, и был выбран наиболее дешёвый и простой вариант фирмы Боинг – ракеты Минитмен. Вопрос был, таким

образом, закрыт на долгие годы. До наших дней несут свою боевую службу её модификации. Такая стабильная техническая политика выгодна как военным, так и экономике.

У нас же картина было совершенно другая. Все шестидесятые и до половины семидесятых в ракетной отрасли бушевала «маленькая гражданская война» – так это называют все мемуаристы. Бились между собой за оборонный заказ два великих ракетчика, академики Янгель и Челомей. Оба располагали огромными научными и производственными ресурсами, на обоих работали сотни тысяч людей. Руководство никак не могло решить, чьи ракеты лучше. Тем более что у каждой фирмы наверху был свой лоббист – Челомея поддерживал министр обороны маршал Гречко, а Янгеля – наука в лице академика Келдыша. Решать надо было, в конце концов, Брежневу. Генсек был в те времена еще вполне сохранным, но и в лучшие годы он особым интеллектом не блистал, как говорится, не Спиноза, и, видимо, перенапрягшись от бесконечных совещаний, разговоров и интриг, принял самое неудачное решение. Как тогда говорили, «китайское» – «пусть произрастают все цветы», т.е. будем делать все. В результате произрос настоящий хаос: одновременно производились десятки типов ракет двух разных направлений. Это вызвало колоссальные трудности для военных и привело, конечно, к бессмысленным тратам ресурсов. Такой вот странный парадокс: в плановой экономике, где, казалось бы, все должно решаться сверху, возникла жесточайшая конкурентная борьба и хаос, а в рыночной экономике, где царит «закон джунглей», удалось договориться. Ну вот, повествование наше само вышло на ракетную тему, мы ведь собирались ответить на вопрос, кто принял решение по ракетам средней дальности.

Главный

Рассказ об этом я начну издалека, напомним – совсем коротко – путь развития советской ракетной техники. Во-первых, так будет понятней интрига вокруг ракет средней дальности, а во-вторых, по-моему, это жутко интересно. Как «Тысяча и одна ночь» – начинаешь рассказывать, одна история цепляется за другую, и невозможно остановиться. Итак, откроем пленку назад в тридцатые годы. Начало советского ракетостроения связано с группой энтузиастов, объединившихся в ГИРД (группа изучения реактивного движения). Одним из создателей группы стал молодой авиаконструктор и изобретатель Сергей Королёв. А ещё он был опытный спортсмен-планерист, что сослужило ему впоследствии хорошую службу,

а может, и спасло жизнь. Работали на общественных началах, все были энтузиастами ракетной техники и мечтали о космических полетах. Затем ГИРД объединили с еще одной лабораторией и создали РНИИ – ракетный научно-исследовательский институт. Директором стал Клеймёнов, а его замом Королёв. Затем произошли какие-то изменения, и Королёв перешёл на заведование отделом, а замом Клеймёнова назначили конструктора пороховых ракет Лангемака. Этот институт оказался кузницей кадров для ракетной отрасли – десятки его сотрудников стали впоследствии видными конструкторами и руководителями отрасли, только академиков целых пять. Но дожили до этого светлого будущего не все. В институте служил на рядовой должности некто Костиков. Никаких особенных талантов он не проявлял, зато был партиец и пролетарского происхождения, что в те времена было огромным бонусом. И добро бы делал он карьеру по партийной линии, нет, ему хотелось непременно стать ученым. А поскольку ничего путного придумать он не мог, сидеть бы ему и дальше на своей конструкторской должности. Но тут наступил 1937 год и он понял, что пришло его время и сделал то, что делали тогда миллионы советских людей – написал донос.

Донос этот, как и все последующие материалы «дела РНИИ», опубликован. Это классический образец жанра. «У меня нет прямых доказательств, но я уверен... преступное торможение... сговор...» и т. п. Конкретно обвинялся Глушко (будущий академик) в том, что тормозит исследования, и Клеймёнов и Лангемак – за покровительство. В РНИИ начались аресты, первыми взяли Клеймёнова и Лангемака. Костиков устроил собрание и потребовал от всех заклеить предателей. Королёв и Глушко отказались и были тоже арестованы. Клеймёнов и Лангемак попали в списки первой очереди, что практически означало расстрел. Они были осуждены тройкой под председательством Ульриха и, по тогдашним обычаям, расстреляны сразу после объявления приговора. Глушко получил 8 лет лагерей, но ему крупно повезло, его отправили в Туполевскую шарашку. А вот Королёву дали десятку, и он прошел все круги ГУЛАГа. Его сильно били на допросах, следователь Шестаков сломал ему челюсть графином. Потом Королёв оказался в Магадане на золотом прииске и, учитывая его слабое сердце, оттуда он, скорее всего, не вернулся бы. Его спасла собственная мать, она ни на минуту не переставала за него бороться. Писала во все инстанции – с нулевым результатом, а потом пришла ей в голову счастливая мысль обратиться к знаменитым летчикам и депутатам Грому и Гризодубовой. Те знали Королёва как летчика-планериста и замолвили свое слово. Королёва привезли в Москву на пересуд. Новый приговор гласил – 8 лет лагерей, но приземлился он, к счастью, на той же шарашке, что

и Глушко. А вот Костиков вышел в дамки. Он стал директором РНИИ, но этого ему показалось мало. Он присвоил себе все работы и изобретения Лангемака, а тот разработал и довел до производства ни больше, ни меньше, как снаряды для знаменитой «Катюши». Костиков получил на всё это авторское свидетельство, на себя и двух своих прихлебателей. А в 41-ом году за «Катюшу» получил Сталинскую премию. Это и есть настоящий сталинизм: родина награждает доносчика и мародера главной премией страны, а изобретателя, которого он обокрал, – пулей в затылок. Следователю Шестакову жизнь тоже удалась. Он счастливо избежал чисток 39-го и 53-го годов, на фронт, естественно, тоже не попал, доживал в Москве пенсионером-орденоносцем. Его разыскал – уже поле смерти Королева – журналист Голованов. На все расспросы отставник отвечал: ничего не помню, никого не знаю. Ну, ладно, Шестаков, обыкновенный палач, но Контора могла бы если не засудить, то хотя бы морально осудить? Нет, своих не сдаем никогда! И, вообще, что к человеку привязались? Исполнял свой долг, работал инициативно, с огоньком. Графин применил, рационализатор. Скажите еще спасибо, что только графином. И только челюсть. Всю войну Королёв провёл на шарашках, разрабатывал ракетные ускорители для самолетов. Шарашка была вовсе не санаторий, режим такой же, как в лагере, охрана могла и по роже съездить, не глядя на научные степени. Тем более что в любой момент можно было отправиться в лагерь «на общие».

Но в 44-м судьба сделала очередной поворот. Виновником стал один молодой – всего-то 30-ти лет – немецкий конструктор Вернер фон Браун. С конца тридцатых годов он руководил созданием баллистических ракет, и в 44-м году его детище, ракета Фау-2 была впервые применена против Англии. Это было как гром среди ясного неба для лондонцев в буквальном смысле. Огромная 800-килограммовая бомба неожиданно падала с неба и разносила целый квартал. А до этого ракета за 5 минут преодолевала расстояние в 300 км, достигая высоты 70 км. Это была первая баллистическая ракета в мире. Никто и нигде даже близко не приближался к этому достижению. И, конечно, все захотели получить для себя это новое страшное оружие. Ракетчики внезапно оказались на вес золота. Королёва и Глушко освободили досрочно, хотя судимости не сняли. Удивительно, но реабилитировали Королёва только в 57 году, за полгода до запуска первого спутника. Контора давала понять: будь ты хоть трижды Главный конструктор, для нас ты всё равно лагерная пыль. А тогда, в сорок пятом в Германию была направлена большая группа специалистов для поисков всего, что связано с Фау-2, в составе её были два новоиспеченных майора Королёв и Глушко. Всем известно, что фон Браун с ближайшими сотрудниками и двумя мешками документации сдался американцам. Им же досталось бо-

лее сотни готовых ракет. Но и наши оказались не с пустыми руками. Было найдено множество частей, узлов, производственного оборудования. Особенно важной была находка полутора сотен готовых двигателей. Всё это эшелонами отправлялось в Союз. Нашлись – их оказалось совсем немало – немецкие специалисты, что согласились работать на новых хозяев в созданном специально для них институте. Почти год Королёв оставался в Германии, где руководил работой немецких специалистов, затем был отозван в Союз. Ему дали институт, назначили Главным конструктором и поручили воспроизвести ракету Фау-2 из отечественных материалов и на отечественном оборудовании. Но для начала надо было освоить Фау-2, на это ушло тоже немало времени, первый удачный старт относится к 47-му году. Советская копия Фау-2 под обозначением Р1 была испытана в 49-м году и поступила на вооружение. Это была первая советская баллистическая ракета. За ней последовали Р2, Р5 и знаменитая Р7, «семёрка» – первая советская межконтинентальная ракета. На ней был выведен на орбиту спутник, полетел Гагарин и другие космонавты. В армии особенно полюбили и долго потом тепло вспоминали королёвские ракеты с Р1 по Р5 включительно – они, как и прародительница Фау-2, летали на спирту. Тренировки расчетов состояли в том, чтобы залить, а потом слить десяток тонн спирта. Тренировались без усталости. Праздник жизни прервал Глушко, перевел двигатели, а были это все те же фон Брауновские, только модифицированные, на керосин.

Виноватых не было

Теперь немножко техники, кому не интересно, следующий абзац можете пропустить. Во всех королёвских ракетах в качестве окислителя использовался жидкий кислород. Это значит, что ракету нельзя держать заправленной – жидкий кислород довольно быстро испаряется, а новая заправка требовала много времени. Естественно, военным это не очень нравилось. Был и другой вариант – использовать в качестве окислителя азотную кислоту или её производные. Королёв во время войны строил на этом принципе ракетные ускорители. Работать с азотной кислотой ему очень не понравилось, он называл такие ракеты «грязными». Янгель, один из сотрудников королёвской фирмы, оказался не таким чистюлей и занялся этой тематикой. Ему выделили отдельное КБ, где он и разработал свою ракету Р12. Ракета, благодаря постоянной боеготовности, тут же стала фаворитом у военных, она пошла в серию в количестве многих сотен штук. Таким образом, Королёв оказался практически вытеснен из оборонного

заказа. Что его не сильно огорчило – у него было достаточно забот с его любимым космосом. Но и Янгель недолго был монополистом, явился еще один Главный конструктор по имени Челомей, который разработал целую серию ракет на азотном окислителе. Тут и началась та самая гражданская война, о которой я уже упоминал. И вот, в разгар этой войны, приходит из-за океана неожиданная весть, американцы ставят на вооружение твердотопливную ракету Минитмен. Поясню, что это значит. В твердотопливной ракете топливо и окислитель находится в твердом состоянии и перемешаны друг с другом. Примерами могут служить изобретенные 2 тыс. лет назад китайцами пороховые ракеты, легендарная «Катюша» и шутихи, которые мы запускаем на праздник. Конструкция твердотопливной ракеты подкупает прежде всего своей простотой и дешевизной. Не надо никаких баков, насосов, трубопроводов, регуляторов, вентилей. В Советском Союзе после войны пробовали строить большие пороховые ракеты. Сделали такую огромную «Катюшу». Но результаты оказались неудовлетворительными, и дело забросили. Американцы тоже пытались создать большие пороховые ракеты – с тем же успехом. Но, поскольку американские инженеры все задвинуты на идею простоты и дешевизны, они не отступились, продолжили изыскания и вышли на целый новый класс горючих смесей, на порядок более мощных, чем порох. Это новое горючее, оно получило название смесевое топливо, и было использовано в Минитменах. Ракета вышла очень простой, и в серийном производстве стоила сущие копейки. Первым на новость среагировал Королёв. Он сразу понял колоссальный потенциал этой конструкции и решил делать такую ракету. Как раз в это время, в связи с решениями Хрущева о сокращении обычных вооружений в пользу ракетного, в КБ Королёва влился один артиллерийский НИИ, где как раз занимались порохами. Народ грустил и готовился к сокращениям, справедливо полагая, что дела им на ракетной фирме не найдется. Королёв поручил им разработку всех вопросов по смесевому топливу, воодушевил, и всё у них получилось. Первая советская твердотопливная ракета была принята на вооружение, правда в небольшом количестве. Янгель с Челомеем, к тому времени практически поделившие между собой весь оборонный заказ, отнеслись к твердотопливным ракетам скептически. Особенно усердствовал Челомей, он начал настоящую кампанию против твердотопливных ракет. Говорил он вещи достаточно разумные. «Вот сейчас они летают, но ведь ракета должна стоять в боеготовности как минимум 10 лет. Кто гарантирует, что эта пластмассовая чушка не потечет, не деформируется, что в ней не появятся трещины? Любая трещина это взрыв ракеты. Что будет, – пугал он военных, – если в один прекрасный день все наши ракеты выйдут из строя?».

В разгар этих споров на сцене появился новый участник. Он не принадлежал ни к одному лагерю, у него имелся свой небольшой институт в министерстве обороны, и ему покровительствовал Устинов. Звали его Александр Надирадзе, тоже будущий академик. Он воспользовался наработками Королёва и построил полноценную межконтинентальную трехступенчатую ракету на твердом топливе Темп-2. Именно от этой ракеты происходят все нынешние российские тополя, булавы и прочие. Так что стало у нас теперь уже четыре ракетных центра. И вот, посреди этого праздника жизни, ракетная отрасль получила страшный удар. И не от каких-то диверсантов и вредителей, а от руководства страны. В 76-м году был подписан, после многолетних переговоров, Договор об ограничении стратегических вооружений. Народ схватился за голову – как теперь жить? Ракеты – долгоиграющий продукт. Они стоят по 10 и по 20 лет. И что же нам теперь делать? Куда девать новые ракеты? Останавливать сотни заводов? Если рабочих можно без проблем устроить – рабочих рук у нас всегда не хватало, – то что делать бедным ученым? У всех свои темы, свои недописанные диссертации, свои планы на жизнь. Самым находчивым оказался Надирадзе. Он взял первую и вторую ступени от Темпа, слепил вместе, сделал новую систему управления, посадил это на колесное шасси, и получилась новая ракета средней дальности, а они под Договор не подпадали! И ракета вышла супер. Лёгкая, компактная, везде проехать может. В общем не ракета, а игрушка. Ну как такую не запустить в серию! И запустили, и налепили аж 600 штук. А куда их девать? Хорошо танкостроителям, клепают свои железяки, смазывают, залепляют дуло пробкой из оружейного сала и ставят на какой-нибудь поляне на хранение. В девяностые таких полян с тысячами танков было найдено множество. Ракета – вещь нежная, её под открытым небом не поставишь. Тут помогли военные. По ним Договор тоже ударил. Сотни полковников мечтали получить генеральские лампасы. А чтобы стать генералом, надо командовать развёрнутой частью. Где же взять новую, когда старые сокращают. А тут, шутка сказать, 600 ракет – это же как минимум двадцать генеральских должностей. Сформировали бригады, а что дальше? Надо же куда-то ракеты ставить. Ну, полторы сотни поставили против Китая, а остальные куда? А в Европу. Нехай, всосется. Не всосалось.

Вот и получаем мы ответ на вопрос «кто виноват» – а никто. И все. И тысяча аспирантов, которые хотели стать кандидатами, и сотни кандидатов, что хотели стать докторами, Генеральные конструкторы, которые мечтали о Ленинских премиях, директора предприятий которые добивались заказов, чтобы увеличить фонд заработной платы, поскольку от него зависели премии, – опять премии! – и военные, которые мечтали о звездах и лампасах, ну и власть, которая на все положила

Назад в будущее

А теперь, вооружившись нашим историческим знанием, попробуем предсказывать будущее. План наш будет таков – мы сравним Советский Союз семидесятых и нынешнюю Россию, чтобы понять насколько вероятно развитие событий по советскому сценарию, наступил ли уже «предпоследний день Помпеи».

Начнём с устройства страны. Здесь ситуация выглядит гораздо менее опасной чем, в советские времена – шестнадцать союзных республик означало шестнадцать проблемных зон. По национальному составу страна стала более однородной, хотя, естественно, и не мононациональной. В Советском Союзе русские составляли чуть больше пятидесяти процентов, а в нынешней России около восьмидесяти – цифры говорят сами за себя.

Всё же картина не вовсе безоблачная, в стране существуют автономные республики и по своему бризантному потенциалу они очень разные. Есть у нас еврейская автономия, в которой не осталось ни одного еврея, и есть Чечня, в которой не осталось ни одного русского. И если уж мы заговорили о Чечне – можно ли верить верноподданническим заклинаниям её лидера? После двух войн, в которых чеченские потери составили около 100 тыс. жителей? А если вспомнить переселение и геноцид в 44-м? Живы еще люди, перенесшие и это. Республика добилась за последние годы совершенно уникального статуса, имеет свою армию, погранслужбу, её лидер ведет свою внешнюю политику за пределами России. Теоретически, Кадыров, как глава субъекта федерации, стоит на одном уровне с двумя десятками прочих губернаторов, которых тасуют как колоду карт и сажают без всяких колебаний. Хотел бы я посмотреть на храбреца, что осмелится сделать подобное с Рамзаном Ахматовичем.

Кто-то пустил очень точное выражение «личная уния Кадырова и Путина». Такая связь вещь опасная – что случится, если одна из личностей исчезнет – физически или политически? Да и остальные кавказские республики – про «божью благодать» судить не берусь, но то, что там не «тишь да гладь», это уж точно. Так что классическое российское облачко на горизонте («А видишь, там что?») Ямщик указал кнутом на восток) клубится, как всегда, над кавказскими вершинами.

Свобода лучше несвободы

Пару слов об экономике. Тут даже и сравнивать нечего. Российская экономика, несмотря на все изъяны – дикое воровство, коррупцию, непо-

тизм, всё равно остается живой рыночной экономикой, и уже в силу этого гораздо эффективней, надежней, эластичней, чем советская плановая. Уже не говоря про сельское хозяйство, – хуже колхозов трудно что-либо вообразить, разве что китайские коммуны. Российскому сельскому хозяйству удалось то, что не удавалось ни советскому, ни дореволюционному – накормить досыта Россию.

Следует признать экономические достижения постсоветской России совершенно удивительными, уверен, будут еще писать в учебниках о русском экономическом чуде. Прыжок из царства дефицита и почти голода в конце восьмидесятых к колоссальному росту благосостояния в двухтысячных. Нынче принято ругать «лихие девяностые». Но ведь именно в эти девяностые и сложилась полноценная рыночная экономика, обеспечившая дальнейшее благополучие. Нынешняя кремлевская власть получила эту экономику уже в готовом виде, задачей было не растерять сделанного, холить и растить с таким трудом завоеванную экономическую свободу, и какое-то время власть с этой задачей справлялась. Тем более что внешние условия были феноменально хороши: сменившие холодную войну дружеские отношения с Западом, никаких конфронтаций ни с кем, колоссальный рост цен на энергоресурсы. Увы, золотой век скоро закончился, но об этом поговорим ниже, а сейчас стоит вспомнить творцов этого русского экономического чуда. Первый, естественно, Горбачев, который инициировал (сам того не желая) демонтаж Советского Союза и прекратил холодную войну, обеспечил мирное развитие России. Вторым идёт, понятно, Ельцин. Дважды он не сдрейфил, первый раз в августе 91-го и второй раз, когда запустил рыночные реформы и дал карт-бланш Гайдару. И третий, которого в полной мере можно назвать отцом русского экономического чуда, это Гайдар.

Важно отметить не только и не столько его квалификацию – толковых экономистов и без него хватало, а то, с каким мужеством он взял на себя всю ответственность. Был он не министром экономики, а полноценным премьер-министром, то есть тащил на себе все и вся в самые сложные для страны времена. Помню потрясающие кадры кинохроники 92-го, кажется, года. На Кавказе очередной нарыв – осетины и ингуши на грани войны, Гайдар мчится разруливать. И вот, в кадре людское море, огромная толпа озверевших кавказцев, орущих, размахивающих руками, многие вооружены, и через эту толпу пробирается к трибуне Гайдар. Охранники давно оттеснены, он совсем один, его толкают, тянут в разные стороны, кричат в лицо, а он совершенно спокойно что-то объясняет, со своей обычной, слегка отстранённой улыбкой, как будто бы выступает на научном семинаре. Если, когда-нибудь, в России будет проводиться конкурс в номина-

ции «храбрец России», Гайдар должен занять первое место впереди Ильи Муромца, летчика Гастелло и маршала Жукова.

Торгуют все!

Конечно, девяностые были очень непростые. Самым неожиданным оказалось то, каким выплеском криминальной энергии сопровождалось явление свободы в России. Советские люди считались и сами считали себя скорее законопослушными и не склонными к криминальным эскападам. Оказалось, это не так. Вспоминается, во времена перестройки великий писатель земли русской Солженицын многократно писал и говорил, как он тревожится за русский народ в связи с наступлением свободы. Русские люди простодушны, доверчивы и неопытны в торговле и предпринимательстве, они станут легкой добычей других наций, поднаторевших в торговле и обмане. Русский народ посрамил своего незадачливого пророка. Торговать научились мгновенно, и все.

Когда-то восставшие парижане написали на развалинах Бастилии «Здесь танцуют». Над Москвой начала девяностых можно было повесить огромную растяжку с надписью «Здесь торгуют». А также кидают, лепят куклу, разводят лохов, выбивают долги и т.д. А те, кто не торгуют, грабят. Многие успешно совмещали обе профессии.

Особую роль сыграли, как всегда в лихую годину, русские женщины. Безо всяких дипломов МГИМО они осваивали внешнюю торговлю. Вооружившись парой клетчатых китайских сумок и прищипив булавкой к трусам пластиковый пакетик с долларами, они бесстрашно отправлялись в дальнее и ближнее зарубежье, разбирались в хитросплетениях обменных курсов и таможенных правил. И вот, эта хаотическая, муравьиная беготня постепенно превратилась в рыночную экономику. Даже удивительно, как быстро всё образовалась. Впрочем, что ж удивляться, многократно проверено, если людям просто дать экономическую свободу, они всё сделают сами, государство должно только лишь приглядывать, создавать рамочные условия. Особенно это контрастирует с теми поистине нечеловеческими усилиями, которые приходилось делать советскому руководству, дабы обеспечить развитие экономики.

Каждую осень у нас начиналась «битва за урожай», весной все области «рапортовали о завершении посевной в сжатые сроки», то затевалось «покорение целины», то движение ударников комтруда, всё время какие-то боевые действия. Была такая популярная задорная песня с рефреном «И вновь продолжается бой, и сердце клокочет в груди!» Оказалось, ничего

этого не нужно. Не помню, то ли Платон, то ли Аристотель, ах нет, прочтите, Дмитрий Медведев сказал замечательные слова: «Свобода лучше несвободы».

Я сознательно оставляю в стороне вопросы справедливости при разделе социалистической собственности. На мой взгляд, никакого правильного и справедливого способа приватизации нет и не было. Советская власть отобрала в 1917-ом у людей всё – заводы, фабрики, дома, землю, скотину – всё стало общим и ничьим. За 70 лет всё это перемешалось, многократно выросло в цене, и разделить все вновь, и к тому же по справедливости, которую каждый понимает по-своему, невозможно. Естественно, от приватизации в первую очередь выиграли люди при власти и криминал. Часто можно услышать – надо было делать как китайцы, постепенно. Так говорят просто от незнания. Если вы возьмете любое исследование по китайской приватизации, то узнаете, что темпы реформ в Поднебесной были гораздо выше, чем в России. И ни о какой справедливости там вообще речи не шло. Впрочем, России грех жаловаться – уже к концу девяностых благосостояние россиян достигло дореформенного уровня, а десятилетие с 2004-го по 2014-й оказалась вообще лучшим за всю историю России, никогда русские люди не жили так зажиточно и свободно. Конечно, помогли выросшие цены на нефть, но ведь и у Советского Союза были огромные нефтяные доходы, а все равно полстраны сидело на продуктовых талонах. Итак, базовые показатели – политическое устройство и экономика – не давали никаких поводов для опасений. России можно было смело предсказать стабильное движение вперёд по накатанным рельсам, по крайней мере, не хуже, чем у других восточноевропейских стран, а учитывая огромную нефтяную ренту и бесчисленные природные ресурсы, даже и лидирующее положение. Недаром России авансом предоставили места в двадцатке и восьмерке. Наши болезни – коррупция, воровство, засилье бюрократии – никуда не делись, но экономика все вытягивала, хватало и на сытую жизнь, и отдых в Анталье для простого люда, и на Куршевели для начальства. Казалось, самые смелые планы сбываются.

Наш паровоз, вперед лети...

Но прямые пути, видно, не для России. Наш поезд резко затормозил и, вначале потихоньку, а затем, все ускоряясь, покотил назад, в совок. Причиной оказалась вновь конфронтация с Западом, и вызвал её все тот же наш хватательный рефлекс, который, оказывается, не умер вместе с советской властью. В первый раз он проявился, еще в сравнительно сла-

бой форме, во время грузинских событий, и, в полной мере, в 14-ом году. Кажется, что прошедшие после Афгана годы, когда мы ни на кого не нападали, никого не бомбили, стали для нашего народа чем-то вроде абистинции – с таким горячечным восторгом поддержал он агрессию Кремля против Украины. Такой массовой поддержки войны я не помню ни во время чешских событий, ни в начале Афгана. Похоже, быть как все, нам неуютно, непременно надо кого-то побеждать, ставить на место, принуждать к миру. Ну а дальше все пошло-поехало, с удивительной легкостью российское общество рассталось с послесоветскими нововведениями, вроде общечеловеческих ценностей, партнерских отношений с другими странами и тому подобными глупостями. Из подсознания всплыли древние российские и советские стереотипы: нас все ненавидят, лучшие друзья России – это армия и флот, растреленный Запад, подлые пиндосы, а совсем недавно, осенью 18-го года, вновь явилась и израильская военщина.

Специалисты по массовой психологии наверняка найдут причины такого попятного движения, может, выход из ада должен происходить именно кругами, и такие приступы прошлого закономерны. Но ясно, это не имело бы ни такого масштаба, ни таких последствий, если бы кремлевская власть не поддерживала и не провоцировала эти настроения. Здесь мы заканчиваем экскурс в недавнее прошлое и переходим к анализу нашей нынешней власти.

Скромное очарование тирании

К счастью, – для исследователя, естественно, не для россиян – у нас диктатура, изучать её легче, чем какую-нибудь демократию, где, бывает, за день невозможно предсказать результаты выборов. Можно сосредоточиться на личности диктатора – как и следовало ожидать, наш разговор вышел на Путина. Прежде всего, хочу сказать, нынешний российский лидер далеко ещё недооценен. Сейчас в демократической прессе отношение к нему скорее насмешливое, дескать, сплошные ляпы и проколы. На самом деле он чрезвычайно успешен, только успехи его не следует соотносить ни с экономикой страны, ни с её местом в мировом сообществе, все его действия важны для него самого. В.В. настоящий, правильный тиран.

Сейчас объясню, что такое правильный тиран на примере сладкой пачочки Гитлер и Сталин. Тут совершенно неважно, кто пролил больше крови, тирания может быть и вовсе бескровной. Вот Гитлер был неправильный тиран, он был идеалист – в том смысле, что у него были идеи: идея превосходства германской нации, идея о жизненном пространстве для

немецкого народа, о том, что один немецкий солдат стоит десяти русских и еще много чего. А у Сталина никаких идей не было, точнее, была одна идея – собственная власть, поэтому он мог быть то интернационалистом, то великодержавным шовинистом – как ему было выгодно. Результат налицо: один процарствовал всего 12 лет и погиб самым жалким образом, отравленный и дострелянный собственной охраной, а другой почил в бозе, оплакиваемый сотнями миллионов людей на пространствах от Янцзы до Одера. Настоящий тиран делает только то, что полезно его власти, или то, что хочется его левой ногой, все остальное для него дело двадцатое.

Если посмотреть с этой точки зрения, Путин необыкновенно успешен. Кстати, В.В. пришел к власти очень сходным образом со Сталиным. Когда Ильич уже был отстранен от власти и мог только писать беспомощные письма к съезду, тогдашние партийные тяжеловесы Троцкий, Зиновьев и Бухарин, собираясь делить власть, решили пока что посадить на трон совершенно незначительную фигуру технического секретаря. Отношение к Сталину было тогда пренебрежительное – полуграмотный кавказец, ещё Ильич назвал его «чудесный грузин», то есть что-то вроде говорящей обезьяны. Каждый из великих думал – пусть посидит этот, пока мы разберемся друг с другом. Но этот разобрался с ними со всеми сам. Так же и в 2000-м году посадили в кресло премьера, а потом президента-технического директора, скромного чиновника городского масштаба. А дальше уж он сам проделал путь до всесильного диктатора.

Существует такая распространенная теория, что все это – и перестройка, и реформы, и воцарение В.В. – есть некая тайная операция КГБ, чтобы прийти к власти. Уверен, это не так. Ну, представьте себе, высшие чины КГБ сговариваются развалить свою страну, в которой они имеют и неограниченную власть, и бесчисленные привилегии, чтобы через двадцать лет к власти пришли даже не их родственники, а какие-то незнакомые им тогдашние лейтенанты. Так что, скорее всего, оказался В.В. наверху случайно. Поначалу он всем нравился. Скромный, демократ. В те времена все были демократами, такая политическая ветрянка быстро прошла. Но довольно скоро выяснилось, что далеко не всё в демократии ему нравится. В первую очередь, сменяемость власти – уходить с поста президента в его планы не входило, и с этого момента и начинается метаморфоза президента в тирана и диктатора. Одновременно со сменой его ампулы сменились и стиль, и суть его деятельности.

В первые свои президентские годы он честно старался заниматься экономикой, освоил какие-то азы этой хитрой науки, собирал круглые столы, приглашал ученых, а потом всё же понял, что это не его. Результаты будут нескоро, если вообще будут, никаких тебе триумфов, нудная тяжелая ра-

бота, «как раб на галерах». А может, понял он, что вообще шансы у России выбраться в первые ряды очень невелики. Или просто ему стало скучно. Он скинул все эти хлопоты на правительство, а сам занялся политикой, так как он это представляет себе и умеет. Отныне его стихия это войны, тайные операции, вербовка.

Еще в далеком ленинградском детстве юный Вова, самый маленький мальчик во дворе, из бедной, практически нищей, семьи, сумевший стать вожаком дворовый кодлы, усвоил навсегда, что угрозами и кулаками гораздо легче добыть власть и славу, чем трудом или талантом.

Он ловко спровоцировал простака Саакашвили и оттяпал кусок Грузии, совершенно разложил элиту Украины и играючи провернул крымскую операцию, набербовал себе несчетно агентов влияния на Западе (видно, и вправду – загнивающим). И все-то ему удастся! Взять хоть ту же Сирию. Только ленивый не предупреждал его: не лезь туда, это будет второй Афган, там сунниты, шииты, ты ничего в этом не понимаешь и так далее. А у него всё получилось и даже гораздо лучше, чем планировалось. Шииты, сунниты, арабы, турки, персы, евреи, Америка, Европа – все стоят на ушах. Три миллиона беженцев в Европе, ещё столько же на низком старте в лагерях – захотим, получите еще одну волну. И в центре всей этой заварухи В.В. – со всеми встречается, всех разводит, всем угрожает. Вот это его!

Вскоре выяснилось еще одно его чрезвычайно важное качество – он везунчик и при этом умеет пользоваться везением, дано далеко не каждому. Вот у власти в Чечне в самый критический момент оказывается совсем еще молодой, потерявший отца парень, и Путин тут же сумел стать для него отеческой фигурой. Скачок нефтяных цен – чистое везение, к этому и рук своих прикладывать не пришлось. Ну и главное его везение – это, конечно, Трамп. Частично, правда, дело рукотворное, может быть, не его лично, но Конторы. Вряд ли кто-то уже в 2006-м предвидел президентское будущее Рыжего. Просто взяли в разработку на всякий случай, на плановой основе. А зацепить такого Трампа сам бог велел: фанфарон, бабник, вечно в долгах. Ну и зацепили чем-то, скорее всего, дали денег. И вот через 10 лет удача – Трамп президент. Наша демократическая журналистика на все лады повторяла, дескать, пророссийская позиция Трампа ничего не значит, американские институты так крепки и устойчивы, что не позволят развернуться президентской путинофилии. Их бы устами! Да, руководство республиканской партии довольно быстро разогнало трамповскую шайку, кого-то уже, кажется, посадили, приставили к нему двух нянек, Помпео и Болтона, отъявленных ястребов и русофобов. Но сделать-то против Путина они всё равно ничего не могут. В.В. захочет, в любой момент спалит Трампа, и тогда неизбежен импичмент, а это озна-

чает для республиканцев форменную катастрофу. Шутка сказать, республиканский президент – агент Москвы! Это вам не синее платье в пятнах. Потому-то они и крутятся как ужи на сковородке, отсюда эти замахи на рубль и удары на копейку. Публикуется список из ста человек, а санкции накладываются только на двоих, да так хитро, что те не теряют ни копейки. Или запрещают въезд каким-то военным, которые в жизни в Штаты не ездили и ездить не собирались. Путин, держа за одно место Трампа, может манипулировать всей республиканской администрацией. Вполне возможно, что и руководство демократов тоже в сговоре. Импичмент им также не нужен. Они видят страшный раскол нынешнего американского общества, и какотреагирует электорат Трампа на импичмент, никто предсказать не может. Мы видели во времена борьбы за гражданские права и против вьетнамской войны миллионные марши на Вашингтон, а представьте себе, что миллионы избирателей Трампа пойдут на столицу и это будут не хиппи с цветами, а реднеки, куклусклан и прочий вооруженный до зубов народ. Путин сделал, говоря шахматным языком, вилку, то есть, каждый ход противника является проигрышем. Трамп у власти – Америка бессильна против Путина, Трампа уходят – в Америке начинается гражданская война. Так что, скорее всего, руководство обеих партий договорилось как-нибудь дотянуть до конца первого срока, а потом решить дело выборами. Это они так думают. Кто знает, какие еще козыри в рукаве у В.В.

Головокружение от успехов

Понятно, от таких успехов даже у самого уравновешенного человека закружится голова. Путина никак не отнесешь к уравновешенным. Кто-то из его шестёрок недавно обмолвился, будто он очень эмоционален, но умеет себя сдерживать. Это верно лишь наполовину, действительно, очень эмоционален и совершенно своих эмоций не скрывает. И главная его эмоция – это радость и удовольствие от самого себя и от своих замечательных успехов. Самовлюблённость и честолюбие – вот пружины его характера. Его выступления – это всегда шоу одного актёра, он ничего не скажет в простоте, всегда должен быть самым мудрым, самым остроумным. Его пресловутая привычка приходить на любую встречу позже всех связана тоже с этим. Ему невыносимо, что он будет рассаживаться вместе со всеми, ему надо прибыть, когда уже все на местах, чтобы на него смотрели, а он, такой, со своей скромной улыбочкой проходит по залу.

У нас есть специальный телевизионный жанр – встреча Путина с гу-

бернатором-директором-министром. Мизансцена всегда одна: В.В. сидит, откинувшись на спинку стула, и смотрит испытующе на собеседника, тот облокотился на стол и непременно склонил голову. Рекорд поставил Абрамович, есть фото, где он буквально лежит на столе щекой и смотрит на шефа, как баран, которого сейчас будут резать. Все это в нашем отечестве не ново и называется культ личности. Нынешний культ имеет свою особенность – личность сама во все это верит. Вот Сталин не верил никому, особенно не верил склоняющимся перед ним. Тут следует отметить некоторые недостатки Путина как тирана. Nobody is Perfect. Он верит лести. Что категорически не должен делать правильный тиран – об этом говорил еще царь Соломон. Тучи вьющихся вокруг него соловьёвых совершенно разрушили в его мозгу последние способности к правильной самооценке. И еще он верит – это уже совсем опасно – всяким завиральным проектам о каком-то супероружии, которое будет только у него и позволит ему стать властелином мира. Академик Векслер придумал когда-то замечательное определение: «Наука – это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет». Предлагаю, по аналогии: «Политика – это удовлетворение собственного честолюбия за государственный счет». Конечно, нечестолюбивых политиков не бывает, не за тем туда идут. Но надо же и меру знать. Хуже всего, что Путин подсел на свои триумфы и без этих минут славы ему и жизнь не мила.

Итак, изучив личность нашего вождя, приходим к выводу, что он не остановится и успешно приведет Россию к коллапсу по советскому сценарию. На Западе некоторое время назад возлагали надежды на санкции против наших олигархов. Дескать, если на них как следует надавить, они восстанут против В.В. Надежда абсолютно беспочвенная. В России в споре между золотом и булатом всегда побеждает последний. Спросите любого россиянина на улице, кого он предпочел бы иметь наверху, буржуя или военного? Девять из десяти выберут погоны. Так что вопрос теперь только в том, когда явится новый Рейган и разберется с Россией. Инструментарий будет, скорее всего, прежний – старое, но верное оружие – тридцать долларов за бочку. Только не на пару месяцев, а на пару лет. Вот к такому выводу относительно будущего России привел нас анализ.

Воспользуемся всё же уловкой сегодняшних синоптиков. Теперь никто не скажет попросту: завтра будет дождик – говорят: вероятность дождя 70%. Так и я оцениваю вероятность коллапса России по советскому сценарию в 90%. Что будет потом, лежит за пределами горизонта предсказаний. Могут прийти к власти фашисты, монархисты, демократы – кто угодно. Турбулентности просчитать невозможно.

Но можно предположить всё же еще один сценарий. Путин вырастет,

наконец, запасы адреналина истощаются, страсть к триумфам стихает. Он начинает слушать не только прихвостней, но и разумных людей, которые в его окружении тоже имеются. Он потихоньку начинает разгрести кучу, которую сам же и наворотил: аккуратно выходит из Сирии, предоставив Офтальмолога его карме, оставляет в покое восточную Украину, начинает переговоры по Крыму (лет, эдак, на пятьдесят), прекращает троллить Запад. То есть становится сам себе реформатором, этаким новым Горби. Реакция Запада просчитывается стопроцентно: его носят на руках, увенчивают лаврами, награждают Нобелевской премией, отпускают все грехи. Западные инвестиции и кредиты проливаются на Россию как дождь на иссушенную землю, всё растёт, экономика буквально взрывается. Волна всеобщий радости смывает всякую оппозицию, и В. В. получает такой триумф, такую порцию любви и признания, что ему хватит до конца жизни. Такой вариант слишком хорош, чтобы стать реальностью, поэтому я и даю ему всего 10%.

Ольга Мельникова, Алексей Мельников

ТЯРПИ, ЗОСЯ, ЯК ПРИШЛОСЯ!

Детство в Беларуси, юность на Урале: 1945-1961

(Продолжение. Начало см. в №№ 24-25 «Студии»)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Моя сестра Зина (25 марта 1930 – 23 марта 1996) прожила 66 лет (без 2 дней). 23 марта 1996 года – она умерла. Через сутки – стукнуло 27 лет моему сыну...

На мясо резали, в реке топили

«Не скажу никОму, // Побегу до дому! // Там зарежу кота, // Бо мой кот – сирота!» Это был стишок из Куцевщины, а теперь – слушок из Кичигино. Болтали, что здешние казаки в 1929 году жестоко убивали скот. На мясо резали, сожрать спешили! И даже просто – в реке топили. Топили не только скотинку! Вот была у кого-то сенокосилка, так он её туда же – в Увельку затащил. Не чтобы спрятать, а чтоб утопла! Вроде бы, веялка была у будущего свекра Зины – так он тоже её утопил. Что такое коллективизация? Загоняли в колхоз, отбирали добро! И люди губили все, что можно было сгубить – и скотинку, и технику...

Обычно я жила у Лены – в избе её свекра. Но иногда ночевала у Зины – в домике её свекровки. Тот домик был саманный, из глины и соломы – времянка, не жильё. Было там холодней, чем в избе! И голоднее было. Тетка Тася отродясь не варила ничего. Никакой гусятины и в помине не было! Только хлебушек жевали. В родном колхозе имени Сталина как говорили? «Чалавек ест хлеб троякий – черный, белый и ниякий!» (Человек ест хлеб

тройной – черный, белый, никакой!) Ну, чтоб «ниякий», – так не случалось. Голодом не сидели, но кроме хлеба, – ничего не было. Холоднее, голоднее и теснее было здесь. Помню, две кровати, что стояли углом. На одной спала тетка Тася, на другой – её сын Шурка (муж Зины). Я и Зина рядом – спали на полу. Ночью всегда мерзли! И бани тут не было – ну, чтоб днем отогреться, если ночью замерз! Мылись по соседям, а больше никак. Печь перед ночью всегда топили. Не угорели ни разу точно! Если топишь очень скупо – как тут можно угореть...

Короче, родня у Лены была богаче, чем родня у Зины. У Зины – сплошь колхозники, за трудодни горбатятся. У Лены – все мужики робят на РМЗ, там денежки живые платят. Красота! В огороде у Зины – только картопля. В огороде у Лены, кроме картохи, и капуста, и морква, и прочий овощ...

Сталин уже помер!

Мы, куцевские, к чему привыкли? Огород один, а грядок много! А у кичигинских – одна картошка, почти у всех. Почему? Прежде всего, надо робить в колхозе с утра до ночи: «Маменька родимая, работа – лошадиная!» Ну, кроме заводских, в колхозе не занятых, но мало было таких. И потом, Урал – это не Кавказ! Там палку воткнул – и яблонька выросла. За любым ростком – нужен глаз да глаз. Стало быть, нужно время – а где его взять? Удобрения нужны – на что их купить? И нужно знать: что посадить, как ухаживать, чего избегать? Но голоду не знали – ведь хлеб с водою был. Тетка Тася тюрю на воде давала Андрею. Это второй сын Зины и мой племянник. Он родился в 1963 году. Через 10 лет после Шурика. Куцевские говорили: «До каровы пойду, малака украду!» Коровы не было у тетки Таси. Хотя товарищ Сталин уже помер! Ни печенья, ни молока Андрей в Кичигино сроду не видел. Не то, что Шурик в Куцевщине. Зато Шурик умер в три года (1953-1956). Андрей же дотянул – до пятого десятка (1963-2003)...

Масло было в магазине – денег не было в кармане! Откуда денежки у нас, колхозников? Это 1950-е годы. Деньги возникли – масло пропало! Это 1970-е годы. Ну, как в сказке: или дудочка, или кувшинчик. Одно из двух! На витрину посмотрел, облизался и домой. И все же Кичигино – не Куцевщина. Взять, к примеру, хлеб. Из Куцевщины мы за ним – аж в Несвиж шли. Это 19 кэмэ в один конец. Четыре, если не пять часов пешком-то. И как могло быть? Магазин открыт, а хлеба нэма! Продали весь уже. А в Кичигино – совсем другое дело. Лавка в селе своя, и хлеб в ней есть всегда. И какой хлебушек! В Несвиже – бледный вовсе, в Кичигино

– очень румяный. Там – приземистый, тут – поднявшийся. Тот давить – без толку, этот прижми сверху – так он поднимется...

Магазин в Кичигино – старый краснокирпичный дом. Может, это был лабаз, что еще царя запомнил? Лет 40 вполне могло ему быть (1916-1956). Стены из кирпича, крыша под жостью. Ворота и ставни – все из железа, с узорами, покрытыми зеленой краской. И ставни я открытыми – не видела ни разу! Ворота же распахивали вширь – вот туда и заходила я...

За решетку загремишь

Сумки нету, в руке рубль. Это бумажный клочок бумаги, с паспорт размером. Где-то 8 на 12 сантиметров, цвет – грязно-желтый. Займу очередь – стоять недолго. Передо мной всего несколько человек. Пришел мой черед – подаю свой рубль. Мне дадут булку-кирпич – за 28 копеек. И сдачи отсыплют – 72 копейки. Сдачу проверить? Темно! Ставни закрыты, лампочка тусклая. Кирпич под мышку, сдачу в кулак – бегу домой...

Бегать мне так случалось часто! Тетка Тася меня запросто посылала. Иногда рубль давала с собой. Бумажный, всегда бумажный! До 1961 года – из металла рублей не водилось. Но чаще мелочь давала мне. Отродясь было как? Насыпет в горсть копейки: «Сама, Воля, считаешь! Купи булку хлеба белого. Ржаного не надо! Возьми на сдачу конфет еще». «Каких?» «А таких, чтобы с одной – пять стаканов чаю выпить!» Конфеты были – типа леденцов. Или подушечки кориичневые, словно какао обсыпанные. Безо всяких этикеток – россыпуха в кульке газетном. И никто не дрожал: а вдруг там портрет Хрущева? Это не при Сталине! На три года раньше – вздумай только ляпнуть: «Можно мне Сталина за яйца взять?» Не успеешь оглянуться – за решетку загремишь! Вполне съедобные были конфеты. Одни с повидлом, другие – без него. Господи! В родном колхозе имени Сталина – никаких не видали! Ни «стекляшек», ни «подушек». А стоял-то кичигинский магазин – против хатки, половинку которой позже маме купили. «Скобяной» – его звали, синий цвет он имел одно время. А вообще его часто красили...

Кошелки нету, иду назад, и все – в руках. И хлеб, и сдача, и конфеты. Очередь за хлебом? Примерно 10 человек, это самое большое. Ни 50 душ, как в Несвиже! Идти недалеко, кроме хлеба – конфеты есть, стоять недолго – красота! Я приду с покупками, тетка Тася скажет: «Садимся чай пить!» Повторять не трэба! Не про нас сказано: «Собираются, як голодный – срать!» Сегодня же – все скушаем. И хлебушек, и конфетки. На другой день: «Воля! Сбегай...»

Что такое контра?

Кофе? Не пила ни разу до самого замужества. Стало быть, до 23 лет (до 1962 года). И позже пили мы что? Не кофе натуральный, а напиток кофейный. Название «Балтика». Рисунок на пачке – синее море, белый пароход, голубое небо. Хоть буквы мелкие, но прочесть можно: цикорий есть, а кофе нету! Пить натуральный кофе? Лет уж 40 мне было (1979) когда его отведала. Отдельный разговор о растворимом кофе! Слыхали-то многие, но мало кто пробовал. Завороженно говорили об этой диковинке: «Насыпал в чашку, залил кипятком! Кофе готов – варить не надо». Многие не верили! Куцевские бы сказали: «Эта же надо такое подумать! Брешет як собака! Эта же надо такое сказать!» Партийный ляпнул бы: «Что за контра!» То есть контрреволюция. За нее при Хрущеве – уже не сажали. Но любой помнил, как часто сажали за нее при Сталине...

Чай? В Куцевщине сроду не было. Только в Кичигино, уже 17-ти лет (1956) отведала я его. У тетки Таси, скорей всего. И конфетки попробовала – там же я. Это были не леденцы, а «стеклянные» подушечки. Сверху – прозрачные, внутри – повидло. Позже помню – карамель «Парварда». Это белые комочки, похожие на тесто, безо всякой начинки...

Помнится припевка: «Девочка Надя, // Чего тебе надо? // Ничего не надо, // Кроме шоколада!» До 20-ти лет (1959) точно шоколад я в глаза не видела! А как увидела – не враз отведала. К моей подружке – поклонник бегал. Этот хлопец шоколадку ей обычно приносил. «Корова», что ли, она звалась? Точно помню, коровка там была на обертке. Может, с того и помню эту корову, что шоколад был редкостью! Почему редкость? Либо не было его в свободной продаже, либо стоил он очень дорого...

Одних сажали, других пугали

Тетка Тася, её сын Шурка, да еще Зина, да я сама – вчетвером жили мы. Я не готовила – тут все ясно, я же в гостях. Но Зина тоже не готовила. И, по-моему, Шурка ничего не просил! Может, привык уже к жизни такой? С матерью жил – она не готовила. Живет с женой – она не готовит. Мать-то Шурки, тетка Тася, что по дому, что в колхозе – не спешила вкалывать. Не помню её за работой, а помню её на телеге! Рядышком с хахалем. У нас, в колхозе имени Сталина, как говорили? «Не угодила делом, так угодила телом!» Он был – бригадир, а она – помощница. Сколько я их помню: тетка Тася отродясь – с бригадиром на телеге. Любовь с ним крутила – вот так вот робыла. Красота! А Зина и Шурка пахали как лошади. Куда колхоз пошлет, туда идут горбатиться...

И еще тетка Тася без конца повторяла: «Ведь Шурка-то мой – казак ко-ренной! А что Зина? Белоруска, вот и все! Ох, не к лицу ему на ней женить-ся». Этот «коренной» казак был со скрюченной рукой. И со скрюченной ногой – тетка Тася его с печки уронила. Это давно вышло – Шурка был дитем. Потом он вырос, сошелся с Зиной. Тетка Тася принялась тыкать Зину «белоруской», словно это позор. Шурка и Зина уже спали, но еще не жили вместе. Все потому же – «беларуска не к лицу, казаку нужна другая». Расписались они – когда Шурик родился. И на свадьбе (очень скромной), и после нее (очень долго) тетка Тася тыкала Зину «белоруской» ...

Одних «рассказачили» (то есть раскулачили), других напугали? Не знаю. Может быть! Небось раньше (в 1920-1930-х годах), все кичигинцы мол-чали, в казаки никто не лез. Чтоб не раскулачили да в тайгу не выслали. Там погибали тыщами – на лютом морозе, с детьми на руках, без крыши над головой. Зато теперь, через 20 лет, стали выпячивать свое «казачество». Дескать, мы одни такие – самые умные, самые красивые, самые умелые. В общем, выпендривались они! А на самом-то деле? «Дед был казак, отец – сын казачий, а я – хрен собачий!» Нос задирать всем нравится. В Беларуси – западники выпендривались перед нами. На Урале – перед нами казаки выпендривались. Хотя внешне – ни те, ни эти от нас не отличались. Вот идет, к примеру, человек по улице! Разве по нему видно: казак или нет? Из Куцевщины приехал или вырос в Кичигино...

* * *

У куцевских была загадка: «Пришел до панёнки – паныч // И каже: «Позычь!» // «Ни, панычу, // Не pozyчу. // Толстый маешь, // Не вопха-ешь!» Отгадка: паныч – палец, панёнка – кольцо. «Толстый маешь, // Не вопхаешь!» Палец слишком толстый, в кольцо не пролезет. Толстому пальцу в широкое кольцо не пройти, это точно. А вот простому человеку в тюрьму попасть – очень легко! Так вышло с Зиной. Когда ей было – под 50 лет...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мой брат Коля (21 октября 1935 – 19 сентября 1987) прожил 52 года (без 1 месяца). Он умер в том же году, когда моя дочь закончила институт. Она получила диплом – в июне, а Коля умер – в октябре...

На войне – гадко, на службе – сладко

Я помню точно – маленький Коля мечтал об армии. Отродясь было как? Подойдет к столу, что в нашей хатке. И начнет мериться: перерос или нет? Потом скажет: «Вот вырасту выше стола – и сразу в армию пойду!» Еще война не кончилась, а он уже так говорил. У нас, в колхозе имени Сталина, считали так: на войне – гадко, на службе – сладко: «С чего солдат гладок? Наелся и набок!» И накормят от пуза, и оденут як трэба! А вырос Коля – и расхотелось ему. Сама видела – он прямо плакал на своих проводах. Почему? Идти не хотел! С чего плакал? В октябре 1954-го стукнуло ему 19 лет. Через месяц-другой (в ноябре не то декабре) его забрали на 3 года. А если бы родился чуть позже – не в октябре, а в январе? Служить бы годом позже пошел – не в 1954-м, а в 1955-м. Тогда призыв был – 1 раз в год, а не 2 раза – как сейчас. Может быть, Коля с того и плакал...

Вот отслужил он полтора года, и еще столько же осталось. Весной 1956-го Коля приехал в отпуск. Он зашел в хатку, а меня нету – на выпускной вечер ушла. Ага, тот самый, где выдали мне аттестат, а танцевать не пустили! Горелку не принесла. Либо деньгами, либо бутылкой – брали за вход. Позже Коля как раз про горелку рассказывал: «Служу в Германии, дивлюсь на немцев! До чего народ воспитанный. Вот бутылка на дороге стоять будет? Так никто и не тронет ее! А у нас? Полная стоит – мигом выпьют. Чтобы захмелеть скорее. Пустая она – тогда сдадут. Чтобы денег выручить». Короче говоря, немцев у нас уважали. Чего не скажешь о поляках: «Русский, немец и поляк // Танцевали краковяк. // У поляка – чёрна срака, // Он не может краковяка...»

Отпуск был короткий, но Коля успел сходить в Смоличи. Вместе мы пришли, он увиделся с невестой, я в сторонке постояла. И ждала я терпеливо! Не так, как случалось в сопливом детстве. Бывало, идем куда-то гуртом. Младшие, как всегда, отстают. Тогда Коля подгоняет: «Шнэлля, шнэлля, шнэлля!» Так вот, с невестой Коля расстался. После отпуска – вернулся в Германию. Через 18 месяцев – службе пришел конец. Осенью 1957 года – Коля приехал в Кичигино. Он привез мне целых 2 отреза ткани, чтобы на 2 платья хватило. Да еще 2 платка (большие, красивые) Коля маме подарил...

Выпивка на кладбище

Помню я песню: «Беларусь, моя старонка, // Край мой вольны, дороги! // Ты идзешь наперед гонко // Нясешь Ленина стягИ». Ленина стяги – ленинские знамена. На знамена – тканей хватило, вот с одёжкой – иначе было. То-то радовалась я, когда Коля привез 2 отреза! Один – ацетатный шелк, белый в клеточку. Другой – китайский шелк, желтый с розовым. И

мое платье, желтое с розовым, было одно на все Кичигино! Тут дело не только в расцветке. Тканей-то вовсе в продаже не было. Не привези Коля отрезы – так и ходила бы я в обносках...

Ну вот, с невестой Коля расстался. Он очень переживал и почти отчаялся. А тут встретилась Дрищица – это прозвище, не имя. Наша Лена как-то раз показала Коле фото. И он стал Дрищице письма писать. Пришел со службы – бегать к ней начал. Коля – в Кичигино, Дрищица – в Южноуральске. Туда и назад – это 8 кмэ. Раз пришел затемно, два пришел затемно. Я сказала маме: «Ох, боюсь за Колю! Ходит по ночам. Вдруг его убьют?» Мама в ответ: «А что поделаться?» «Так пускай женится!» Она согласилась, и Коля женился – летом 1958-го. Меньше года прошло после армии...

Кичигино – не Куцевщина, и свадьбы тут другие вовсе! Прежде всего, здесь бабы пьют, чего там не было! Взять тетку Нюру, родню Володьки (муж нашей Лены). Как родительский день, народ валит на кладбище. Добрые люди приняли малость – и пошли до хаты. А тетка Нюра нажрётся так, что на ногах не держится! Свалится где-нибудь между могилками. И будет лежать, пока не проспится. Дочка тетки Нюры – вроде не пила. Она вышла замуж и родила девочку. Так девочку – спасти смогли, а сама рожевица – умерла...

«Дорогой товарищ Сталин, // На кого ж ты нас оставил? // На Никитку подлца, // Не попьём теперь винца!» По-моему, наоборот! При Сталине – куцевские почти не пили вовсе. А при Хрущеве – кичигинцы пили всюю. Водку в лавке отпускали каждый день – до 23.00. В Куцевщине-то лавки сперва не было вовсе! Потом её открыли – но водки не держали. Кроме самогонки, сроду куцевские – ничего не нюхали. И пили-то не каждый день! Пасха – весной, Фэст – летом, Рождество – зимой. Ровно 3 раза за целый год. Ну, еще свадьба, слава Богу, или похороны, не дай Бог. Всего 5 пьянок, никак не больше...

Чтоб тебе скопытиться

Еще одно – в Кичигино все матюгались, и мужики, и бабы. «Грёбаный по голове!» Это тетка Нюра вполне могла ляпнуть. В Куцевщине-то – я даже слов таких не слышала. Не от малого, ни от старого! Отродясь было как? Ругались, но без матерков: «А каб тебе скопытиться – еще до вечера!» «А кабы ты до завтра – руки на себя наложила!» «А каб тебе до воскресенья не дожить!» Бранились часто все, но никто не матерился...

Регистрацию не помню. В Южноуральске я в тот день была, а не в Кичигино. И на свадьбу Коли – попала не с утра, а поближе к обеду. Конечно, день был выходной, а не рабочий. Автобус не ходил еще. Видно,

я ехала на попутке. Не пешком дошла, нет! Пешком мы только зимой ходили – зимник был короче летнего пути. Чем за попутку платили? Или деньгами, или яйцами, или даром – если знакомый подвезет. И незнакомцев мы не боялись, по крайней мере, засветло! Когда я вошла, гулянка была в разгаре. Наша половинка хатки – прямо ходуном ходила. Помню, мама холодец сготовила, сварила картошку, с водкой кто-то ей помог, селедка тоже была...

У нас, в колхозе имени Сталина, что говорили? «Як сироте жениться, так ночь коротка». (Чем беднее жених, тем скромнее свадьба). Так и вышло! Выпивки – много, закуски – мало. И потому все окосели очень быстро. Спьянылы! И все 10 не то 12 гуляк – повалили к речке, чтобы охладиться! Ну да, шагали мимо народного суда. Но там же тоже – день выходной. В окно не лезешь – и чёрт с тобой! Не ходить мне с ними? Все пошли и мне охота. Дошли до воды, стали нырять и плескаться – при речке же росли. А я стою на берегу. Плавать-то не умею! Вдруг кто-то хватя меня за руку: «Пошли, пошли, пошли!» И прямо в платье поволокли. Батистовое платьице с голубенькими цветочками. Очень красивое...

Ты меня утопишь!

Кто меня тащил в речку? Ни лица не помню, ни по имени. Думаю, что был – самый здоровенный! Куцевские бы сказали: «Сам вырос до неба, а дурань – як трэба!» Ну да, я пыталась бороться, но он оказался сильнее. И сразу давай меня окунать с головой! Я тут же в крик: «Плавать не умею! Ты меня утопишь. Я же захлебнусь!» А что толку? Ведь он сильнее! Вот вода уже – мне до шеи, вот с головой окунул, вот уже дна не чувют ноги. Ну, потом нашелся человек с мозгами. Отогнал он купальщиков от меня, слава Богу...

Вылезли на берег, бабы – в платьях, мужики – в трусах. Подсохли малость, айда назад! Обратнo шли мимо сельсовета. Ну и что? В дверь не стучишь – и чёрт с тобой! Среди гостей был один парень – приятель Володьки (муж нашей Лены). С будущей женой он засел в кладовке, а я туда заглянула. Мама зачем-то меня послала! И я назад пришла с пустыми руками. «Воля, что такое?» «Там сидит парочка! Войти мне неудобно». «Ладно, Воля!» Мама сама зашла – то ли за холодцом, то ли за самогонкой? Не водка из лавки, а мутное белое пойло. То ли мама купила, то ли выменяла? Со свадьбой-то пришлось спешить. Молодые спать уже начали! Надо, стало быть, быстро грех прикрыть! Вот самогонка и не выстоялась. Мама бы сказала: «Пусть сырое дадут сироте – у него докипит в животе...»

И еще одно в кичигинских свадьбах! Сроду было так: поддадут и шага-

ют по улице. И любому встречному – наливают рюмочку. Даже если ты не хочешь – водку силком в горло вольют! А у главного – привязан к поясу чулок капроновый. Выпил рюмку – положи денег! Однажды зимою меня так поймали. Я сразу в крик: «Я не пью, я не пью, я не пью! Отпустите вы меня». Не дай Бог встретить свадьбу! Ну, в тот раз – мимо шла тетка Маня, алкашиха и родня Володьки (муж нашей Лены). Получилось, что она меня спасла...

Веселуха на поминках

Они наливают, она выпивает. Еще налили – выпила еще! «Чем же вас отдарить?» Она им говорит. Подняла какашку мерзлую и в чулок её засунула. Да-да, прямо туда, где деньги и конфеты! Ай да тетка Маня! А они что? Поддатые же все! Сунула и сунула. А что она сунула – они не глядят. «Сюда камня синего // Да говна гусиного!// Як загусно – // Будя вкусно!» Думаю, денег там набиралось не много. И шли эти деньги – не молодым на хозяйство. А гулякам – на пропой...

Что Зина, что Лена – без свадьбы расписались. Свадьба Коли – исключение, а не правило! Почему? Так ведь это дорогое удовольствие. Свадьбу, даже самую скромную, надо напоить и накормить. Откуда денежки у нас, колхозников? «Жить нам стало лучше, стало веселей. Шея стала тоньше, но зато длинней!» Это святая правда – жить лучше стали. Ведь натурой (например, помидоры) в здешнем колхозе платили – лучше, чем в родном колхозе имени Сталина. Но денежек наличных – все так же не давали! Ну вот, свадьбу надо сперва – напоить, накормить. А потом еще одно – дело не из легких! Надо же выгнать гостей за дверь. Именно выгнать, да-да-да. Что там свадьба! Кичигинцы так пили, что их с похорон – и то выгонять приходилось! Что поженили, что схоронили – для них гулянка. Отродясь только так: пока не выгонишь – сами не уйдут...

Примерно 6 лет – наш Коля прожил с Дрищиной (1958-1964). Нажили 2 хлопчиков: Сережу и Васю. В 1964-м у меня самой – дочка родилась! Коля с женой пришли нас поздравить. Он говорит ей: «Воля-то, Воля наша – девочку родила!». Дрищица бормочет: «Ну и что теперь – прыгать, что ли?» Она всегда была неприветливой. И не только со мной, и не только в тот раз. Однажды я была у них, и Коля рассказал: «Воля, как-то раз пьяный я пришел. Так Дрищица меня – на порог не пустила. Только швырнула мне ватник! Ложись, мол, в подъезде. Там и спал я». Короче говоря, не дружно они жили. Не за него пошла Дрищица, а так, вообще – лишь бы выйти. Мол, все подружки вышли замуж – а я чего не замужем? Надо же выйти – хоть за кого-то! За Колю, так за Колю...

Утонул, посадили, убит?

Куцевские говорили: «Вот пан Пилсудский – // С ним френч французский, // Парфюм да мыла, // А сам – дурныла!» Это прямо про Дрищику, себя она считала красивой. На работу – не ходила вовсе, зато красилась каждый день. Без помады на губах – ни разу её не помню! Одежду новую часто она себе покупала. В общем, и день, и ночь – занималась собой. Зачем детей рожала? Не знаю я! И Дрищица есть – не готовила. Вечно голodom сидели – и Коля, и Сережа, и Вася...

Прожив с Дрищихой несколько лет, однажды Коля – раз, и пропал! Мы удивились, гадать пустились: утонул в речке, посадили, убили в лесу? Сколько ни гадали, ничего не придумали. И вот однажды – сидим в гостях у Лены. А по телевизору – новости идут. И нам говорят про новый завод. Где-то в Средней Азии, не помню республику. Завод урановый? Может быть. И показывают Колю! Наладчиком работает. Конечно, мы все обрадовались! Потом узнали, что Коля там получил 3-комнатную квартиру. Вот это да! Своя «трешка», хотя Коля – не начальник. Только мечтать о такой жизни! Но Дрищица не хотела туда ехать. И через год – Коля вернулся назад...

Бывало, спрошу я: «Зачем ты пьешь, Коля?» А он в ответ: «Эх, Воля, Воля! Чем больше выпью – тем раньше сдохну!» Сроду Коля был – хороший, спокойный, покладистый. Его было легко склонить – и на плохое, и на хорошее. Особенно после 2-го инфаркта. Не помер Коля еще от 1-го – и на том спасибо! Ну вот, прожив 6 лет с Дрищихой, Коля с ней развелся. Поделили жилплощадь: детям и Вале досталась 1-комнатная квартира, а Коля в комнате очутился. И вскоре он – опять пропал! Потом узнали: набрал он выпивки и заперся в комнате. Улица Московская, дом 3, квартира 11. Там он и пил – несколько дней подряд, не выходя на улицу. Пришли к нему, стучимся в дверь. Открыл нам Коля не сразу. В комнате на полу – прорва пустых бутылок! А сам Коля выглядел тяжело больным. Я вызвала «скорую помощь», чтоб его увезли. Промыв ему желудок, Колю домой отправили...

* * *

В Куцевщине была песня: «Пока в хатке труп лежал – // Еще было трошки жаль. // И по улице несли – // Все же слезки капали. // А как вышли за село – // Уже стало весело!» Слава Богу, это с Колей не случилось. Валя, его последняя жена, похоронила Колю как трэба. Кажется, она до сих пор – ходит за его могилкой...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Моя землячка Броня – родилась в Белоруссии. Моя землячка Валя – выросла на Урале. В 1956 году Броня убила Валю. В том же году – я навсегда уехала из Белоруссии на Урал...

Работать будешь, пока не сдохнешь

После обмена денег (1961) помню в обиходе: «рублики», «трешки», «пятерки». Десятка или четвертак? Никогда! Полста или сотня? Тем более! И в руках не держали, и в глаза не видали. Через 20 лет (около 1982 года), я первый раз увидела – «полтинник» одной бумажкой. В гостях у знакомых, они 300 рублей приготовили, чтоб поменять их на тыщу марок. Для поездки в ГДР – тогда это было большое событие! Ну, все равно как в космос слетать...

Лет 10 еще (1961-1971) никто почти не говорил «рубль», «три», «пять». А говорили так: десять, тридцать, полста – старыми деньгами! Новая «десятка» – это сотня «старыми»! Откуда денежки у нас? Мама – в колхозе горбит, только за «палочки» – без всяких денег. Зина – робыла за деньги, но сколько получала – не знаю. Лена – в декрете сидит, что-то платили ей, но точной суммы не помню. Помню, декретный отпуск был – месяц до родов и месяц после. То есть вдвое короче нынешнего. Маме 55 сровнялось (1967), ей положили пенсию – ровно 13 рублей. И то счастье! Сроду было как – у нас, в колхозе имени Сталина? Пенсии же не давали! Если колхозник – знай свое место. Работать будешь, пока не сдохнешь...

Куцевские говорили: муж должен жену «любить як душу, трясти як грушу!» Любил ли тот старик свою старуху? Не знаю! Но подчинялся всегда. Это одна из шести семей, что прибыли в Кичигино из Беларуси. Старик-то был – уже дряхлый, зубы выпали почти все. Старуха же выглядела неплохо и наряжалась как молодуха. Числилась она в той же бригаде, где мама наша робыла. Помню, мы с мамой пришли к ним в гости: «Старик!» «Чего?» «Провиант вышел весь! Иди в лавку, покупай. Не купишь провиант – не выйду на работу!» «Ты не выйдешь – начальник ругаться будет». «А мени вшисткоедно!» Старик вздохнул, в лавку пошел. Провиант – это сладкое: печенье не то конфеты. Через день, никак не реже, старуха в лавку его гоняла. Богато жили, стало быть! Откуда денежки? Ей-Богу, не знаю! Может быть, старик был пенсионер и ветеран. Или сына у них – убило на фронте? Тогда деньги могли быть...

Батьку брат убил?

Это семья, как и наша, прибыла из Беларуси. Только не из Куцевщины, из нее – мы одни в Кичигино приехали. И тоже безотцовщина – мама, трое сестер, братка. Все 3 сестры – дружили с нашей Леной, а через Лену – и с нашей мамой. «Кто помер, тот – в яме, не помер – так с нами!» А если не с нами, а если не умер? Тогда в тюрьме! Это прямо про их брата. И слушок ходил – батьку он убил! Главой семьи – мама была. Имя брата я не помню, я ж его не видела – он в тюрьме сидел. Что сидел он – это точно! Убил ли батьку? Не знаю я. Но болтали, что убил...

Старшая сестра – Лена, средняя – Зоня, а Броня – младшая. Эта Лена была старше нашей Лены, но моложе нашей мамы. И потому дружила с обеими. Эта Лена была симпатичней и Зони, и Брони. И дитё у Лены было, а вот мужа не было. Уже в Кичигино эта Лена вышла замуж. И родилась двойня, хлопчики-близняшки. Оба дружили с Андреем, сыном нашей Зины: «А, у вас тоже дитятко есть? И вам Бог дал, и нам Бог дал!» Обычное дело – земляки водились с земляками. Ведь старожилы в Кичигино – ставили себя выше приезжих. Отродясь считали как? Вы, белорусы, нам, казакам, вовсе не ровня...

Так вот, Броня – была младшей. Однажды эта Броня – убила свою подругу. Валею жертву звали, была она из Бузулука, не из Кичигино. И были они ровесницы. Но Валя-то – красавица, а Броня – так себе. С чего бы им дружить? Ей-Богу, не пойму! Что Броня с приветом – по ней было видно. Адивотка, проще сказать. В общем-то, все сестры были странноватые. К примеру, Зоня любила с мужиками заигрывать, а Броня – школу бросила, осталась недоукой. Где они, Броня и Валя, встретились – в лесу, что ли? Между Кичигино и Бузулуком. Болтали-то по-разному! Броня отнять что-то пыталась или просила что-то у Валею? Не знаю точно. Но только Броня пристукнула Валею...

Валею нашли мертвой

Валя с Бузулука, Броня с Кичигино – это не мешало дружить. Все бузулукские в кичигинский клуб на танцы бегали. В Бузулуке своего клуба не было! От Кичигино до Бузулука – полтора не то два км. Слово Куцевщина с Богоровщиной – по карте это одна вёска, а для жителей – две разные...

Чем-то Броня стукнула Валею – так говорили. Сперва поругались, потом разбежались. После Валею нашли мертвой. Труп «повесили» на Броню? Не знаю. Но суд был – это точно, хоть я на нем не была. Судили Броню в

Увелке – в райцентре. После суда Броню увезли: «Вот так вот: дали один год, прошло много лет, а её все нет!» Это вышло сразу после школы – учились-то мы вместе. Успевала Броня плохо, дразнили её часто! Ведь она тоже – по-белорусски, а не по-русски говорила. С того и школу бросила, что там её дразнили? Не знаю, может быть! Весной 1956-го – Броня еще в школе. Летом – была убита Валя. Осенью 1956-го – Броня в тюрьму попала. Была она переросток – ей уже 16 лет стукнуло. Уже паспорт на руках, 7-летку все не кончит! И таких было много. В 1956 году в одном классе могли быть и 16-летние, и 18-летние, и 20-летние даже. В родном колхозе имени Сталина как говорили? «Век живи, век учишь, дураком помрешь...»

Зоня (средняя) это не Броня (младшая). Слава Богу, Зоня никого не убила. Но сроду была не от мира сего. Замуж не вышла, детей не завела. Характер у Зони был неприятный. Гораздо хуже, чем у Лены (старшая). Наша Лена с этой Леной были не разлей вода! Всюду вместе, что на танцы в клуб, что в Нагорное за продуктами. В этом селе было все: шахты, шахтеры, шахтерское снабжение! Даже через 30 лет (уже 1980-е годы) мы туда ездили за посудой. Наш набор из нержавейки (три кастрюльки и три крышки) там был куплен. Обе Лены до Нагорного – пешком ходили запросто. Через лес напрямки – всего 4 кмэ, никак не больше. Там сливочное масло, там свежее мясо, там соленая селедка – и все без талонов! Только за хлебом – туда не бегали. Ходили в Нагорное не каждый день, конечно! Чтобы много купить – денег много надо. Но ближе к празднику – всегда ходили. Стало быть, дважды в год: перед 1-м Мая и перед 7-м Ноября...

Лену машина сбила!

В Куцевщине была песня: «Ах Лявоніха, Лявоніха мая, // Ты сягоння, нібы ружа, расцвіла, // Расцвіла буйнымі кветкамі // З добрым мужам ды і з дзеткамі». (Ах Лявони́ха красавица была, // И сегодня будто роза, расцвела, // Расцвела цветами славными // С милым мужем, с детьми малыми). Это прямо про Лену, что дружила и с нашей Леной, и с нашей мамой. Была она очень приятная женщина! Косы длинные заплетет, потом их уложит – слева и справа от макушки. С нашей Зиной эта Лена тоже дружила. Прежде чем она умерла, этой Лене от РМЗ – дали половинку дома. Мы к ней в гости бегали! Типа коттеджей были дома. Дали Лене полкоттеджа за хорошую работу! До завода она – в колхозе робила, там её тоже ценили. Но колхоз-то жилья не давал никому...

«Черный ворон, что ты вьешься // Над моею головой? // Ты добычи не добьешься, // Я – солдат еще живой!» Ясное дело, что эта Лена – в солдатах не служила. Но погибла рано! Когда это было? Около 1960 года. Эта Лена с

нашей Леной – спешили к остановке, чтоб на автобус сесть. Вот он уже показался, а им еще через дорогу – идти да идти. А с другой стороны – летит грузовая машина. Наша-то Лена перебежала, а эту Лену – сбил грузовик. Нет, не насмерть! Но захворала она всерьез. Умерла она не в раз, годков где-то через десять. Но все равно – хлопчики-близняшки еще малы были. До самой смерти – наша Лена дружила крепко с этой Леной. Иногда помогала по дому. Праздники – точно вместе встречали! Только в Нагорное наша Лена – теперь ходила без этой Лены...

Отродясь было как? Если праздник – все кичигинские брагу пьют. И меня однажды тоже угостили. Бутыль в поллитра, а вместо пробки – комок газеты. Сама брага цвет имела – очень мутный, серо-белый. Как если в спирт – воды налить. Это не праздник был, я просто домой зашла к однокласснице. Я зашла, они пьют. И мне тоже налили! Отказаться неудобно, я пригубила чуть-чуть. Брага была такая сладкая! Все же я рюмку не допила. После голова заболела страшно. Кажется, еще немного – разорвется голова...

* * *

Позже кто-то говорил, что видел Броню в какой-то тюрьме. А кто мог сказать? Тот, кто сам сидел там: «Вот, дали ему год, отсидел два, вышел на волю!» Вышел на волю – сказал про Броню...

ЭПИЛОГ

«Служила наша Танечка в столовой заводской...»

У нас, в колхозе имени Сталина, байка ходила: «Вот хохол и русский. Как-то раз их угостили. Каждому дали сала и хлеба. Русский все быстро съел, а хохол – ест да ест, все никак не доест. Русский: «Тебе, видно, больше дали!» «Чому же больше?» «Ты все ешь да ешь!» «Ни, дали мне трохи – как и тебе!» «А что же ты так долго ешь?» «А я хлиб-то им, а сало-то отодвигаю». Это байка про нас прямо. Голода как при Сталине – при Хрущеве не было. Но излишков – не водилось! Сроду было как? Хлеб и сало есть – надо тут же съесть...

«Танечка» – песня из фильма «Карнавальная ночь» (1956). «Ах, Таня, Таня, Танечка, // С ней случай был такой: // Служила наша Танечка // В столовой заводской». Не каждый завод – столовку имел. К примеру, не было её на РМЗ (Кичигино). А открыли бы столовку – цены бы кусались в ней. Кому по карману? Да только начальству. Работать в столовке – это вообще мечта! Как замуж выйти за космонавта...

«Работница питания // Приставлена к борщам, // На Танечку внимания // Никто не обращал». Не может быть такого. Да все бы обратили! Местечко хлебное у этой Танечки. Любой бы мужик – стал свататься к ней. И любая баба – лезла бы в подружки. А дитё любое – слюни бы пускало...

«Был в нашем клубе заводском // Веселый карнавал. // Всю ночь боярышне одной // Весь зал рукоплескал». Опять же, не всякий завод имел свой клуб. При кичигинском РМЗ клуба не было. А открыли бы его – какой карнавал, какие костюмы? Какой наряд боярышни! Халат рабочий есть – и слава Богу...

«За право с ней потанцевать // Вели жестокий спор // Фанфан-Тюльпан с Онегиным, // С Ромео мушкетер». Фанфан? Это понятно, парень из кино – видели его! Онегин? Тоже ясно, герой из книжки – в школе проходят. Но кто такой Ромео? В кино его не видали и в школе не изучали...

«И вот опять в столовую // Приходят слесаря, // О дивной той боярышне // С восторгом говорят». Беседа за обедом? Это вряд ли! Один домой пошел есть. И другой – туда, и третий – тоже. И только я одна – на заводском дворе. Молчу, сижу да хлеб жую...

«Она была под маскою, // её пропал и след, // Эй, Таня, Таня, Танечка, // Неси скорей обед». В дорогом ресторане – да, обеды разносят! Сперва официант принесет первое, потом – второе, а там уж – третье. В заводской столовке – нет официантов. Зато есть раздача – сам выбирай и сам плати...

«Глядят, а им боярышня // Сама несет обед. // Не может быть! Представь себе! // Сама несет обед». Вот именно, представь себе! Как это может – простой трудяга с нищей полочки зайти в кабак? Это одно, теперь другое. Сама несет обед? Святая правда! И принесет, и унесет, и обсчитает – все сама...

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ:

АЛЕКСЕЙ ДУРНОВО Родился 1 августа 1985 года в Москве. Выпускник историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). С 2007 года журналист радиостанции «Эхо Москвы». Автор книги «Мяч в игре» об истории футбола. Лауреат премии «Большая книга 2018».

НАТАЛЬЯ РОЗЕНБЕРГ Переводчик, поэт, прозаик. Состоит в творческих союзах: Московская городская писательская организация СПР, Союз переводчиков России. Живёт в Москве.

ГАЛИНА ШЕСТАКОВА Родилась и живёт в Перми. По основной специальности – бухгалтер. Но для расширения кругозора успела поучиться и поработать камнерезом (скульптором по малым формам), маркетологом, библиотекарем, дизайнером, манекенщицей, продавцом, директором и даже уборщицей. Пишет много прозы. Публиковаться начала недавно. В местной газете недавно появились ее небольшие рассказы, а в февральском номере журнала «Уральский следопыт» выходит рассказ «Налей бабушке выпить...»

МИХАИЛ КАРЕЦКИЙ Родился в г. Гатчина в 1979 году. Окончил музыкальное училище. Учился в ЛГУ на биофаке, но в связи с семейными обстоятельствами университет не закончил, работал в музее, на почте, в банке, в ресторане, теперь работаю в фотолаборатории, занимаюсь художественной форографией. Стихи начал писать в школе. Публиковался в местной прессе.

КОНСТАНТИН ИЮЛЬСКИЙ Журналист, корреспондент РББ (Радио Берлин-Бранденбург). Его корреспонденции, рассказы и очерки печатаются в русскоязычной прессе Германии. Живёт в Берлине.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК Прозаик, публицист. Его статьи и эссе широко публикуются в российских газетах и журналах. Живёт в Москве.

ВЛАДИМИР АВЕРБУХ (1937 – 2018). Известный переводчик Р.-М. Рильке и специалист по его творчеству. Преподавал в Опавском университете (Чехия).

СВЕТЛАНА ШЕНБРУНН Прозаик. Её книги широко известны в России и за рубежами страны. Роман «Розы и хризантемы» был включён в шортлист Букеровской премии в 2000 году. Переводит с иврита на русский язык произведения израильских писателей. Живёт в Иерусалиме.

АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ Родился в Ленинграде в 1940 г. Закончил Гидрометеорологический институт. Проработав три года метеорологом переквалифицировался в инженера электронщика. Отдельные литературные публикации для детей и для взрослых были в журналах «Чиж и Ёж», «Кукумбер», «Слово-Word», «Дошкольная педагогика» и других периодических изданиях, и в Литературной серии «Петраэдр». Несколько книжек вышло в Издательстве журнала «Нева». Лауреат Международных Поэтических Турниров в Дюссельдорфе (Германия). Лауреат в номинации «Рассказ года» (2015г.) в Серии «Петраэдр» (Санкт-Петербург). С 1993 года проживает в США.

АРКАДИЙ МАРГУЛИС Родился в 1951 г., образование высшее техническое. Окончил также Литературные курсы в Киеве. Автор трёх романов, одного сборника рассказов и повести, вышедших в двух издательствах – Стрельбицкого и «Аэлиты». Печатался в журналах «Северная Аврора», «День и ночь», «Север», а также в немецком журнале «Эдита» и американском «Листья». Является победителем в двух петербургских литературных конкурсах «Медный век» и «Евро кон» с публикацией победивших работ в сборниках. Член Международной ассоциации писателей и публицистов.

ЛЕОНИД НЕМИРОВСКИЙ Родился в Одессе. Окончил Московскую консерваторию, пианист и композитор. Жил и работал в Москве. Писал музыку для театра и кино. Автор литературно-музыкальной композиции по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» для театра. Живёт в Берлине с 1995 года.

АЛЕКСАНДР ЛАЙКО Родился в 1938 году в Москве. Был близок к лианозовскому кругу поэтов и художников. Стихи печатались в журналах «Время и мы», «22» и других зарубежных изданиях, а после перестройки - в России. Автор четырёх поэтических книг. Член союза писателей Москвы, немецкого ПЕН-клуба писателей. Живёт в Берлине.

ОЛЬГА КРАВЧУК Родилась в 17.10.86 году в Симферополе, образование – высшее филологическое. Работает фотографом. Участница IV Летней литературной школы в Карпатах. Публиковалась в сборниках рассказов

«77 историй о победе над раком», издательства «for Smart» (2013 год) и «И будут люди...», Дикси Пресс (2013 год); альманахе «СКІФІЯ-2013-ВЕСНА», «Золота Пектораль плюс»; в литературных журналах и газетах «Литературный Крым», «Бористен», «Вокзал», «Новая реальность», «Наша улица», «Микроліть», «Пролог», «Парадный подъезд», «Litera_Dnepr», «Облако и парус», «Литературный Башкортостан», АРТБУХТА.

Призёр Всеукраинского творческого конкурса «Борітеся – поборете!» (2013 г.); финалистка Крымского Республиканского молодёжного литературного фестиваля «Прошу слова» в номинации «Триумф короткого сюжета» (2013 г.), а также других литературных конкурсов 2011-13 гг.

МИХАИЛ ВАЙМАН Родился в 1931 году на Украине. В 1941 году вместе с семьёй переехал в г. Куйбышев. Окончил пединститут, работал учителем. Затем учился в Москве в медицинском институте. 35 лет проработал врачом. Автор двенадцати поэтических книг. Член союза писателей Москвы. С 1995 года живёт в Берлине.

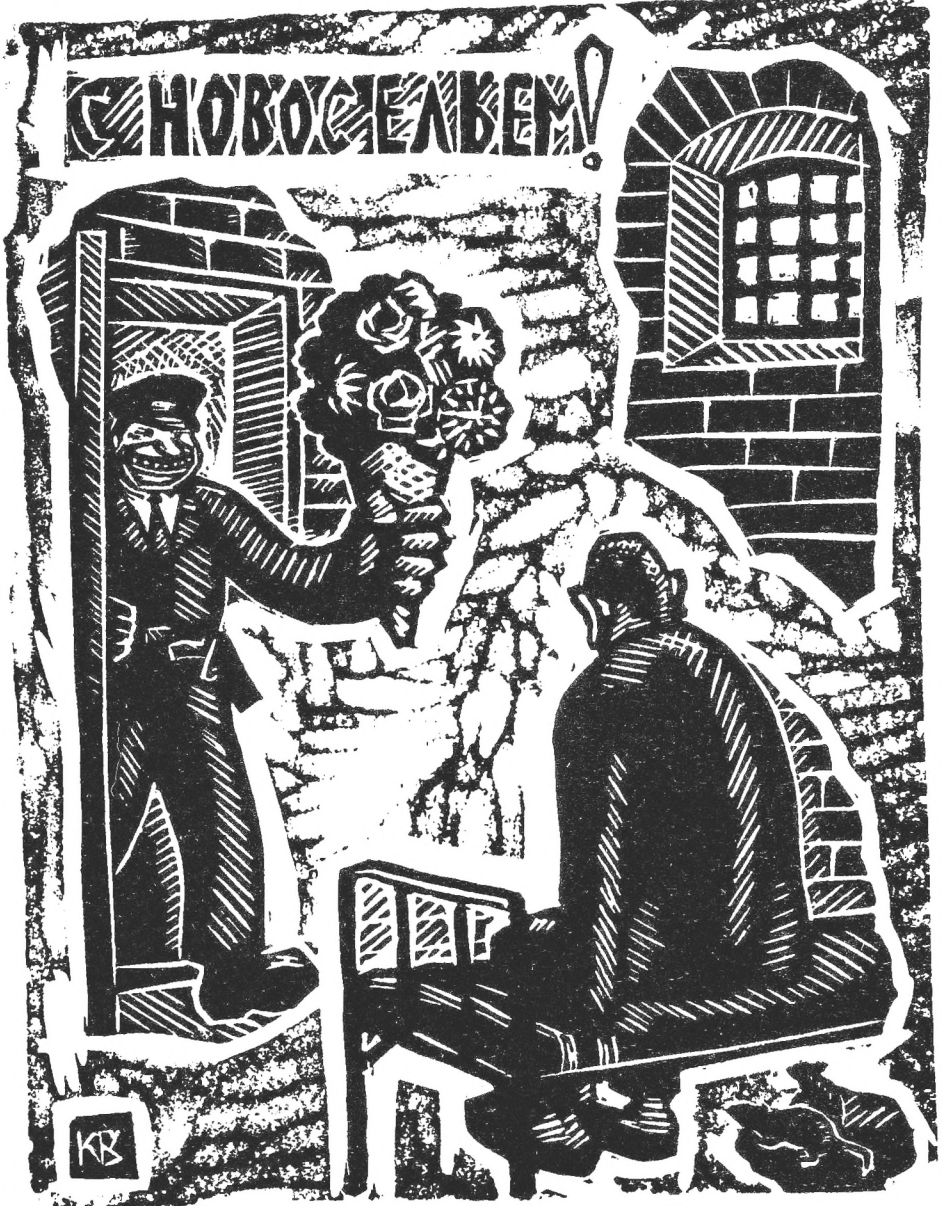
ИСАЙ КУЗНЕЦОВ (1916 – 2010) Заслуженный деятель искусств, Лауреат Государственной премии Российской федерации, известный прозаик, драматург и сценарист.

СТЕПАН ЛЕВИН Родился в 1945 году в Москве. Закончил МИЭМ, работал в различных НИИ Москвы и инженером-исследователем на немецких и американских фирмах. С 1990 года живёт в Берлине.

ОЛЬГА МЕЛЬНИКОВА (Кныш Ольга Николаевна) родилась в 1939 году в деревне Куцевщина Великораевского сельсовета Копыловского района Бобруйской области (Белорусская ССР). Начиная с 2011 года, её сын **АЛЕКСЕЙ МЕЛЬНИКОВ** стал записывать её устные рассказы о военном детстве.

АНАТОЛИЙ САМБУР Родился в 1930 г. в городе Харькове. Инженер литейного производства. Образование высшее (Уральский политехнический институт, Свердловск-Екатеринбург, 1954). Свыше 15 научных публикаций, в т.ч. два авторских свидетельства на изобретения.

НОВОСЕЛЪЕМ!

KB

P. V. K. 62